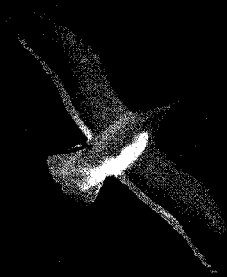

84/2Рос = Рус) 6

Ф 33

Галина
Фёдорова-
Косарева

ДОЛГОЕ ЭХО

1

Библиотечный
Клуб
об авторе

Учлен в
просвещенный
Росгидромет

Челябинск
Областная писательская организация
ООО "Союз писателей России"
Челябинский Дом печати
2012 г.

9.01.2013 г.

е
ия

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф33

Федорова-Косарева, Г.С.

Долгое эхо : рассказы / Галина Федорова-Косарева. — Челябинск : Областная писательская организация ООО "Союз писателей России" : Челябинский Дом печати, 2012. — 248 с. : фот.
Агентство СР Челябинской ОУНБ

Федорова-Косарева Г. С.

Долгое эхо
(рассказы)

Рассказы Галины Федоровой-Косаревой созданы в разные годы ее жизни. В текстах книги, скользящих "по волнам времени", заключен опыт автора, вместе со всей страной мучительно преодолевающей трудный период смены общественного строя и духовных ценностей.

Литератор обращается к тому Непреходящему, что разрывает рамки сиюминутности.

"Долгое эхо" — это книга для читателей всех возрастов, в ком жива душа и теплится Надежда и Вера.

ISBN 978-5-87184-534-9

© Г. С. Федорова "Долгое эхо" тексты, составление - 2012
© О. Н. Павлов. оформление, обложка, оригинал-макет - 2012

84/2Рос=Рус)6
Ф. 33.

Галина Федорова-Косарева

ДОЛГОЕ ЭХО

рассказы

-61496-1

МУ Кондинская МЦБС
Центральная библиотека
Зал эколого-краеведческой
литературы

Муниципальное учреждение
Кондинская межпоселенческая
централизованная
библиотека

*Посвящаю памяти моих незабвенных близких,
ушедших от нас:*

*отца моего Сергея Павловича Федорова
и сестры Амалии Сергеевны Корякиной,
учителей математики;*

*дорогой моей тетушки Екатерины Васильевны Евсеевой,
учительницы русского языка и литературы.*

*Благодарю родных, друзей и единомышленников,
кто поддерживает меня в водовороте жизни.*

*Глубоко признательна также людям,
настроенным ко мне недоброжелательно,
ибо они учат мужеству, терпению и умению
корректировать свое движение по реке Времени.*

*Сердечное спасибо всем,
кто помог мне подготовить и опубликовать эту книгу.*

Желаю читателям Света и Радости.

От автора

Сегодня мой дом – в Челябинске. Как говорится, где родился, там и пригодился. Возможно. Возвращаясь в родные места, мы всегда находим другой мир. Поскольку в одну реку нельзя войти дважды.

В моей биографии отмечены Поморский север, шатром раскинувшийся над моей юностью; Свердловск-Екатеринбург, вобравший в себя как годы учебы, так и счастливое время семейной жизни, материнства; и, наконец, Югра – этот урманный, болотистый таежный край, когда-то вогульское княжество, а теперь край рыбаков, нефтяников, лесников.

Районная газета "Кондинский вестник" стала моей третьей любовью после архангельской молодежи "Северный комсомолец" и свердловской-екатеринбургской областной молодежной газеты "На смену!" Таким образом, соединился север моей юности – русское Поморье – с древней Югрой. А широкий взгляд на весь Севморпуть и холодные пространства Ледовитого океана сменился на углубленное проникновение в жизнь малой точки на карте севера – Конды. Колыбель моя – Суровый Урал – могучим перпендикуляром пронзил белые просторы Арктики, дошел до Диксона, выстроив мощный треугольник – с вершинами в Уэлене, Мурманске, Оренбурге. Спасибо судьбе за то, что путешествия мои по миру продолжаются и по сей день.

Высокие широты всегда жили в душе моей. И загадки их вели от изучения внешнего мира к погружению в мир внутренний. От освоения пространств – к освоению времени. И параллельно с работой газетчика я не переставала писать для себя. Для души.

Дети – а их у меня трое (а теперь уже бегают по земле и мои внуки) – и работа в газете всю жизнь составляли две половинки моей творческой биографии. Журналистика давала материал для осмысления и переработки в топке духа, и то, что спустя многие годы ложилось на чистые страни-

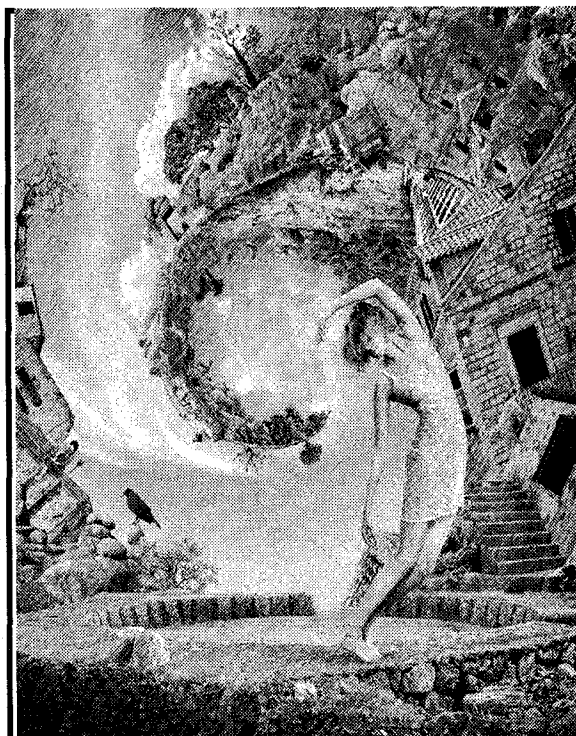
цы, было трудно сопоставить с исходной фактурой, давшей первый толчок для размышлений. Странные страницы стихов и текстов — это метафоры не столько событий, сколько движений души, отражение интереса и внимания к потаенным сторонам жизни.

Мои полуфантастические рассказы — о том, что на всё — воля Божья. Позволить этой воле свободно перетекать через тебя, чтобы на все сто исполнить то, что предназначено именно тебе свершить на Земле — в этом и состоит наивысшее счастье и реализация всех наших талантов! Человек должен быть счастлив — это нормально. Он для того рожден. Для любви и радости. А если он несчастлив, а вокруг — наглая бездуховность, значит, что-то происходит неправильно, не по Божественному Закону.

Можно ли это поправить? Попробуйте. Начните с улыбки. С благодарности. С просьбы о прощении. Полюбите врагов. Пусть ваши обиды растают, а негативные мысли трансформируются в образы Света и Радости. Эта книга и есть просьба о прощении за обиды вольные и невольные, и благодарение всем, и добрым силам, и силам зла. Ибо нет в мире добра и зла, но есть смена дня и ночи, есть вечное движение. Улыбайтесь — и жизнь ваша начнет меняться к лучшему...

Пейзаж тому весьма способствует. Южный Урал — очень солнечный край.

Галина Федорова-Косарева

**ДНИ ГЛАВНЫХ ВСТРЕЧ
(1970-2000)**

КАРТИНА

Я лежал на тахте, разглядывая картину. Ее подарили нам с Клавой еще на свадьбу, но повесил я ее на видное место совсем недавно, когда жена настояла, чтобы я ушел из управления лесного хозяйства и больше был дома. Деревья, рябь на воде и особенно ивовый куст с длинными белесыми листьями точно настоящие. Мне захотелось тронуть ветви куста — я протянул руку вверх. И вдруг... Всей ладонью я ощутил гибкую теплоту ветки. Какая-то необъяснимая сила подняла меня... Только свист в ушах. Закрыв глаза от неожиданности, — но вокруг снова была тишина. Другой воздух — сосновый, жаркий — откуда вдруг в нашей квартире? И еще пение птиц — веселое "тив-тив" и "цок-цок", нарушавшее безмолвие, — это клесты-словики, я узнал их голоса... Они не могли цокать ночью в сквере у дома! Неужели?!

Я открыл глаза в солнечном июльском полдне, в другом времени, в другом мире. Потянулся и встал — у ивового куста, в двух шагах от реки. Плеснул себе на лицо мягкой, прогретой, чуть зацветшей водой. Осторожно ступая, вошел в лес. Порядок бы навести — санитарная рубка явно необходима, кое-где можно молодые деревца посадить... Но я тут не был хозяином и страшно беспокоился, как бы не повредить чего в этой удивительной картине. Только поглаживал тихонько рукой теплые, могучие стволы сосен и никак не мог поверить, что он вправдашний, этот лес.

На другой день, хоть я не очень надеялся на успех предприятия, решил взять с собой Светку. Девчушка за город не выезжает — хоть тут порадуетса солнцу, речному простору, лесной зелени.

Клавдии я не рассказал о тайне картины, знал уже — она лишь отмахнется и уйдет к своим серьезным делам — работе в НИИ и учебе. А ведь прежде она, кажется, была совсем другой...

Студенческая целина. Мы убежали от всех, от шума и шуток, мы остались одни. Кругом расстилалась соломенная степь, сухой знойный воздух сжигал землю и небо, бездонное и пустое. Только коршун медленными кругами парил над степью.

— А если он следит за нами? — спросила Клава.

— Мы ему не по зубам, — засмеялся я и поцеловал ее ладонь. Она отняла руку.

Потом мы сидели у оврага и смотрели, как по краю око-ема быстро-быстро скользят темные язычки.

— Так часто бывает в полдень. Это обед бежит, говорят. Искупаемся?

Я прыгнул с обрыва и обернулся: ловлю. Но взял ее на руки осторожно, она обхватила меня за шею, и на мгновение: губы к губам... Она засмеялась! Встала на ноги и — бегом вниз. Мимо столбов, похожих на статуи острова Пасхи, под фантастические арки из высохшей осыпающейся породы — шуточки дождя и ветра. По мертвой каменистой земле — к маленькому озерку, к воде, невероятной, невозможной здесь... Но тогда я не видел ничего, кроме светлоглазой, нежной девушки, которая должна стать моей женой.

Я увез ее из степи в город, перешел на вечернее, настоял, чтобы и она пошла учиться. Она родила мне дочь.

Но вот теперь я ничего не могу рассказать ей про тайну картины.

Однажды днем в субботу, когда дочка, нарезвившись в лесу, поплескавшись в реке, заснула, я взял ее на руки и тихонько пошел к ивовому кусту. Мне оставалось сделать только шаг, чтобы перенести Свету домой, в постельку. Я уже видел свою квартиру и слышал, как вдруг хлопнула дверь. Так и остался, будто в детской игре "Замри", с дочкой на руках у куста. Жена... Вернулась, значит, пораньше из библиотеки. Молил бога, чтобы она не глянула на картину: наверное, я там на переднем плане...

Но ей не до того. Вот что, она пришла не одна, я услышал ее веселое щебетанье (со мной последнее время она разговаривала совсем иначе):

— Ну, я так и знала, они опять отправились в кино. Я должна заниматься, а он взял моду водить ребенка по кино, и все на свои лесные картины — и где он их только находит: "Таежная повесть", "Лесные были"?.. Ну, не стесняйся, проходи. Вот курсовая, глянь, пожалуйста. А я пока на кухню, надо что-нибудь перекусить...

Молодой мужчина, тощий, согнутый, с очками на длинном носу, робко огляделся, потянулся обнять Клавдию.

Я от возмущения чуть не завалился к ним в комнату, но дочка шевельнулась во сне, и я вовремя опомнился.

— О, Сереженька, нет, нет, это от нас не уйдет. Ты обещал почитать мою курсовую. Пожалуйста, пока я подогрею обед... — Сереженька не хотел сидеть в комнате и читать курсовую — не затем он поднимался на пятый этаж. Но просьба хозяйки так настойчива — он взял папку с бумагами и прошел вслед за Клавдией на кухню...

Однако, пока их нет в комнате, надо поспешить. От ивового куста до тахты — один шаг. Я бесшумно прошел в спальню, уложил Свету. Она улыбалась во сне... Поплотнее закрыл дверь, чтоб семейный скандал не разбудил дочку. Взял мраморную пепельницу со стола. И в это время: "тив-тив", "цок-цок" — услышал я. Поднял глаза. Вода реки текла спокойно и тихо, и столько мира и добра было в горячем соновом воздухе... Я вздохнул, положил пепельницу на место и тяжело прошел по коридору.

Они вздрогнули, увидев меня, и отступили друг от друга.

— Михаил, ты дома? Вот неожиданность. Мне показалось, что в квартире пусто.

— Дома, как видишь. С кем имею честь? — обратился я к гостю. Он перетрусил и стоял бледный, молча.

— Это Сергей Петрович, я пригласила его помочь с курсовой, — зататорила жена.

Сергей Петрович, видно, оправился от первого потрясения и проговорил, заикаясь:

— Извините, я пойду, пожалуй... А курсовую возьму с собой, дома посмотрю...

— И не отобедаете? О, я очень гостеприимный хозяин.

— Спасибо! Нет, нет...

Мне даже жаль его. Он выглядит таким несчастным и точно уменьшается в размерах. Неужели он подумал, что я буду его бить? Таких не бьют. Он торопливо срывает плащ с вешалки, уходит бочком, слишком поспешно. Я не могу удержаться от хохота.

Клавдия налетает как буря:

— Ты просто ничтожество! Хочешь поймать меня?! Не удалось и не удастся! Где ты прятался — в шкафу сидел, что ли?

— Зачем в шкафу? Я укладывал спать Светланку и задремал. А ты бы постыдилась водить любовников в дом, дочь все-таки здесь!

— Ну и сказанул — любовников! Зачем он мне — сам подумай, старый ревнивец. Там и посмотреть не на что! Что с ним делать-то! — Клавдия прикусила язык, поняв, что проговорила, но тут же продолжала: — Мне его интеллект нужен, и только! Он с курсовой мог бы помочь. Да что тебе объяснять! Тебе же, кроме леса твоего, ничего в жизни не надо!

— Зато тебе много надо: от одного — интеллект, от другого — любовь, я же для тебя — только нянька, прислуга и повар. И ради этого я оставил свою работу!

— Лес, скажите на милость! Ты мог бы и в городе, в лесопарке вон устроиться! Нет, ему, видите ли, глухомань нужна! Он, видите ли, максималист! Командировки — так только на полгода! Чтобы проникнуться! Да я лес твой видеть не могу... Понавесил тут...

Она потянулась за моей картиной. Что она хотела сделать?

— Не тронь! — Зашипел я так страшно, что жена опустила руки и обернулась ко мне с удивлением. Лицо ее побледнело.

— И не кричи, дочь спит, — добавил я уже почти спокойно.
— Дурак! — она и впрямь стала говорить потише. — Еще и ревнует, и сцены устраивает! Молчал бы! Стыдно кому сказать: муж — слесарь-водопроводчик с высшим лесным образованием!

— Ты сама этого хотела. В лесхоз куда уехать, что ли... — Ох, как я устал. Я лег на диван, отвернулся к стене.

— Уезжай, уезжай, но знай: я с тобой не поеду! Работу, и учебу, и квартиру не брошу! Это надо — в лесхоз! Вот уж, сколько волка ни корми...

Клавдия еще возмущалась, кричала и плакала, но я уже не слушал. Этот вопросительный знак, который целовал, конечно, ее, принес в наш дом запах гари, лесного пожара. И в горле першило...

...Больше всего на свете хотелось побывать снова в том лесу, но я не мог... Смотрел на ивовый куст, на воду — но они были на картине, а я оставался на своей тахте...

Позвонил в управление — место в лесхозе мне пообещали сразу.

И вот однажды, когда Клавдия (после размолвки она старалась показать себя хорошей матерью) отправилась с дочерью на воскресную прогулку, я почувствовал, что лес снова, как в самый первый раз, зовет меня. Я запомнил на всю жизнь это число — двенадцатое мая. В тот день в лесу я встретил молодую женщину, похожую на юную Клавдию. Это было странно — ведь я думал, что это только мой лес, мой и Светы.

Я сидел у обрыва реки, когда она появилась из зарослей. И замерла в недоумении — наверное, и она не ожидала тут никого увидеть. На ней было нарядное белое платье с оборками, совсем не подходящее для леса. Все-таки тут комары, клещи водятся... Сейчас, сейчас она повернется и скроется снова... Я заговорил торопливо и весело:

— Здравствуйте! Я как чувствовал, что меня кто-то зовет сегодня — и пришел. Кто вы! Нимфа этих мест, фея?

Душа леса, может быть? Вы — Клава? Или вас вообще не существует, и такая милая женщина — только мираж, обман зрения?

Я почти не верил, что она ответит, кто ж знает, по каким законам живет этот мир? Но она подошла поближе, заговорила.

— Я не звала вас. И я не фея. Я человек. А зовут меня Лия. И у меня сегодня день рождения, — объяснила она все сразу.

— Поздравляю. Что ж, Лия так Лия. Будем знакомы — Михаил.

Значит, это вовсе не мираж и не моя юная жена... Будто младшая сестра ее; только серые продолговатые глаза Лии мягче, добрее.

— А как вы здесь оказались? — спросил я.

— Вышла погулять.

Что ж, вполне приемлемый ответ. Ничего особенного. Просто два человека гуляют в лесу, созданном кистью художника сто лет назад — и вот встречаются...

Любопытные непуганные птицы садились совсем рядом. Лия внимательно следила за ними:

— Какие нарядные пичуги... Головка почти голубая, а грудка — красная.

— Это зяблики, — объяснил я.

Лия смотрела с таким интересом, что я предложил:

— Пойдемте, я покажу вам лес...

Она протянула руку просто и доверчиво. Оглядываясь вокруг, слушала меня, точно я ей мир впервые открывал. Клавдия, та никогда так не удивлялась и не радовалась.

— Я многого не знаю, а ребяташки спрашивают. Я в детском саду работаю, — она говорила спокойно, негромко, как, наверное, разговаривала с малышами в своей группе — и привыкла говорить всегда. — Стасику тоже все надо объяснить. От него только и слышишь "отчего" да "почему"... Это сын у меня — Стасик, четыре годика.

Мы снова вернулись к реке.

— Спасибо вам, но я загулялась. Пора домой...

Ушла, только белое платье мелькнуло за желтой стеной солнечных сосен.

Теперь всякий раз, сбегаая из своей квартиры в лес, я ждал встречи с Лией. А ее все не было. И вот как-то... Я привел Светланку из детского садика и глянул по привычке на картину. Что-то изменилось. Подошел поближе и увидел в тени деревьев на берегу две фигурки — женщины и мальчика...

— Пойдем погуляем! — предложил я дочери. Она с готовностью тут же закрыла глаза, и я крепко взял ее за ладошку, сложенную листиком ландыша. Ивовый куст на этот раз мгновенно протянул нам свои руки-ветки...

— Как хорошо, что вы пришли, — обрадовалась женщина, — дети поиграют вместе. Славная у вас дочка. Стасик, познакомься с девочкой.

Рыжий мальчуган с хохолком на макушке оставил свои песчаные башни, деловито подошел к Свете, протянул повзрослому руку:

— Станислав. Я строю город. Ты будешь?

Они спустились к реке. На нас дети не обращали внимания; увлеклись игрой.

— Хорошо-то как, — проронила Лия.

Было тихо на душе и спокойно. Век бы так... Солнце печет. Оно не двигается, оно точно остановилось, замерло в этом заповедном лесу.

Я рассказывал Лии, как живут лосята, как возвращаются в стаи отвергнутые волки — бывшие вожаки, как растут кедры...

Но вот Лия поднялась, одернула халатик, в котором почему-то была сегодня — пестренький домашний халатик...

— Стасик, домой!

— Еще чуть-чуть, мама!

— Когда я увижу вас? И где?

Покая как не бывало. Потерять ее!

— Здесь, когда захотите, — ответила она совершенно легкомысленно. Но я-то имел в виду ту, другую жизнь, куда мы уходим отсюда. Коснулся рукой ее мягких волос.

— А почему нельзя там, в городе?

— Зачем? Вы все испортите. Да и как это может быть? — ласково и отстраненно улыбнулась она. Еще раз позвала сына.

— Mam, вот камушек с дыркой, — восторженно сообщил Стасик.

— Это счастливый камень, — сказал я.

Лия обняла Светку, потом помахала нам, и мать с сыном быстро и легко пошли по берегу к повороту сверкающей реки...

Несколько дней я ждал ее на берегу — Лия не появлялась.

Тем временем мне уже сообщили место будущего назначения — лесхоз на севере нашей области. Зарплата неплохая, и квартиру сразу дают. Значит, я могу взять с собой дочь. Подал заявление на увольнение и работал последние дни. Тут как раз один из слесарей попросил отдежурить на его участке.

В квартиру, где надо было починить кран, позвонил уже в конце дня.

— Вы — слесарь? Я с работы отпросилась, весь день прождала, а вы так поздно, — женщина открыла и посторонилась.

Лия!?

— Заявок много, — я ответил автоматически, а сам стоял как вкопанный и глядел на нее: она была в том самом цветном халатике.

— Здравствуйте, — наконец, сказал я.

Надо же, как глупо пришлось встретиться. Ладно, хоть она, кажется, не узнала меня сразу. Прошел в ванную, стал осматривать, что там не в порядке.

— Намучились мы с этим краном. Вы уж, пожалуйста, сделайте все как надо, — говорила она своим грудным, мягким голосом.

— Конечно, конечно, — я принялся за работу, а Лия ушла в комнату.

Но вот она снова появилась на пороге ванной:

— Вы закончили уже?

Я выпрямился, отряхнул брюки, поправил волосы:

— Можете принимать...

— Спасибо. Возьмите, пожалуйста, деньги!

— Лия, вы не узнаете меня? — осмелился я спросить.

— Лицо как будто знакомо. Мне кажется, я вас во сне видела, — она сказала и смутилась от странности сказанного. — Вы наш слесарь, я встречала вас на улице, наверное.

Из коридора, где я стоял теперь, мне была видна почти вся комната. Мальчик, ну конечно, Стасик, сидел за столом. А над его головой висела картина. Как моя, почти как моя, только в том же лесу, у реки художник выбрал другое место для работы. Крутой поворот, за которым Лия скрывалась, — он здесь, и, видимо, тут, у небольшой скалы, была ее "дверь". Неужели она не помнит?

— Вы почему-то знаете мое имя. А как зовут вас?

— Михаил. Но я знаю не только ваше имя. Вот это Стасик. Ваш день рождения — двенадцатого мая. И работаете вы в детском саду воспитателем.

Женщина помолчала в растерянности, потом улыбнулась своей беспомощной улыбкой, которую я знал так хорошо.

— Все правильно. Но вы же не волшебник, вы лесничий... Господи, что я говорю... Простите меня, ради бога... Затмение какое-то. Вам, конечно, соседи все про меня рассказали?

Я боялся напугать ее, да и как еще можно было напомнить?

— Конечно, соседи. Но я в самом деле лесничий — вот такое совпадение. Уезжаю в лесхоз работать. Заканчиваю со слесарным делом.

Лия вздохнула облегченно. Увидела, что я разглядываю картину, живо откликнулась:

— Вам тоже нравится? Я очень люблю смотреть на нее, часами. Иногда мне кажется, что я...

— Попадаете в тот лес? — подсказал я, но она уже отстранилась, испугалась чего-то...

— Садитесь, что ж вы стоите! И как это вы решаетесь уехать из города, мужество нужно, чтоб сразу все порвать.

— Так уж складывается жизнь.

— Может, чаю попьете?

— Нет, нет, спасибо. Еще есть заявки. Тороплюсь.

Только уйти сразу не мог. Погладил Стасика по голове, а он в ответ вытащил из кармана тот камень, с дыркой. Вот это да — мальчик помнит! Он-то не считает встречу в лесу сном. Дети верят сказкам, и, наверное, они правы.

— Привет тебе от Светы!

Мальш кивнул с достоинством:

— И ей — от меня. С ней хорошо играть.

Он подбросил на ладони камешек.

— А вот это ты взял напрасно. Оттуда ничего нельзя брать.

— Откуда "оттуда"? — удивилась Лия. — Я вижу, вы знакомы с моим сыном, и даже тайны какие-то у вас...

— И с вами я тоже знаком, я рассказывал вам про зябликов...

Она глядела широко открытыми глазами.

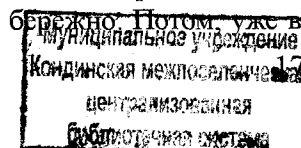
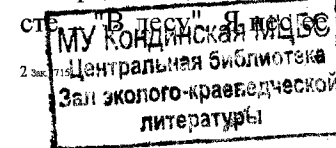
— Простите, не припомню...

— Это неважно. Вы позволите писать вам?

...В лесхоз мы уезжали вдвоем с дочкой. Клавдия не стала отнимать у меня дочь — и я за это был ей благодарен.

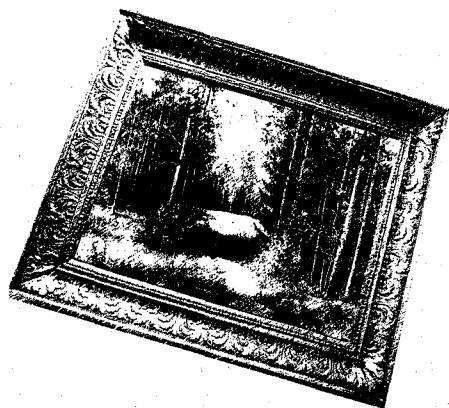
— Понимаешь, дела в институте и сессия скоро, — Клавдия объясняла все это, оправдываясь. — Вы уж там сами как-нибудь.

Среди немногих наших вещей была и та картина на холсте. "В лесу". Я ее особенно бережно. Потом, уже в

новой квартире, повесил на стену. Только мне больше не удавалось перешагнуть туда, к ивовому кусту. Не получалось. И больше не мог я встретить в том лесу Лию со Стасиком... Может быть, оттого, что тайга шумела вокруг поселка, и было много работы.

Вчера я написал Лие письмо и позвал ее в гости.

ВАГОНЫ С ПОМИДОРАМИ

Валентин Щелканов открыл глаза. Правая щека побаливала, глаз опух. Да и голова гудела, будто колокол. Сима яростно драила пол, громко двигала стульями. Будила? Вставать не хотелось, хотя, похоже, дело к вечеру. Валентин задумался. Кто же его так отделал? Медленно растирал лицо, пытаясь преодолеть тяжесть, прижимавшую его к постели. Нехорошо было, мутрно. И ничего не вспоминалось.

— Слушай, — со стоном выдавил он наконец, — сколько времени?

Сима резко выпрямилась, хлопнула тряпкой об пол, ее крашенные волосы вырвались из-под заколок и заплясали.

— Проснулся! Хорош, нечего сказать, с синяком! От людей стыдно. Подымайся, на кружок пора, да не забудь, после Дворца ты на вокзал хотел пойти, вагоны с помидорами разгружать...

"Вагоны с помидорами" — эти слова, точно поворот ключа машины. Мотор заработал, весь вчерашний разговор с Режиссером всплыл в памяти.

...Какой это был день! Валентин читал во Дворце культуры прозу Булгакова. Туда Светлана, его давняя подружка еще по театральному училищу, и обещала привести Режиссера. Но они, конечно, опоздали и пришли только в ресторан, тот самый ресторанчик рядом с Дворцом, где Сима работает. И они услышали, как Щелканов пел — его попросили, и он пел, — хоть это услышали.

И теперь Светлана, стройненькая, в голубых джинсах и тонком сером свитерке с широкими рукавами, гордо, взяв Валентина под руку, вела его через весь зал знакомиться с Режиссером.

— Скорее, скорее, он не любит ждать. Похоже, ему понравилось, как ты пел, раз он хочет тебя видеть...

Ее глаза сияли, странные, татарские глаза на светлом русском лице, карие глаза с маленькими черными точками на радужной оболочке. Она радовалась... А Валентин думал, что Сима из коридорчика возле кухни может их увидеть...

Но столик стоял в углу, в закутке, и это обрадовало Валентина, авось пронесет, не скажут Симе.

— Стас, познакомься. Это Валентин Щелканов.

Стас — довольно шуплый парень, вряд ли старше Валентина, в очках, немодная стрижка ежиком, какую уже никто не носит, усики... Заурядный, в общем, тип... Он что-то сказал Светлане, та спокойно повернулась и ушла. Это не понравилось Валентину — он рассчитывал на ее поддержку.

— Садитесь! — Режиссер поглядел на Валентина, и тот понял, что этот человек не так прост, как показалось ему на первый взгляд. Крупные черты лица выдают силу, а из-под роговых очков не глаза глядят на Валентина, а два лазерных луча. Они проникают насквозь, оказаться в этом пучке энергии не очень уютно. Совсем некстати Валентин вспомнил о дельфинах — кто-то ему рассказывал, что они хорошо видят и в воде, и в воздухе, а эхолокаторы их принимают ультразвуки, инфразвуки, и есть у них что-то вроде ультразвукового прожектора... У этого Режиссера тоже, наверное, какие-то прожекторы включаются, дельфины эхолокаторы...

— Садитесь, — пригласил еще раз Дельфиний Глаз. Валентин сел, ноги как ватные. Светку бы рядом, взяла бы за руку, поддержала. И зачем ее отослали?

— Я слышал, как вы пели. Есть с чем работать. Очень жаль, что не удалось попасть на концерт. Может быть, сейчас почитаете. Тихонько, не смущайтесь. Пожалуйста!

Голос изменил Валентину. К тому же текст был где-то рядом, но ускользал. Это те несколько рюмок, что он успел выпить, стерли начало главы... Услужливо подскочила фраза из середины — он доверился ей, точно переступил границу другой страны, его понесло, и он напрочь забыл о Дельфиньем Глазе. Он вышел на берег, слыша только море, и горы, и смех...

"Как бы то ни было, Воланд смеялся, поглядывая на Маргариту, и говорил:

— Не надо кричать в горах, он все равно привык к обвалам, и это его не встревожит. Вам не надо просить за него, Маргарита, потому что за него уже попросил тот, с кем он так стремится разговаривать. — Тут Воланд опять повернулся к Мастеру и сказал: — Ну что ж, теперь ваш роман вы можете кончить одной фразой!"...

Следующий абзац выпал из памяти. Валентин потер лоб и махнул рукой, переходя к главному:

" — Свободен! Свободен! Он ждет тебя!

Горы превратили голос Мастера в гром, и этот гром их разрушил. Проклятые скалистые стены упали".

— Довольно, — Режиссер чуть повел рукой, — пойдемте в зрительный зал...

Валентин не сразу вернулся сюда, за столик, из странной горной страны, выдуманной Булгаковым. Но вернулся, понял слова Режиссера, удивился, хотел сказать, что никакого зала тут нет, а может быть, даже и сказал, но его не услышали, и он поднялся и пошел, как механическая игрушка, за этим невысоким темноволосым человеком. Надо бы предупредить Симу, что он задерживается, ведь Вовка дома один, — мелькнула мысль и пропала.

Дельфиний Глаз и в самом деле привел Валентина в маленький уютный зал, точно такой, как в кинопрокате, — Валентин бывал там. Красные бархатные кресла, рядов десять всего — и экран во всю стену. Где они очутились? Уж точно, не в ресторане, Валентин мог бы поклясться. Молча уселись.

— Начинайте, — негромко скомандовал Дельфиний Глаз. Матовый свет в боковых светильниках медленно потух. По экрану запрыгали зайчики, — видно, кинооператор настраивал свой аппарат. И началось немое кино. Нет, не кино, а скорее, театр теней. Щелканов никогда прежде не видел ничего подобного. Неужели это и есть старинный театр

"Латерна магика"? Но в его городе — откуда? Перед ним двигались фигурки — и с недоверием, а потом с интересом он узнавал себя, своих друзей, которых оставил за столиком ресторана. И мастера, смешного толстого человека, который считал, что Валька рожден для токарного дела. Работал Щелканов и в самом деле быстро и красиво — приятно и сейчас поглядеть, хоть и со стороны. Музыка — вдруг пошла музыка, как в кино двадцатых годов. Тапер играл тут же, в зале. Валентин не мог видеть музыканта, но простенький и бодрый марш явно исполнял пианист где-то рядом. Герой наш счастлив: сцена у реки. Они бегут с Симой, взявшись за руки, брызгаются водой...

Звездочки. Вторая часть — недолгая пора его студенчества. Драка — это не драка — это урок мастерства. С улыбкой глядел Валентин на своего учителя — его длинную тень можно узнать сразу. Вот репетиция — ставят Леонида Андреева, и он, Валентин Щелканов, играет "Того, кто получает пощечины". Он сумел передать несколько состояний своего героя: в его прошлой жизни и настоящей, в цирке, и той, что он строит в мечтах... Романтический получился спектакль — Валентин довольно улыбался. На экране он и Света (она играла наездницу, тогда и начался их роман) умирали, а потом вскакивали и раскланивались перед зрителями. Пожалуй, только сегодняшний концерт достигает — нет, выше стоит того, что он делал в студенческом театре.

Но вот улыбка сползла с лица: тени стали выхватывать из его прошлого то, на что смотреть совершенно невозможно. Зачем Дельфиний Глаз показывает ему это? И откуда знает? Светка заложила? Больше некому. Надо же, не поленились, даже кино про его жизнь сработали. Вспоминалось самое дурное: тени с хитрой издевкой разыгрывали такие эпизоды... Появлялась плачущая Сима с ребенком на руках, или начиналась драка на улице — уже всерьез, а не понарошку. И тот самый знаменитый артист пинком ноги вышвыривал его из здания училища. Даже обидно. Ну, отчисли-

ли, за неуспеваемость отчислили, но никто же его ногой под зад не пинал, и с лестницы он не катился...

А дальше и совсем скучно. Ежедневный разговор — Валентин его наизусть знает:

— Возвращайся на завод. Там тебя уважают, горя знать не будем. И заработок приличный.

— Нет, уж лучше грузчиком. Не могу от сих до сих — понимаешь? Я буду готовить программу и добьюсь, что меня восстановят, или поступлю в филармонию, или...

— Но на заводе ты на доске почета висел и в рационализаторах, в лучших рабочих ходил... Самодеятельность есть, коли неумогу...

И так далее, в том же духе.

Разгрузка вагонов. Ну и ящичек он тащит! А вот сидит, гитара на коленях, а рука тянется к рюмке. И что любопытно: Света больше не появляется, а она, между прочим, не исчезала из его жизни.

Музыка теперь взвизгивает, аккорды падают фальшивые. Едва ухо улавливает песенный мотив, как его тут же заглушают беспорядочные звуки, будто маленький ребенок колотит кулачками по инструменту. Валентин говорит резко, своим громким, на зал рассчитанным голосом:

— Хватит! Потешились!

— Почему? — мягко и вкрадчиво спрашивает Дельфиний Глаз сзади.

Пляска теней и звуков продолжается. Щелканову это изрядно надоедает, и он поднимается, чтобы выйти из зала. Тотчас смолкает музыка — тишина! Может быть, просто кончилась лента? Валентин поворачивает голову к экрану — там застыла его тень. За столом, голова упала, рядом бутылка...

— Почему вам это не нравится? Это ваше настоящее, и оно, кажется, вас устраивает...

— Тут все показано однобоко! — взрывается Валентин. — Я не алкаш, как можно понять по этому маразматическому фильму. И не только вагоны разгружаю. Я, к слову, кружок

веду, Шварца ставим со школьниками. Приходите зимой на спектакль...

— Спасибо за приглашение. И все-таки это ваша жизнь, — Режиссер устало кивает на экран. — Как я могу взять на работу такого человека?

— Честное слово, если бы вы были сегодня на концерте, вы бы так не сказали. Вы бы поняли и поверили. Да уберите эту картинку!

Тотчас вспыхивает свет. Валентин переводит взгляд к экрану — и теперь, при свете, картинка не исчезла. Вопреки всем мыслимым физическим законам, она стала еще более четкой и яркой. Теперь это была гравюра.

— Видите, я хотел исполнить вашу просьбу, но... не могу. Потому что это ВАША жизнь и только вы сами можете что-либо изменить в ней. Вы талантливы, но талант, знаете, цветок очень нежный. Если можете порвать со всем этим, сохранить свой дар, — задержите экран.

— Как задержать?

Режиссер молчал. Оба глядели на шторку, серенькую шторку, которая болталась сбоку от экрана. Валентин все же, подчиняясь чужой воле, сделал несколько шагов вперед, к белой стене — и замер. Резко повернулся:

— Как задержать? А что будет, если не задержу?

— Да ровным счетом ничего не будет. — Дельфиньему Глазу, похоже, стало жаль времени, потраченного на Валентина. — Завтра пойдете в свой кружок, а потом на вокзал, разгружать вагоны с помидорами. Все по-прежнему.

— По-прежнему? Нет, по-прежнему не будет! Вы же видели, что я могу иначе, вы же сами сказали, что есть талант!

— Задерживайте занавеску, — сухо и резко скомандовал Режиссер. Валентин не пошевелился.

— Я сильно сомневаюсь в вашем "иначе". Скорее всего, вы поссоритесь с женой, подеретесь с соседями и попадете в милицию. Вы не попадали еще туда? Принимайте мои условия —

иначе изменение вашей жизни может идти только в таком плане. — Дельфиньему Глазу, кажется, стало ужасно скучно.

Валентин, раздосадованный его словами, сделал неуверенный шаг к экрану. Еще... Еще... Теперь он совсем у занавеса, пальцы уже ощущают холод шелка. Резко отдергивает руку...

Дельфиний Глаз вздыхает.

— Что за люди! Я же не предлагаю стрелять или резать занавес ножом... И даже не предлагаю вам вшить ампулу, а некоторые идут и на это и носят смерть в себе, чтобы только человеком стать. А вам только и надо — задержать шторку! Пустяк!

— А что меня ждет, если задерну? Я могу знать?

— Хорошо, я покажу вам, — терпеливо ответил Дельфиний Глаз и щелкнул пальцами. Вновь погас свет — и ожили тени. То ли танец, то ли упражнение. Кто-то шел впереди, падал и поднимался, лез на кручу.

Валентин с облегчением снова опустился в кресло.

— Ну-с, что скажете?

— Я не понял, — буркнул Щелканов.

— Не захотели понять, — снисходительно улыбнулся Режиссер, — вы ждали успеха и легкой жизни, не так ли? А я предлагаю вам работу, хорошую работу, о которой, между прочим, вы мечтаете. В театральном прислушиваются к моему мнению, могли бы и восстановить. Попробуем вас в фильме... Идите, задерживайте, — прервал он сам себя. Но Валентин на этот раз даже с кресла не поднялся. Просто повернулся к Режиссеру:

— Конечно, я очень хочу сниматься в кино и учиться, и обещаю, что буду серьезно работать. Но задерживать какие-то дурацкие занавески решительно отказываюсь.

Смех тайлся в уголках губ Режиссера, а взгляд его под очками продолжал оставаться внимательным и серьезным.

— Отправить бы вас в ресторан, к вашим друзьям. Вы это заслужили вполне, честное слово. Но мне просто жаль отказываться от такого актера. Давайте нарушим условия игры и,

хоть вы и не задернули занавеску, продолжим экзамен. Но знаете, ваши шансы сократились до десяти из ста. Воспользуйтесь этими десятью разумно.

Из кинозала через какой-то холодный голый коридорчик они прошли в другую комнату. Дельфиний Глаз распахнул дверь уверенным движением.

— Отдохните перед пробой, поучите текст. Мне бы хотелось, чтобы у вас получилось.

Валентин огляделся. Он оказался один в маленькой комнате с темно-красными обоями. Окон не видно, но одна стена задернута тяжелой бархатной гардиной густого малинового цвета. Он подошел к ней, отодвинул — и отшатнулся. На него глянуло бесконечное небо — единым черным провалом — без искр и желтого блеска луны. Словно не на городскую улицу выходило оно, а сразу во Вселенную, в бездну. Его перспектива? Прислонился к стене, постоял молча, успокоился. Чепуха! Просто город спит.

Сел в кресло. Комната пустая, только стол и шкаф у стены. Ни графина, ни репродуктора, ни газет на столике. И пол стерильной чистоты. Какая-то камера вне пространства и времени. Точно для него, Валентина Щелканова, и создана. Как декорация на студии — и в этих стенах еще никто не был. В дверце шкафа — зеркало. Актер смотрит на себя внимательно, как любой художник — на материал для работы. Неважный материал: усталое выражение, кожа бледная, дряблая, а глаза потеряли блеск и стали какими-то пустыми, водянистыми.

Сам себе поставил задачу: рассердись! И с удовлетворением отметил, как ожило лицо, суровым стал взгляд. Улыбнулся, сбросив чужое настроение. Талант при нем, о чем беспокоиться! Вернулся к столу, взял машинописный текст. Но вот читать, вдумываться не хотелось. Устал он сегодня. Поспать бы или хоть выпить, взбодриться.

Откинулся в кресле, все тело налилось приятной тяжестью. Казалось, сейчас придет легкий сон, но только мелька-

ные кадров снова увидел он. Вздогнул и открыл глаза. Умники! Валентин поднялся и стал выдвигать ящики стола. Сам не знал, что хотел найти. Только когда распахнул дверцу шкафа, понял: искал не зря. На полке — бутылка старого вина, рядышком — стакан. Плеск и бульканье, слишком громкое, напугало Валентина. Показалось вдруг, что сзади стоит Дельфиний Глаз, глядит своими локаторами. И негромко, приглушенно хохочет. Быстро, украдкой Валентин оглянулся на дверь. Закрыта. Но когда, уже не глядя, хотел взять стакан, рукахватила лишь пустоту. Даже потер себя по лбу — что за проделки! С тоскливым и злым чувством опустился в кресло. Жаль, что не удалось промочить горло. Но как бы то ни было, сыграет он сегодня отлично! Зубрить не будет, импровизация выручит... Чуть отдохнуть, отключиться...

Кажется, кто-то позвал его. Света? Он по-прежнему сидел в кресле, но уже не в пустой комнате, а прямо посреди съемочной площадки. Голос Дельфиньего Глаза:

— Выучили текст? Нет? Что ж, оставили себе один шанс из ста. Ложитесь на диван. Вам плохо. Заходит ваша жена с любовником. Чувствуя смерть, вы их прощаете.

Хотя Валентин не видит Режиссера, его спокойное и властное слово действует на актера магически.

Он понимает, как уродлива, глупа сама ситуация, но Валентин уже входит в атмосферу будущей сцены, уже чувствует в себе боль и тоску. Походкой тяжело больного человека добирается до обшарпанного дивана, обитого увядшими цветочками. Осторожно укладывается и ощущает даже некоторый комфорт, хотя его и жгут юпитеры, а дальше, за камерами, мелькают люди. Выскакивает девушка, резко хлопает дощечкой... Правда, кажется, проба... Валентин закрывает глаза. Шелестит бутафорская дверь, и в комнату кто-то входит. Валентин замирает. Вокруг него двигаются, шепчутся... Жесткие волосы касаются лица. Симка! Ее волосы, ее шаги, ее голос!

— На кого ты меня оставляешь, соколик мой ясноглазый!

Удивленный Валентин поворачивает голову, чтобы поглядеть, она ли... Поворачивает с трудом, весь в образе... И точно, Симка! Лицо залито слезами, стоит на коленях. С ума сойти! Однако надо вести роль, хотя тут и появилась собственная жена.

— Сима, кто это с тобой? — Валентин пытается выполнить задачу, поставленную Режиссером, — язык еле двигается, слова вырываются с хрипом...

— Это так... Это никто... Наш официант Костик...

Подъ ты! Дельфиний Глаз сказал, что будет жена с любовником. Неужели это смазливый и глупый, как пробка, Костик? Хочется заорать на Симу, но он помнит, что идет проба, сдерживается и продолжает тихо, с болью:

— Костик! Он для тебя — Костик? Я на смертном одре, а ты о чем думаешь?

— Прости меня, милый! Прости и благослови нас! — Сима тянет к дивану Костика, и тут Валентин уже не выдерживает, соскакивает, летит к жене и Костику:

— Я, кажется, вас благословлю сейчас!

Негромкое категоричное "Стоп!" — и Валентин остался один на площадке, как будто никого с ним и в помине не было. Из полутьмы выступил Дельфиний Глаз. Его крупный рот улыбался, а глаза под роговыми очками были непроницаемы.

— Хорошо начали, но испортили в конце. Даю вторую попытку. Помните, по пьесе вы должны простить жену и любовника. Как хотите импровизируйте, но прощайте. Вот сверхзадача. Постарайтесь.

Щелк — и пошел второй дубль. Вновь в дверь осторожно втискиваются Сима и Костик. Сима, растрепанная, зареванная, опять бухается на пол у дивана, обнимает мужа:

— На кого ты меня оставляешь, соколик мой ясноглазый!

Снова медленно поворачивает голову Валентин, видит Симу и Костика, старается притушить в сердце ревность:

— Не плачь, Сима, мышка моя ненаглядная... А кто это с тобой?

— Да это Костик, официант наш. Прости меня. Нас прости. Виноватая я, — взвизгивает Сима и падает на грудь мужа.

— Ясно, — стонет умирающий, — конечно, я прошу вас. Я уйду из этого мира, а на смертном одре не должно быть места ревности. Женитесь и живите счастливо. — Вдруг новая мысль приходит ему в голову. — А любит ли тебя твой Костик? Сумеет ли он заменить Вовке отца, а тебе стать хорошим мужем, лучше, чем был я? — Эта тирада дается больному с трудом, и слезы накатываются на глаза.

Сима и Костик быстро переглядываются, потом Сима мощной рукой тянет Костика вниз, заставляет стать на колени.

— Сумеет, родной, сумеет. Костик, скажи, что ты меня любишь...

Голова Валентина поднимается над подушкой, он судья сейчас, он бог почти, он ждет ответа. Но Костик вдруг понял, что его сию минуту женят, и он, донельзя испуганный, на четвереньках начинает отползать к двери, тихонько похрюкивая. Валентин при виде такой метаморфозы напрочь забывает о приближающейся смерти, соскакивает, протягивает руку над мгновенно окаменевшим Костином.

— Куда, гад! Закрутил Симке голову — и тикать! Нет, не уйдешь!

Голос Дельфиньего Глаза:

— Достаточно.

Режиссер сам появляется на площадке, и теперь в его лице Валентин улавливает даже теплоту.

— Отлично провели сцену! Оправдали и свое внезапное выздоровление. Юмор — это хорошо. Я доволен, хотя не следовало все-таки забывать, что вы тяжело больны. Попробуйте еще раз, я должен видеть, как вы соскакиваете — должен быть приступ боли или обморок, который и позволит Костику удрать... В общем, думайте, работайте...

— Пусть тогда выйдет просто актриса, — почти закричал Валентин, — а вы выводите мою жену. Это уже не искусство получается, а чёрт-те что! Сима мне изменяет, а я должен гладко вести свою роль, прощать! Условия для работы невозможные, тут надо северные платить... Хотя я и старался, вы видели, я старался. А вы могли бы остаться в образе на моем месте, с женой-партнершей и вот с таким элементом неожиданности?

— Я не женат, — сухо ответил Дельфиний Глаз, — но сцена есть сцена, а семейная жизнь — по другую сторону рампы. Ваша жена появлялась, потому что вы не задернули занавеску и вся прошлая жизнь — с вами. Но мы пойдем вам навстречу — в сцене будут заняты настоящие актеры. Отсебятины не надо. Всё — четко. Прошу.

Третья попытка. Валентин устал, было жарко, но он очень хотел провести роль на этот раз без сучка-задоринки. Лег и закрыл глаза. В комнату вошли Светлана и сам Дельфиний Глаз. Светка упала на пол у дивана и начала причитать:

— На кого ты меня оставляешь, соколик мой! На кого покидаешь!

— Не плачь, Света, ненаглядная моя. А кто это с тобой?

— Это же Стас, наш режиссер, я знакомила вас в ресторане. Виноватая я. Прости меня и благослови нас...

— Ясно, — стонет умирающий, — конечно, я прощу вас. На смертном одре не может быть места ревности. Я прощу вас. Но любит ли он тебя так, как любил я...

Света тянет Режиссера вниз, он становится на колени, и они целуются. Валентин старается все время помнить: сцена есть сцена, а любовь — по другую сторону рампы. Но целовались-то они не понарошку, вот что, и Валентин не выдержал, сел на диване:

— И давно ты с ним?

Он забыл о роли, о том, что от Режиссера сегодня зависит его судьба. Лицо его налилось настоящим, не актерским гневом.

— И давно ты с ним?

Света удивленно поглядела на Валентина, поняла его состояние и, надеясь вернуть все на прежние рельсы, прошептала:

— Валя, роль, роль!

Но у Щелканова словно отрезало чувство сцены, оно пропало, исчезло, рассеялось, как легкие тучи. Усталость и опьянение сделали свое дело. В этот миг для него существовала лишь реальность: Света и Дельфиний Глаз, и он пошел вперед, ничего не соображая. Диким взглядом смотрел он на Режиссера, точно хотел отомстить и за Светку, и за унижение в бархатном зале. Хотел одного: ударить по этим всё понимающим очкам, и занес уже руку...

Что произошло потом, он не помнил. Падая и теряя сознание, он еще слышал испуганный крик Светы...

* * *

— И не забудь: после кружка ты хотел идти разгружать вагоны...

Именно так, Сима в точку попала. То самое, что обещал ему Дельфиний Глаз, если он не задернет занавеску...

Спать, спать! Забыть этот иску, будто его и не было вовсе. Как хорошо сделать вид, что ничего не было. Вот только щека болит... А на самом деле? Кто знает об этих пробах? Да никто! И можно спокойно идти в кружок, а потом — разгружать вагоны. Только один вопрос. Один вопрос занимает его.

— Сима, что у тебя было с Костиком?

— С каким Костиком? Что-то ты совсем от водки рехнулся, бормочешь про какую-то занавеску — задернуть, что ли? — Жена подходит к окну и задергивает штору. — Теперь еще Костик тебя интересуется. Есть такой официант у нас, а что?

— Ты с ним встречалась? — вопрос еще, как на репетиции, игра...

Сима вдруг расплакалась:

— Какой Костик! Никто мне не нужен, ты бы человеком был! На завод возвращаться не хочешь, пьешь, буянишь...

— Меняй работу, и чтоб вечерами дома была! А с Кости-ком я еще поговорю!

Валентин завелся, кажется, всерьез.

— Валя! Валя! Валя! — повторяла Сима как заклинание, но слезы ее, голос ее только масла в огонь подливали. Валентин подходил все ближе, становился все страшнее. Сима видела уже его в таком состоянии и знала: нужно убегать, ждать, когда он успокоится, отойдет... Хорошо, что Вовки дома нет...

— Валя! Валя, ну что ты! — слова не действовали, Щелканов не слышал слов.

Как была простоволосая, Сима метнулась на площадку, позвонила соседям. Женщину пустили, а перед самым носом Валентина захлопнули дверь. Валентин начал колотиться медленно и методично, намереваясь ее высадить. Он не успел еще закончить это дело, как рядом с ним встали двое в форме.

КОМЕТА С ЧЕРНЫМ ШЛЕЙФОМ

Как-то однажды электрика Васю Смирнова с завода детских игрушек, длинного тощего рыжего Васю, скромнейшего Васю — посетила Идея. Случилось это в полдень, а в полдень, как известно, рождаются самые светлые мысли и происходят самые солнечные события, которые светят на многие годы вперед. Впрочем, они же вызывают столь мощное противодействие черных сил, что шлейф отрицательных частиц долго сопровождает героя полудня — иногда до самой смерти. Пока, однако, мы не будем думать о шлейфе. Пока — главное событие: в форточку маленькой мастерской завода, точно шаровая молния, ворвалась сияющая девушка, влетела, скользнула, сложив крылья за спиной. Идея.

Вася в тот момент сидел за столом и сосредоточенно чертил сложнейшую схему — мы избавим читателя от подробного знакомства с этим шедевром технической мысли. Важно, что в схемке была заковыка — и Вася ломал голову, пытаясь решить задачу, которую еще никто на Земле не решил. Он поднял голову на внезапную вспышку, на шелест крыльев — и замер. Нет, он не влюбился с первого взгляда — хотя можно было влюбиться сразу — и навеки. Вася был предан художнице Люсе — из цеха деревянных изделий, чьих веселых, загадочных, мудрых матрешек дарили самым важным иностранным гостям. Появление прекрасной Идеи — хотя на ней и была только короткая легкая туника, выразительно облегавшая ее совершенные формы — Вася воспринял исключительно как ответ на его мучительный поиск, как спасение, как признание его незаурядных способностей, если угодно. Тем более, что первые слова гости все объяснили:

— Я пришла тебе помочь, — и, не вдаваясь в лишние разговоры, девушка уселась рядом с Васей за стол. Он сдвинул в сторону горы транзисторов и прочих деталей и подsunул красавице помятый и залитый кофе блокнот с пометками.

— Недурно! — девушка в задумчивости постучала карандашиком по столу. — Значит, летать хочешь? Без самолетов, вертолетов, и даже дельтапланы тебя не устраивают...

— Зачем я? — удивился Вася. — Хочу детишкам новую игрушку сделать — самолетик, как настоящий...

— Забавы, забавы, но гляди...

В расчетах Васи она увидела ту самую колдобину, в которую по глушаки влез молодой изобретатель. И принялась черкать, перечеркивать, писать. Крылья ей мешали, и она, отстегнув их, небрежно кинула на пустой стул.

Вася с интересом следил за ее расчетами. Потом хлопнул себя ладонью по лбу:

— Ну, круглый дурак! Как же я не додумался...

Идея довольно рассмеялась. Соскочила и прошлась по комнате, как Петр Юрьевич, директор завода, недавно избранный на этот пост по воле коллектива. Человек, придумавший игру с роботом — беседы на английском. Дети за три месяца с помощью его игры болтали, словно настоящие англичане. Идея кашлянула, как Петр Юрьевич. Девушка в этот миг — удачи, победы — была очень похожей, собственно, не на Петра Юрьевича (разве повадками какими-то), но на его секретаршу Ниночку. Вдруг Васе показалось, что эта Муза, Идея — именно Ниночка и есть. А Ниночка — или двойняшка Ниночки — стала вдруг снова серьезной, прицепила свои крылья и собралась улететь в форточку. Вася опомнился, завел светский разговор:

— Спасибо за помощь. Никогда не думал, что женщины способны мыслить абстрактно. Но я даже не знаю вашего имени...

— Муза Урания. А женщины ничуть вас не хуже.

— Вас можно как-нибудь позвать снова?

— Пустое дело. Я являюсь сама, если человеку очень надо, если он на пороге, как ты был сегодня...

— А что же вы делаете в приемной Петра Юрьевича? — отчаянно, одурело выпалил Вася...

Муза Урания, кажется, смутилась.

— Ты меня узнал? Но это моя тайна, понял. Пока я здесь, можешь подходить — лучше в конце рабочего дня.

С этими словами она выпорхнула в форточку — только и остались у Васи пометки ее рукой в чертежах и ее расчеты.

* * *

В тот день Вася в кино с Люсей не пошел. В конце смены нашел художницу в цехе деревянных изделий и сказал:

— Вот билеты, не обижайся. Не могу я сегодня...

Люся не обиделась: она понимала своего Васю. И все-таки спросила:

— Да почему не можешь-то?

— Идея меня сегодня посетила...

Люся кивнула, посмотрела на тощего электрика Васю тем божественным взглядом, которым только она умела смотреть — и он, совершенно ошарашенный, бегом побежал вниз — к своим чертежам и транзисторам.

Электрик Вася остался на вторую и третью смену — он имел сейчас все — для полной радости. Время, тишину, одиночество, транзисторы — и понимание Люси. И еще важнее — снисходительное отношение начальства к его заскокам. Потому что иногда во время его ночных бдений проклеывалась новая игрушка — с индексом "Н"...

На этот раз к утру был готов универсальный летательный аппарат, сокращенно УЛАП. Попросту полуметровая крестовина из двух легких трубочек, в которые Вася упаковывал весьма хитроумные микросхемы. Передвигая рычажок, можно регулировать гравитационную зависимость — и соответственно менять высоту полета. А скорость — совсем уже плевое дело, если побеждена гравитация. Моторчик — и вперед!

Приспособил Вася УЛАП к игрушечному вертолету — и полетел МИ-8. Тогда Вася решил добавить нагрузку. Сам схватился за крестовину и — ура! — взмыл вверх, под пото-

лок. Опустился снова на пол, задумался. Научно обоснованное помело — хотя и без веника — работало вполне исправно. Надо бы его немедленно продемонстрировать Люсе. Но нельзя же заявиться к Люсе в этом черном рабочем халате. Сначала домой, на соседнюю улицу, в общежитие молодых специалистов. Тихо влетел изобретатель в раскрытое окно своей комнаты, даже не разбудив товарищей (те спали молодецким сном). Надел свой лучший костюм. А лучший костюм, как вы понимаете, был у Васи не от Диора, а только из киоска кооператива "Шик", что у вокзала. Рослый корабейник там за тридцать рублей продавал брюки из самого простого полотна, но зато с сеточками на карманах, да еще за четвертную — куртку, в которую надо влезать через голову, но тоже с сеточкой да еще фирмовой блямбой с иностранными буквами на локте. Вася приобрел эту униформу — то есть костюм на все случаи жизни — для турпохода и торжественного заседания — специально, чтобы посещать с Люсей кино и парк. Потому что, хотя Люся и понимала странности Васи, но сама одевалась по моде, умела шить и занималась этим с удовольствием.

И Вася не мог позволить себе пройти рядом с Люсей в старых, затертых и грязных джинсах. И уж для демонстрации УЛАПа, конечно, был необходим наилучший костюм.

* * *

А на дворе стояло самое раннее утро. Когда зеленые перья облаков падают на едва розовеющий бархат востока, когда молодые девушки спят особенно крепко и сладко. Но наш Эдисон просто не подумал, что его Люся может спать в этот час.

Он уселся на свое помело — то бишь УЛАП — и отправился по зеленым перышкам к дому своей красавицы. А жила Люся вместе с мамой и двумя братишками на третьем этаже не современного высотного дома с лоджиями, а старенькой пятиэтажки, в двухкомнатной квартире-хрущевке,

как их теперь называют. Умные квартиросъемщики давно уже избавились от такого жилья путем многочисленных, всех устраивающих обменов. Но не Люсины мама, которая, как и Люся, всегда всех понимала и потому оставалась без премий и новых квартир. А ловчить и влезать в обманные дела не умела.

УЛАП работал превосходно, и Вася Смирнов, пролетев над спящим городом, освещенным ранним утренним солнцем, опустился на балконе своей возлюбленной. Он не заметил, что за ним с интересом наблюдает группа летающих девушек — они расселись на ветвях тополей, стоявших напротив Люсиного дома. Вася не обращал внимания ни на птиц, ни на прочие летающие объекты — он был сосредоточен и счастлив.

Однако балконная дверь не поддавалась. Очевидно, закрыто изнутри. Может быть, воспользоваться форточкой? Вася помнил, как влетела к нему Идея, сложив крылышки. И он попробовал тоже скользнуть в кухонную форточку. Но Вася был, видимо, крупнее Идеи по комплекции — и застрял. Сзади, с дерева, раздался визгливый хохот. Вася погрозил кулаком — не зная, кто хохочет — и по какому поводу. Так, на всякий случай. Он даже подумал, не послышался ли ему этот хохот. Собственно, в данный момент его больше занимало, что влезание в форточку — попытки безуспешные, но весьма шумные — вызвали переполох в квартире. Люся, конечно, спала, как и полагается молоденькой девушке в предутренний час — пушкой ее не разбудишь. Зато в кухню выскочила растрепанная Люсины мама в сопровождении двух рослых парней — братиков, как их называла Люся. Вася хотел было как-то успокоить перепуганную женщину — представиться — до сих пор Люся еще не познакомила своего Васю с матерью и братиками. Но поза его: торчащая в форточке голова — была не совсем удобной для необходимой церемонии торжественного знакомства. Он пытался объяснить, но было ясно, что его сейчас не поймут. Всепонимающая Люсины мама — не

поймет. Братишки готовились кулаками молотить по Васиной голове — и он решил дать задний ход... Но что-то заклинило... Рывок — наконец-то! Вася медленно выплывал из форточки ногами вперед — слишком медленно — Люсиная мама, отодвинув плечом сыновей, сама, лично — успела огреть его толкушкой по лбу. Хорошо, что не пестиком от ступки. Но шишка все-таки вскочила.

— Караул! Хулиганы! Грабят! — кричала вслед Эдисону Люсиная мама. А с дерева вторила ей компания летающих девушек:

— Ха-ха-ха!

Вася не глядел ни на форточку, ни на дерево. Не до того.

Разочарованный, летел он по розовому небу, прикладывая пятак к шишке на лбу. Обидно было — и домой возвращаться, чтобы лечь спать, совсем не хотелось.

— Эй, парень! Покажи шишку! — окликнул его кто-то. Вася оглянулся. Его нагоняла веселая компания молодых девушек — но не на реактивных летательных аппаратах — вовсе нет. Каждая — на помеле, нагишом и с распущенными волосами. Они хохотали — дружно. Так, значит, это они устроили гомон на дереве. Они смеялись над его сидением в форточке.

Вперед вырвалась зеленокудрая юная ведьмочка — предводительница, видно. Вся компания почтительным эскортом летела сзади. Начальница провела маневр по сближению и стыковке — и ловко ухватила за поперечину Васиного УЛАПа. Положила руку на плечо изобретателя и зашептала доверительно:

— Привет, великий исследователь Вася Смирнов! Давай с нами! Тебе надо развеяться, снять стресс. Девочки, хотите его в жоаки, а?! (Девочки одобрительно зашумели...). А ты, красавчик, соглашайся! Сам понимаешь, каково женщинам одним! Все наши мужчины — ужасно приземленные. А ангелы — те с нами не желают, они гордые, ангелы... А мы тебе поможем во всех твоих делах, УЛАПы живо в се-

рию пойдут. Славу будешь иметь, портреты кругом повесят...

Вася пытался высвободиться, но это было не просто. Она ж не пальцами вцепилась в плечо, а ногтями, скорее — когтями... И УЛАП держит. Драться? Но драться с женщиной не входило в Васин кодекс чести. Оставалось вступить в диалог:

— Извини, девушка! У меня другие жизненные планы. Я бы с удовольствием — но не получается. Не держи на меня зла. Прости...

Зеленая красавица ослабила хватку:

— Жаль... Но ты еще подумай. Есть время.

Она сняла руку с Васиного плеча, притормозила — и через секунду Вася снова один мчался между облаками. Оглянулся. Ведьмочки не летели за ним вдогонку — они устроили пляску в воздухе, как будто совсем забыв об электрике Васе. И только одна зеленая недвижно застыла в воздухе и смотрела вслед изобретателю. И была она похожа в этот миг и на солнечную Идею, и на художницу Люсю, и на актрису Белохвостикову, которая очень нравилась электрику Васе. Как актриса, конечно.

* * *

На следующий день он едва дождался обеденного перерыва — пообедали они обычно вместе с Люсей — и потащил ее не в столовку, а на пустырь за цехом. Она не удивлялась — привыкла к странностям своего Васи.

— Это я сегодня утром наделал переполох в твоей квартире.

— Ты? Но как ты попал в форточку?

Вася тезисно изложил Люсе все-все: про принцип действия аппарата и муки творчества — умолчав, разумеется, про появление Музы Урании и компании ведьмочек.

— А вот и сам УЛАП, сейчас я тебе его продемонстрирую...

И Вася взмыл в воздух — поднялся над свалкой металлолома и над совершенно новой, неиспользованной до сих пор

техникой, стоявшей на пустыре — в ящиках и без ящиков, наполовину разворванной, заржавевшей новейшей техникой...

— Разобьешься! — закричала Люся, схватившись за голову.

— Тише! — Вася уже снова стоял на земле. — Ты чего орешь? Тут все по науке.

Люся успокоилась. И даже попросила:

— А мне можно с тобой?

— Давай попробуем низенько сначала. Я еще не знаю всех возможностей УЛАПа.

Мощности аппарата вполне хватило на двоих. В воздухе особенно захотелось есть. Все-таки обеденный перерыв.

— Где пообедаем? — заглушая вой ветра, кричал Вася на ухо Люсе.

— В столовой художественного училища, — ответила Люся, до сих пор не позабывшая студенческих обедов.

— Отличная штука — УЛАП, — рассуждала Люся, с аппетитом уплетая полпорции борща с волокнами мяса и поглядывая на котлету с горохом. УЛАП лежал на столе рядом с борщом и стаканом киселя.

— Надо показать директору, — сказала практичная Люся. — Тебе дадут премию. УЛАПы на детских самолетиках пойдут в серию...

— Очень хочется осчастливить человечество. Ведь это — не для самолетиков. Это — для всех людей, всех, кто хочет летать...

— Сначала получи премию, а потом валяй — осчастлививай человечество, — подвела итог дискуссии разумная Люся.

И Вася согласился с ней. Хотя к директору решил-таки не идти — а лететь! Сразу после обеденного перерыва...

* * *

Влетел к директору в форточку — аккуратноенько прошел. Видно, все-таки форточки на заводе были больше по высоте, чем в жилых домах.

— Здравствуйте, Петр Юрьевич. Я Василий Смирнов, помните? Электрик я, рационализатор, — излагал Вася, кружась вокруг лампочки. Директор, удивленный, вскочил — и следил за полетом восхищенно, восторженно.

Вася нечаянно на вираже задел ботинком рулон бумаги на шкафу — и он со стоном обрушился. А были это разработки собственных, директорских идей, — его изобретения. Поэтому директор ловко кинулся поднимать чертежи. На шум в кабинет заглянула Ниночка. Правда, на этот раз она была не в легкомысленной прозрачной тунике, нет, на ней блузка, юбка, все как положено нормальной деловой женщине. Только вела она себя как Муза Урания — то есть прыгнула, увидев изобретателя под потолком, подняла большой палец вверх — то есть здорово, мол! Во! — и с присыпкой! И неслышно ушла назад в приемную. Вася видел, как у нее за спиной прошелестели два серебряных крыла.

“Не зря же она здесь сидит. Видно, директор — стоящий, понимающий мужик, к тому же наш же институт закончил. А это — школа!” — думал Вася, продолжая облет кабинета.

Директор, устав вертеть головой, пристроив свои чертежи назад на шкаф, сел на стул и прокричал:

— Если можете спуститься, спускайтесь. И поговорим.

Вася немедленно приземлился.

— А вот и вертолетик. Сегодня ночью сделал, — он тут же запустил игрушечный МИ-8, управляя им на расстоянии.

— Поздравляю вас, Василий Степанович. Отлично, нужны кое-какие формальности — акт комиссии по изобретательству и открытиям. До чего мне надоели все эти формальности...

Директор по-свойски улыбнулся, хохотнул даже. Вася не ожидал столь сердечного приема, расчувствовался и предложил:

— А вы попробуйте сами полетать. Это просто.

Директор обрадовался, как мальчишка, схватился двумя руками за крестовину — взмыл под потолок, строго выпол-

няя все инструкции Васи. Шумно дыша, опустился на зеленое сукно стола.

— Здорово! Ну, теперь наша фирма обгонит всех, мы займем первое место в отрасли, а, Василий Степанович!

Вася и сам знал, что производство игрушек, может быть, самая прогрессивная в стране отрасль, и любой стоящий мысли тут сразу ход дадут. Особенно, когда такой молодой и горячий директор! И Идея на месте секретарши...

— Вам понравился, вы берите себе УЛАП, я новый делаю, — великодушно сказал Вася.

* * *

Назавтра в комиссию по изобретениям Петр Юрьевич сам отвез Васю Смирнова. На своей служебной машине. Он, как пришел на место директора, личного шофера перевел в гараж, там как раз слесаря не хватало, а машину стал водить сам.

"Надо, — говорит, — экономить государственные деньги". Народу это нравилось. И многие, глядя на Петра Юрьевича, говорили, что перестройка — да, перестройка...

— Иди! Иди! Я все, переговорил. Теперь тут тебя подожду...

Для солидарности Петр Юрьевич надел шляпу, но носить ее не умел — и держал на сиденьи машины. Директор волновался не меньше изобретателя. И как только Вася с новым экземпляром УЛАПа и летающим вертолетиком скрылся в огромном здании комиссии, Петр Юрьевич схватил свой УЛАП — и поднялся на нем вверх — поглядеть через окно, как проходит комиссия.

Несколько мужчин, похожих друг на друга — сидели, не шевелясь, в креслах. Вася зачем-то все крутился вокруг лампочки. Директор знал, что за публика в комиссии — и своим удалством Вася Смирнов мог только испортить дело. Нужно немедленно вмешаться!

Очень хотелось директору — по примеру изобретателя Васи — вломиться в солидный кабинет через окно. Но Петр

Юрьевич не мог себе этого позволить — шокировать комиссию не стоит. Можно улететь — после того, как акт будет подписан. Никак не раньше!

Директор поспешно снизился, забросил УЛАП в дипломат и, пройдя, как все люди, через строгую вахтершу, на лифте поднялся на четвертый этаж.

С достоинством, неторопливо вошел, извинился за опоздание.

— Петр Юрьевич! Что за товарища вы нам направили? Он летает!

— Сядь, Василий Степанович! Продемонстрируй товарищам УЛАП! Покажи. Покажи чертежи.

С этой минуты инициатива была в руках Петра Юрьевича, но он уже не смог исправить дурное впечатление, произведенное на комиссию Васей Смирновым.

— Какой акт! Нет, нет — и не рассчитывайте! Летать под потолком — представьте себе только, что дети, купив ваших игрушек, захотят летать под потолком — это же Содом будет! Думаю, что все родители решительно выскажутся против.

— Но акт — о самом факте преодоления земного притяжения!

— Оно преодолено — и не вашим Смирновым. Или вам не известно, что наши ракеты летают вокруг Земли и дальше?

Неожиданно заговорил старичок, до сих пор молча сидевший в углу. Как оказалось, член-кор...

— Это открытие века. Мы должны не только подписать акт, но и объявить об этом открытии на весь мир. Это изменит развитие цивилизации...

Десять членов комиссии разом поднялись и загородили от Васи и Петра Юрьевича щуплого член-кора. Его тонкий голосок был заглушен раскатистым басом председателя комиссии.

— Петр Юрьевич, не ожидали мы от вас, не ожидали... Такие удачные у вас были беседы с роботом по-английски,

и вдруг... Разочаровали вы нас... Но как будто вы нам обещали театр Шекспира — с математическим обеспечением...

Петр Юрьевич действительно последнее время работал над такой новой игрой для подростков...

— Да, конечно, я занимаюсь, я работаю...

— Так мы ждем. Извините, сегодня такая неудача...

Председатель комиссии был преувеличенно любезен с директором, а Васю не замечал. Точно они все, кроме ученого дедушки, приняли изобретателя за сумасшедшего или гипнотизера и мошенника. Увы...

Вылетать в окно, как директор намеревался прежде, он не стал. Надо было думать о театре Шекспира — ведь эти люди могут забодать и театр Шекспира... Он зависит от них... С большим сожалением директор смотрел, как расстроенный, почерневший Вася схватился рукой за свой УЛАП и сиганул в окно, приведя почтенных членов комиссии в ужас. Только ученый старик подошел к окну, внимательно проводил Василия взглядом и покачал головой...

— До свидания, — откланялся Петр Юрьевич. Старичок вышел вслед за ним. Остановил на лестнице, заговорил:

— Ваш изобретатель очень молод и талантлив. Но ему одному не отстоять его открытие. Летите в Москву, я позвоню коллегам... Больше, увы, ничего не могу сделать. Открытие такого сорта, что мне просто не поверят... Фантастика, фантастика...

И он вернулся на заседание. А Петр Юрьевич пошел вниз к машине, чувствуя себя довольно неловко — вроде как отступил — ради театра Шекспира, не поддержал, как надо бы... И не улетел в окно с Васей, а ведь его личный УЛАП лежит в дипломате...

Вася уже мялся у машины. Не глядя на изобретателя, директор открыл дверцы.

— Я лечу завтра в командировку в Москву, — Петр Юрьевич быстро гнал машину по тихим улочкам к заводу, — я все сделаю, чтоб утвердить акт об изобретении. Или об откры-

тии, как говорит этот академик, Москва должна понять... И пустим вертолеты в серию...

— Да, да, конечно, — ответил ему Вася. Прежнего энтузиазма в его голосе уже не было...

— Вернусь через неделю...

* * *

И Петр Юрьевич вернулся через неделю — электрик Вася Смирнов встречал его в аэропорту. Но Петр Юрьевич не узнал его, пронесся мимо к своей машине. Не заметил. За рулем машины сидел шофер — автослесарь из гаража — он пригнал автомобиль в аэропорт и думал, что вернется потом к своей работе в гараже. Но почему-то с этого дня он стал снова личным шофером...

Впрочем, электрику Васе хотелось досконально знать, что же произошло там, в Москве. "Иди, сходи на прием, запишись у секретарши — ну, или в окно снова залети, как тогда..." — наставляла Люся своего недотепа-гения. И Вася пошел записываться на прием.

Только в приемной сидела уже не Ниночка-Идея, а чопорная пожилая дама.

— А где Нина, тут была секретаршей Нина? — мялся Вася, переминаясь с ноги на ногу.

— Уволена. По сокращению штатов, — отчеканила дама.

— А вы — не уволены? — глупо улыбаясь, спросил Вася.

— А я совмещаю обязанности секретарши, уборщицы и копировальщицы, — гордо вскинув голову, ответила дама.

— Когда уволена, можно узнать?

— Пожалуйста, — женщина любезно согласилась порыться в книге приказов и назвала то самое число, когда Петр Юрьевич вернулся из Москвы.

До сих пор Вася сохранял для себя — под сердцем, как говорят гадалки, надежду, что в крайнем случае он всегда обратится к Идее... И вот ее нет! Безнадежно...

Что-то произошло в Москве — это точно — и все эти таинственные события с исчезновением Идеи и превращением директора из Петра Юрьевича, изобретателя и демократа — в Петра Юрьевича, кондового администратора и бюрократа — были следствием того, что случилось в Москве. Наверное, ему под видом витаминов или вечернего чая дали выпить сыворотку бюрократической болезни...

— Можно зайти к директору?

— Нет, надо записаться на прием...

— Вот как, записаться! Надеюсь, на сегодня, на какой час?

— На сегодня! Вы в своем уме? На третье января! Пять вечера.

— Это вы не в своем уме, видно. У нас на дворе июль!

— Но мы работаем с перспективой...

Точно, опои... И секретаршу подсунули опоем. Надо лететь в окно, надо спасать Петра Юрьевича — или хоть свой УЛАП...

* * *

Люся обняла на прощание Васю внизу, на том самом пустыре, где он впервые демонстрировал ей УЛАП.

— Ты ему так, остороженько напомни — про театр Шекспира поговори, про обучатель английскому, а уж потом про УЛАП выведай, про Москву, — наставляла напоследок Люся электрика Васю. Спорить с Люсей и огорчать ее он не стал, но действовать решил иначе. Вася верил, что изобретатель-директор все же изобретатель — не может вот так поддаваться злым силам. Он разработал свой план спасения Петра Юрьевича.

Влетел в окно. На это раз директор не восторгался. Он заорал:

— Кто вы? Как вы смеее тут летать? Вон отсюда! Кто позволил?

То ли и в самом деле забыл — то ли откестился от прежних "шалостей". Поняв, что летающий объект его не слу-

шается, директор перестал орать, надел шляпу и испуганно полез под стол. Вася воспользовался этой неудобной позой директора, чтобы спикировать, как чайка за рыбешкой, и подхватив директора под мышку, уйти с добычей в облака — через форточку, разумеется, хотя протащить директора через форточку было нелегко.

Он сделал круг над городом, чтоб проветриться получше — Петр Юрьевич сначала дергался, потом притих, только головой вертел, на которой чудом все еще держалась шикарная серая шляпа. Приземлились на крыше высотного дома; Василий Смирнов аккуратно посадил директора, прислонив спиной к каменной кладке. Взглянул — чего ждать — возмущения, ярости — или мольбы? Однако Петр Юрьевич никаких этих чувств не проявлял. Просто сидел как будто в задумчивости, как будто и не замечал вовсе Васю Смирнова, потирал лоб, что-то вспоминал. Потом поднялся, огляделся, сделал шаг вперед, к краю крыши — Вася кинулся, чтобы удержать его... Он мягко улыбнулся, отвел руку — и вдруг произнес:

— Летаешь, значит, все летаешь. Тебе хорошо. А мой УЛАП так и валяется в сейфе. Ты зайдя, заведи его — мне он больше не нужен.

— Не утвердили в Москве? — Вася понял, что директор все вспомнил, что он снова тот — болеющий за кибернетический театр Шекспира...

— Утвердили! Подписали, что открытие совершено.

— Как?! И вы молчите? Это же победа! — Вася готов был плясать на крыше.

— Пиррова победа, Василий Степанович. Открытие занесли в спецреестр. Не подлежит разглашению — в течение ста лет. И никакой работы по этой теме вестись не будет. Велели все уничтожить — все созданные УЛАПы. И все забыть — как будто не было...

— Почему?

— Не готова Земля к такому открытию. Рано...

— Чутье какая... Но ведь вы не уничтожили свой УЛАП!

— А я забыл о нем. И о себе. Я обо всем забыл... Но вот ты напомнил. Почему, почему ты не пришел раньше, сразу, как я вернулся?

— Но к вам записывают на прием только на январь.

— Что? Во бюрократию развели... Но без приема, поймал бы в коридоре.

— Да ведь вы не узнали меня, Петр Юрьевич. Я и в аэропорту вас после Москвы встречал — вы прошли мимо. Шофера снова личного взяли — к вам не подойдешь, он как телохранитель...

— Я не видел людей, Василий Степанович. И разучился водить машину, кажется.

— Но Шекспировский театр-то не забросили?

— Что? Повтори, что сказал.. Шекспировский театр?..

— Ну да, вы такую кибернетическую игрушку хотели сделать...

— Я и об этом забыл... Очень странно. Как будто я спал. Но ты должен был разбудить меня раньше. Понимаешь ведь, что надо вмешаться. Через Ниночку бы договорился, пришел ко мне...

— Вы ведь Ниночку уволили. По сокращению штатов.

— Что? Как — по сокращению штатов? И кто у меня в приемной?

— Мегера какая-то...

— Как же я без Ниночки... Вася, как же я без Ниночки...

— Да, конечно, трудно вам будет без Ниночки одолеть Шекспировский театр...

— Что ты сказал?! При чем здесь театр? Ниночка, если бы ты знал, Вася, какая это женщина — Ниночка...

— С серебристыми крыльями...

— Да, неземная женщина. Другой такой нет на свете. Но как же могло случиться, что я забыл даже о Ниночке?

— Может быть, вы в Москве под облучение какое попали...

— Да, да, наверное... Под черный шлейф белой кометы. Мне об этом говорила когда-то Ниночка. Всякая светлая точ-

ка — солнце, комета при движении создаст вакуум, и в него устремляются черные силы — и тем они выдают себя — они хотят и не могут уничтожить свое солнце, свою комету... В комиссиях, в министерствах — все это люди шлейфа... Черный хвост этот может разрастаться, как раковая опухоль, вбирать в свой круг новых людей... Меня, например, поймали сеткой...

— А что, без шлейфа — никак?

— Пока есть черные силы... Вот и ваше открытие столько подняло пены, как они перетрухнули — мировой переворот в науке! Закрыли тему. Но как же теперь мне жить? Я больше не смогу быть директором.

— Отчего же? Вы в номенклатуре — непотопляемы. Вернетесь — и все пойдет как прежде.

— Нельзя как прежде. А если снова под облучение черного шлейфа попаду? Нельзя рисковать. Ниночка бы могла что-то посоветовать, но где она теперь? Я буду ее искать...

— Найдете. Вы не отчаивайтесь.

— Вася, а давай-ка мы с тобой еще полетаем. Очень хочется... Завернем в мой кабинет, возьмем второй УЛАП... И улечу я из этого кабинета навсегда. Я им в этом кабинете нужен только спящий...

— Пригласим мою подружку Люсю, если вы не против...

— Отчего ж...

* * *

Через пару часов малая тройка, то есть Вася Смирнов, директор Петр Юрьевич и художница Люся обсуждали вопросы тактики и стратегии, сидя на бугристой толстой ветви сосны, раскачивающейся над обрывом. Внизу медленно текла давно загрязненная река — но сверху вода казалась свободной, чистой, вольной.

Ветер махал над двумя изобретателями и художницей Люсей своими большими рукавами, точно хотел помочь...

Вдруг раздался смех — Вася тотчас вспомнил, как он торчал в форточке — и сзади падал на него этот смех... Конечно, это опять была та же самая компания ведьмочек.

— А, может быть, нам показать УИАП в институте гравитации? — как раз кинула очередную идею Люся, но ответили ей не ее Вася и директор, но зеленая ведьмочка, приземлившаяся неподалеку:

— В институте гравитации не признают, и не думайте. Тогда же им хоть институт сразу закрывай! Зачем тогда они, если Василий Степанович все открыл уже...

— Кто это? — с ужасом спросила Люся. Директор тоже поглядывал в сторону новых соседок с содроганием.

— А это мои знакомые ведьмочки. Сердятся, что мы с ними не хотим дружить.

— Еще чего, сердиться! — рассмеялась зеленая ведьмочка. Подружки ее похихикивали и резвились. — Но мы тебе не зря предлагали содружество — ты отказался — вот и кусаешь сейчас локти. Еще не поздно — соглашайся — и твое изобретение...

— Открытие! — серебристо взвизгнула ведьма-подружка.

— Открытие будет признано людьми, ты — и вы, товарищ директор, будете иметь славу и деньги...

— А что, без нечистой силы оно никак не может быть признано? — директор довольно быстро разобрался в ситуации.

— Никаким образом, — категорично заверила его голубая ведьма. — А вы что, еще в этом не убедились?

— Соглашайтесь! — разом взвизгнули серебристая и бриллиантовая.

— Ни за что! — тоже хором ответили Вася и Петр Юрьевич. Люся с чувством пожала руку директору и поцеловала своего Васю.

— Так вам! — крикнула она в запале ведьмочкам, очень довольная. — И валите отсюда, кому говорят! Тут в ваших услугах не нуждаются!

Гордость утешает — и наши герои даже запели дружно давнюю песенку всех бродяг, написанную бродягой, поэтом и геологом Александром Городницким:

На Магадан, на Магадан ушел последний караван...

От злой тоски не матерись,

сегодня ты без спирту пьян...

На материк, на Магадан, на материк, на Магадан

Ушел последний караван...

Ведьмочки притихли. Потом зеленая отчетливо произнесла:

— Ну, как хотите. Тогда пускай вам Муза Урания поможет... Она поможет!

И улетели. Даже ветер усилился, и дерево чуть не упало... Но не упало. И долго еще вдали слышан был хохот ведьмочек.

А рядом с нашими героями в тот же миг очутилась Ниночка. Видно, не могли ее вызвать ни отчаяние изобретателя Васи, ни слезы Люси, ни муки директора, но голос ведьмочек вернул ее вновь к Петру Юрьевичу и Васе...

— Ниночка! — простонал директор, и, забыв, что тут Вася и Люся, решительно обнял дорогую Ниночку. — Куда же ты исчезла?! Ни записки, ни звонка! Я в отчаянии. Но теперь ты тут...

Вася и Люся еще крепче сжали руки и нежно поглядели друг на друга. Они всегда вместе — и Вася может изобретать спокойно — его Муза всегда при нем...

— Да, вы не знакомы! — воскликнул директор. — Это Ниночка, моя секретарша. Моя невеста.

— Э, нет. Это же... — хотел вмешаться Вася, чтобы директор не заблуждался, объяснить ему, да и Люсе, кто такая на самом деле Ниночка, но она, внимательно посмотрев на него, приложила палец к губам. Он понял — они в заговоре. И промолчал... Пусть! Раз Урании нравится директор — в конце концов и Муза точных наук — тоже женщина... Их дело, ему-то... У него — Люся. Вот только как-

то УЛАП передать человечеству... И можно думать дальше... Например, про подземный сверхскоростной бур. Или про то, как залатать озоновую дыру над полюсом. Очень интересная мысль... И Василий Смирнов немедленно поделился этой своей мыслью с Петром Юрьевичем. Мужчины увлеклись обсуждением проблемы озоновой заплаты, а женщины, предоставленные сами себе, постепенно находили общий язык.

— Мне в Ленинку, в командировку опять нужно. Я так устаю — не успеваю просматривать научные журналы, — жаловалась Муза Урания.

— Да, конечно, а ведь еще домашние дела, — отлично поняла Люся. Прислушалась, о чем там рассуждает ее Вася, подтолкнула Ниночку. — Они же об озоновой дыре. Мой Вася, да ведь и ваш Петр Юрьевич тоже — как цветочки, нежны-талантливы. Но непрактичны. А вот я практичная, и горжусь этим. Но сейчас я не знаю, что делать. Директор с завода уйдет, и Вася там не задержится. А где они будут свои УЛАПы и шекспировские театры внедрять? Дитё на ноги не поставлено, а они уже об озоновых дырах думают... Они не понимают, они легкомысленны, как и все мужчины. Одни забавы да игрушки им, нашим Эдисонам. Вы умная, придумайте, подскажите что-нибудь...

— А что? Я как-то больше по фундаментальным наукам, — задумалась Ниночка.

— И мне надоело, что все мои матрешки за границу уходят. Хочется что-то и для своих сделать... Да и скучно одних матрешек рисовать. Я бы тоже ушла с завода — на свободные хлеба...

— А если фирму "Ураниум" — по продаже идей? — прошептала Ниночка.

— А кто внедрять будет?

— Кому надо, тот пусть внедряет. А мы — опытные партии сделаем... Мужчины займутся сборкой, а вы — эстетикой, ну, и рисуйте, что хотите.

— И мои братики пойдут к нам, это точно, — идея понравилась Люсе. — Мужчины, вы слышите, новая мысль у Ниночки! Фирму — и при нем клуб летателей...

Мужчины идею приняли, обсудили, поддержали, одобрили.

— А кто будет гарантом? — задумался Вася.

— Наш завод. Уж об этом, уходя с поста директора, я договорюсь, — новая деятельность уже увлекла Петра Юрьевича, он ожил, загорелся.

— Но как же — без акта комиссии по открытиям? — ужаснулся вдруг Вася.

— Как мы привыкли все делать только по разрешению! А если мы полетим без разрешений, а? Ну, вперед!

— А что скажет мама? — вслух подумала Люся.

— Твоя мама поймет, — успокоил ее Вася.

И четверка оптимистов — трое на двух УЛАПах, а четвертая — Ниночка-Урания — слегка взмахивая светлыми крыльями и лишь для видимости придерживаясь за летательный аппарат своего Петра, скрылись в чернеющем небе.

ИГРА В МЯЧ

Сегодня Катя уже дома, в своей городской квартире. Еще вчера в лагере горел большой прощальный костер, и искры его рассыпались далеко, высоко, веером, настоящим фейерверком. Искры были как звезды, а сами звезды прятались, скрывались, играли с искрами в пятнашки.

Так казалось Кате. Впрочем, она всегда была большой фантазеркой. Все дети как дети. На конкурсе рисунков мелками на асфальтовой дорожке у корпусов девочки рисовали цветы, маму, солнце; мальчики — десантников, самолеты, машины... А что нарисовала Катя, никто не мог понять. Никто — во всем лагере. Воспитатели — жюри конкурса — постояли над ее рисунком в задумчивости, потом спросили:

— А это что?

Катя, запинаясь, пробормотала:

— Это наш лагерь сверху, как если бы его увидели инопланетяне...

На рисунке — крестики, полосочки, какой-то вихрь, отдельные волнистые линии. Взрослые помолчали, сочувственно глядя на Катю с ее тощими косичками (она, длинноногая, стояла, откровенно любуясь своим шедевром, и не поднимала на них глаз) — потом отошли к следующему рисунку. Вкусный торт достался другим юным художникам. Кате даже конфет не дали за участие в конкурсе. Обидно, но что сделаешь...

Она бы Чапа своего поласкала, сеттера, но Чап оставался дома. Он чувствует, когда Кате грустно, и норовит лизнуть в нос, развеселить хозяйку...

Впрочем, все это было вчера. Сегодня она дома, и Чап с ней.

Только вот квартиру теперь не узнать. Родители, пока Катя была в лагере, сделали ремонт, сменили обои. И Катина комната теперь как островок под ночным небом — ее оклеили синими обоями со звездочками. Маме эти обои не

нравились, казались холодными, но папа от них был в восторге, он их и купил, притащил откуда-то из-за тридевяти земель...

А сейчас он снова в командировке, мама, как всегда, на работе, и с Катей — теплый, вислоухий, поджарый сеттер ровного коричневого окраса. Добрейшее существо. К тому же не глупее многих людей. А может, и поумнее. Как соскучилась по нему Катя за этот месяц в лагере!

Теперь она не расставалась с Чапом. Побегали по улице: Катя то отпускала Чапа с поводка, мчалась за ним вслед, а он останавливался, оглядывался и снова бросался наутек. Потом, уже на поводке, гордо и серьезно, вышагивал рядом с самым независимым видом. Но за этой серьезностью проглядывало желание в любой миг сорваться и устроить гонки.

Потом они валялись на коврике в детской. Пока мамы нет дома. При взрослых Чап знал свое место — в коридоре. Но сейчас он смело резвился с девочкой по всей квартире.

Солнце уже ушло за горизонт, в последний раз бросив зеленый луч на девятиэтажку, где на восьмом этаже у балкона в обнимку сидели светловолосая девочка с челкой — и ее любимая собака.

А мама все не шла. Стал позевывать пес. И Катюша прилегла с ним рядом на коврик. Свет девочка не включала. Сумерки...

Первые вечерние звезды уже заглядывали в комнату и здоровались со звездами на стенах. Кажется, они были знакомы... И одна из звезд позвала Катю с собой... В гости.

— У каждого человека есть своя звездочка, — когда-то рассказывал дочке отец, давно, когда Катя была еще маленькой и он приходил посидеть у ее кровати перед сном. Теперь, глядя в темное окно, Катя видела свою маленькую звездочку — она почему-то была уверена, что это именно ее звезда. Между девочкой и далекой светящейся точкой как будто натянулся серебряный шнурок — почти невидимый луч. Чап едва слышно сопел Кате в спину, создавая тихую и

спокойную жизнь вокруг, и девочке было хорошо, тепло, она чувствовала себя в безопасности... Отчего же не согласиться и не пойти в гости?! Если вместе с Чапом.

— Можешь и с Чапом. Я жду вас.

Катя пристегнула поводок на ошейник Чапа и была готова идти — но куда и как? По серебряному лучу...

Она задремала, лежа на мягком коврик — старом коврике — с желтыми, зелеными, красными прямоугольниками, ломаными линиями — бабушкином еще ковре, потертом, приятном. А открыла глаза оттого, что в лицо ей светило солнце. Утро? И она проспала всю ночь, не раздеваясь? В обнимку с Чапом? Не ложась в постель? Мама рассердится, когда увидит такой беспорядок...

Катя открыла глаза — и замерла. Оглянувшись, поплотнее прижала к себе Чапа. Вся шерсть у того поднялась, он повдигнул своим чутким носом, настороженный, недоуменный, но не лаял. Он чего-то не мог понять. Катя и сама была в растерянности. Где они? Как тут оказались? Они с Чапом сидели в середине небольшой круглой площадки, ровной, точно зеркало, как будто оплавленной и блестящей. А вокруг поднимались горы, не обрывистые молодые скалы, а покатые гигантские сопки — без единого кустика, деревца. Даже зеленой травки не было видно нигде, куда бы Катя ни бросила взгляд. Ничего живого. Пугающая тишина — и птицы не поют, и зверей не видно, не слышно... Может быть, это пустыня Гоби — они в школе учили про Гоби. Но там должно быть днем очень жарко. А тут совсем не жарко. Скорее прохладно. Или это неизвестный необитаемый остров?

Катя совсем забыла сейчас о приглашении звездочки. Она решила, что они с Чапом вместе со своим ковриком попали в сон. В какую-то сказку. Так было спокойнее думать — и она проснется снова дома. Они на сказочном аэродроме, а коврик — это ковер-самолет.

Катя взяла Чапа за поводок и решительно направилась на разведку. Неподалеку от того места, где лежал их ковер-

самолет, девочка увидела небольшое озерцо, как будто чистое, сияющее под лучами солнца. Пить — вот что ей хочется — пить, и она наклонилась, чтобы зачерпнуть пригоршней воды...

— Нельзя делать этого здесь, — вдруг ясно услышала она добрый женский голос.

Катя вздрогнула, вскочила и оглянулась. Нигде никого. Померещилось, что ли... Сняв тапочки — домашние тапочки, в которых она уснула в своей комнате, Катя тихонько направилась к воде по блестящей горячей поверхности зеркального камня. Сделав два шага, запнулась, остановилась в полуметре от кромки воды. Какая-то сила не пускала ее, не разрешала идти дальше.

— Я же сказала, не делай этого. Тут тебе нельзя ни купаться, ни пить.

— А побрызгаться? — спросила Катя вслух, громко, сама не зная, кого же она спрашивает. Пес стоял рядом. Он тут вообще вел себя странно, не прыгал, не лаял, все жался поближе к Кате. И в озеро не лез, хотя, как любая нормальная охотничья собака, страсть как любил купаться. Слышит ли он разговор своей маленькой хозяйки — с кем? Непонятно с кем.

— Тут нельзя даже брызгаться. Эта жидкость для вас — смертельный яд.

Хотя Катя была не робкого десятка, ей стало как-то не по себе. Уже несколько раз про себя она позвала маму. Но старалась держаться молодцом. Не испортить бы такое приключение своими страхами...

— Кто ты? Кто говорит со мной? Я хочу видеть тебя!

— Я тут живу, ты у меня в гостях. Но видеть меня ты пока не можешь.

— Где это — тут? Что это — необитаемый остров? Какая-то сказка? Я сплю — и все это во сне? Объясни мне, если можешь.

— Катя. Ты на другой планете. Я позвала тебя в гости, и ты приняла предложение.

— Вот спасибо! Ничего себе гости! Воды не попей — яд! Птицы не поют, тут со скуки умереть можно. И ты мне не показываешься... Я пить хочу!

— Пожалуйста!

И перед Катей, как в сказке, возник столик, а на нем кувшин — пиала — и миска — для Чапа. Катя обрадовалась и налила — себе и псу. Только это, наверное, не вода была, а какая-то другая, похожая на воду жидкость — с запахом роз. Катя понюхала и спросила:

— А это-то точно не яд?

— Вполне безопасно, — прошелестел голос.

Катя отхлебнула — приятное тепло разлилось по телу, а вместе с ним пришло ощущение легкой радости. Чап тоже выпил свою порцию не сразу — понюхал, осторожно попробовал, и начал шумно лакать, и зализал все до единой капельки. И хвостом завилял.

— Чап, миленький, ты играть захотел. Сейчас, — Катя допила свою чашку и громко обратилась к хозяйке этой планеты:

— Звездочка, мы хотим играть. Ты с нами будешь? В мяч?

— А что такое "играть"?

— Один бросает мяч, а другой ловит. Но как с тобой играть?!

— А почему нельзя? — в голосе хозяйки планеты послышалась неуверенность...

— Я не знаю, где ты, куда кидать мяч. И неудобно разговаривать с человеком, если не знаешь, как его звать...

— Имя... Какое имя... Вы меня как-то называете, какие-то цифры. Нет, надо другое. Я не знаю... У меня не было нужды в имени. Я тут одна...

— Вот тебе раз! У тебя нет имени. Мне нравится имя Аглая. Красиво?

— Спасибо, Катенька! Вот и твой первый подарок мне — такое красивое имя. Посмотри, в воде зацвели водоросли...

Катя подошла к воде, но ничего не увидела. Она пожалала плечами.

— Но если они правда появились, то это, наверное, здорово. Так мы будем играть или нет? Нет, не будем, — чуть не заплакала девочка, — ведь у нас нет мяча... А это самое главное...

Мяч рухнул прямо с неба. Катя поймала его — точно такой, как у нее дома. А может быть, это и есть ее собственный мячик. Чап обнюхал его и ткнул носом. Признал? Вдруг мячик, который ровно катился по камню, взвился в небо. Катя стояла и смотрела, как он улетает... Всклипнула раз, другой, и зарыдала во весь голос... Хотя мяч вскоре вернулся и послушно лег у ее ног. Однако Катя не переставала плакать. Она села и сидела, не двигаясь, закрыв глаза руками. Чап прижался к ней и тихонько заскулил.

— Катя! Прости меня! Я в чем-то виновата? Но ты научи меня. Я же не умею играть в мяч, — говорил испуганный женский голос.

— Я хочу домой, — ответила девочка сквозь слезы, не открывая лица. Впервые залаял Чап — предупреждающе — хотя он точно не понимал, с какой стороны исходит угроза и кто обидел его хозяйку.

— Конечно, я отправлю тебя домой. Но, пожалуйста, не торопись, побудь еще со мной. Поиграем...

— Как с тобой играть, когда ты выбрасываешь мяч вон аж куда!

— Но я больше не буду так сильно бить...

— Все равно. Я же должна видеть, кому бросаю мяч, а иначе ничего не получится, — Катя отняла руки от лица и окинула взглядом мертвый мир, — как играть в этом каменном мешке! Тут ни цветов, ни птиц. Как ты только живешь тут...

— Плохо, очень плохо живу, Катенька. Ты не обижайся на меня. Если хочешь, чтобы тут зацвели травы, выросли леса, ты только пожелай. Вслух скажи: "Хочу, чтобы зазеленели леса, чтоб жили тут добрые звери и птицы"... Скажи, пожалуйста, скажи так!

— Конечно, я скажу. Я хочу, чтобы здесь росли леса и цвели травы, жили добрые птицы и звери...

— Вот спасибо! Это твой второй подарок. Бесценный подарок. Оглянись!

Помолодел голос Аглаи. Катю стал обвевать прохладный ветерок, как будто над ней раскинулся зеленый полог. Девочка услышала аромат цветущего луга, как тогда, когда они с мамой ездили в деревню, и Катя ранним утром выбежала через огороды к реке. Она даже закрыла снова глаза, чтобы насладиться этим родным запахом, земным, утренним ветерком — а когда открыла, горы вокруг позеленели, покрылись лесами и вокруг черной площадки-космодрома пробивалась молодая трава.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно сказала Катя каким-то посерьезневшим голосом. Потянулась, как будто хотела обнять этот новый молодой мир. — Но мне в самом деле пора домой. Мама волнуется...

— Мама твоя даже и не заметит ничего, — грустно ответил голос, — если бы ты знала, как мне не хочется отпускать тебя...

— Все равно надо домой. Мама мне еще и форму к новому учебному году не купила, и тетради... Конечно, вот если бы я могла тебя увидеть, и мы бы по-настоящему поиграли в мячик или классики...

— Я не могу. То-есть я могу, но ты испугаешься. Я очень страшная.

— Как в "Аленьком цветочке"? Ты добрая, но страшная, да? Чудище?

— Вот-вот, почти...

— И нужно, чтобы тебя полюбил прекрасный принц? И ты станешь снова молодой и красивой?

— Катенька, ты хорошо придумала про принца. Но и принц мне не поможет. Увы. Знаешь, когда-то этот мир был живой и прекрасный. И тут были разумные существа, не такие, как вы, но ты могла бы с ними играть в мяч. Но они часто ссорились...

— Разбивать яйцо с острого или с тупого конца?

— Да, почти так. Ты очень начитанная девочка. В конце концов, они уничтожили друг друга, и мой прекрасный мир сгорел в огне. А я превратилась в чудище. А ведь я была самой красивой среди моих сестер.

— Кто они, твои сестры, кто ты, Аглая? — снова задала Катя тот же вопрос, на который однажды уже не получила ответа. На этот раз Аглая объяснила:

— Мои сестры — планеты, это наша семья, семья нашей Звезды. А я — душа этого несчастного мира. Этот мир — это я, можно сказать и так. Никто не мог помочь мне после катастрофы, но вот пришла ты, пожалела меня, и, повинуясь тебе, расцвели мои травы, зазеленели леса, очищаются реки. Спасибо тебе. Это ты для меня — как сказочный принц, вернее, принцесса. А ведь еще ночью, когда я разговаривала с тобой, я думала о смерти, о вечном сне. Смерть дышала рядом. Теперь ты спасла меня. Что я могу для тебя сделать? Я должна поблагодарить тебя. Ты скажи, что бы ты хотела ...

— Домой. Я хочу домой.

— Конечно, домой. А что тебе дать с собой? Золото? Драгоценные камни? Наряды?

— Нет, нет, нет... Аглая, я хочу домой — больше мне ничего не надо. — Катя снова закрыла глаза руками, и ладони ее стали мокрыми. Катя чувствовала, что уже просто начинает капризничать. Такое с ней бывало, редко, но бывало. Домой, домой — это и вправду было ее единственным желанием. Взрослых проблем — деньги, дачи — она не понимала еще взрослых проблем и забот о куске насущном.

— Хорошо. Положи в карман этот камушек — он будет тебе напоминать о моей планете. Сядь с Чапом на коврик и постарайся заснуть. Хотя бы задремать...

И как будто потухла часть лампочек — света стало меньше. Катя задремала и не знала больше, была ли встреча с Аглаей сном или сказкой, придуманной во сне.

На всякий случай повторяла монотонно, уже на пороге сна:

— Домой, домой...

Вдруг кто-то коснулся ее плеча.

— Аглая, что ты хочешь, Аглая? — откликнулась Катя.

— Какая Аглая?! Ты опять фантазируешь, мой Котенок, моя чудо-юдо-рыба-кит, — это был папин голос. Это папа приехал. Вернулся из командировки. Ура!

Сейчас утро, вечер? Разумеется, вечер. И Чап с Катей на коврик.

— Давай, я переложу тебя на кроватку.

Конечно, ребенок в доме должен спать на кровати, а пес — в коридоре, на своем месте. Но когда отец хотел выйти из комнаты, погасив свет, Катя вдруг истошно закричала:

— Не уходи, не уходи, папа! Мне страшно...

Катя даже зажмурила глаза, чтобы не видеть звезд на обоях.

— В чем дело, дочь? Ты же моя боевая, отважная девочка! В чем дело?

— Понимаешь, я видела сон... Я была где-то не здесь. Не на Земле...

Папа присел на край кровати и положил руку на лоб дочери. Тут вошла мама, и все разрешилось само собой. Мама просто взяла дочь спать в свою комнату, где стены покрашены в салатный цвет, где жили старые вещи — кресло с длинной потертой спинкой, стеллажи с книгами до потолка, пианино, на котором должна была играть, но не играла Катя.

На следующий день Катя снова отказалась спать в своей детской, в своей комнате с обоями, раскрывающими звездное небо. Наотрез отказалась. Хотя она прекрасно помнила свой сон, и как будто ничего страшного в этом сне не было — так, сказка, игра воображения — но Кате почему-то был памятен ее плач, ее обида — и она не хотела и боялась видеть звезды...

— Вот что, все дело в этих звездах! Сто раз тебе говорила, но ты упрям! Теперь надо менять обои, — наконец, изложила мама отцу. И они переклеили Катину комнату.

Папа и появлялся дома, кажется, только затем, чтобы передвинуть шкафы, вытрясти ковры — или переклеить обои... И он снова уехал в командировку.

Звезды больше не зажигались в Катиной комнате — и она спокойно спала — без снов. Только днем почему-то все чаще вспоминала Аглаю и ее далекую планету. "Мне будет плохо без тебя", — вот ведь как сказала тогда Аглая. А Катя глупую истерику устроила, обидела хозяйку планеты. И как теперь быть? Дома всех перепугала, и папа переклеил обои... Как же узнать, растут ли на планете Аглаи травы, цветут ли деревья, очистилась ли вода?

— Так мне и надо, — корила себя Катя, сидя на математике, когда все вокруг решали задачи, а Катя уже давно решила и теперь скучала, глядя в окно на голые тополя, — мама права, я капризная. Я только думаю, что я хорошая и добрая, а Аглаю оставила — и даже вспоминать о ней почти целый месяц не хотела. Но я исправлю свой характер, я буду доброй с людьми. Как бы дать знать Аглае, что я ее не забыла...

— Катя Стрижева! К доске. Расскажи, как ты решила задачу...

Вот так всегда — с эмпирей — да в болото. Катя начала — про игреки и иксы — и все легко отбарабанила. Потом, получив свою законную пятерку, снова села думать — про то, как она нехорошо обошлась с Аглаей. И как все это исправить теперь?! Письмо можно написать — но куда? Позвонить по межгороду? Смешно. Все — не то. Безнадежная ситуация. И все из-за ее капризов. Надо как-то совершенствоваться...

— Катя, перемена! Пошли, в бадминтон покидаемся...

Но девочка только отмахнулась. Она взяла фломастеры и стала рисовать — тот космодром у маленького озера среди гор.

Переменка кончилась, а Катя все рисовала. Благо, началась география, а этот предмет можно в пол-уха слушать и

не надо писать. Учительница подошла к Катиной парте, посмотрела на ее рисунок — попросила показать рисунок классу.

— Мы изучаем Алтай — и вот Стрижева нарисовала горный пейзаж. Я ставлю тебе пятерку. А сейчас слушай урок. Рисовать будешь дома.

После уроков Катя и ее закадычная подруга Вика, длинноногая, жилистая — отличная наездница, обожавшая лошадей, — возвращались домой. Вика уже два года чуть не каждый день моталась на другой конец города — занималась верховой ездой.

— У тебя хороший рисунок получился. С чего это ты взялась рисовать вдруг? Мы собираемся на Алтай в конный маршрут, может, и ты с нами, если потренируешься...

— Да нет. Это и не Алтай вовсе.

— А что же это? Ну, не хочешь, не говори...

— Это на самом деле другая планета.

И Катя рассказала подруге свой сон, сказку, которую она боялась спугнуть, секрет свой, которым ни с кем не делилась.

— Я теперь не знаю, что и делать. Это у меня характер такой вредный...

— Брось мучить себя.

— Как вот теперь передать Аглае, что я не хотела ее обидеть, что я ее помню...

— А можно, я погляжу на тот камушек...

Подружки сели на скамейку во дворе, их портфели валялись рядом, рисунок они держали перед собой. И старательно терли камушек...

— Попробуем, повторим несколько раз: "Аглая, мы думаем о тебе. Пусть цветут твои земли, пусть добрые существа живут на твоей планете". Поиграть бы с ней немного...

Они несколько раз повторили вслух эти слова, надеясь, что Аглая каким-то чудом услышит их. И чудо произошло. Чудеса всегда свершаются, когда человек очень верит.

Оказалось, что совсем не обязательно должны быть обои со звездочками. И ночь — тоже не обязательна. И ковра-самолета не надо. Только одна сила твоего желания делает все — возможным.

Девочки оказались снова на той же овальной площадке. Окруженной со всех сторон горами — теперь зеленеющими горами. У озерка, ожившего, чистого озерка, над которым летали птицы. Нет, они не были похожи на наших чаек, но это были птицы. И по берегам озерца росли кусты, напоминающие наш ивняк.

— Она живая, живая! — запрыгала Катя. А Вика стояла молча, оглядываясь. Она не верила, что это все — не сон. Пыталась себя ущипнуть. Больно...

— Это и есть твоя планета? А может быть, мы просто где-нибудь в Башкирии, если не на Алтае?

— Да ты слушай. С нами говорит Аглая!

— Ничего не слышу. Ты придумываешь все!

— И эту планету я тоже придумала? Ты здесь. Оглянись!

— Здравствуйте, девочки! Я знала, Катя, что ты меня не бросишь. Ты вернулась и привела с собой такую хорошую подружку. Спасибо.

— Катя, я не слышу ничего...

— Аглая! Что делать? Вика не слышит тебя. Может быть, надо начать играть в мяч, и Вика поймет, что ты тут, с нами. И что это не Алтай и не Урал, а твоя планета...

Вике в руки прилетел мячик — и она тревожно, испуганно вскрикнула.

— Да не бойся же ты! Я тоже вначале боялась. Аглая добрая. Она хочет играть с нами. Кидай пока мяч мне... — Катя нетерпеливо прыгала на одной ноге, ожидая подачу, ужасно счастливая, что все так прекрасно здесь, в гостях у Аглаи. Поймав мяч, она бросила его в сторону, полагая, что Аглая подхватит, отобьет...

— Ну, пожалуйста, Аглая, отбивай! Покажись нам! — молила Катя про себя. Аглая, Аглая-то умеет читать мысли.

В том миг, когда Аглая отбила мяч, девочки увидели ее. Третьей в их игре — тощую девчонку с двумя рыжими косичками, торчащими в стороны.

— Аглая, это ты — Аглая! А говорила, что чудище...

Катя подскочила к новой подруге, чтобы потрогать ее, убедиться, что это — явь, что она живая и теплая — душа планеты, Аглая...

Вика подойти не решалась.

— Вика, подойди, поздоровайся, обними ее. Аглая добрая, хорошая...

— Девочки, вы мои спасительницы. Я помолодела, потому что ты хотела увидеть меня такой же девчонкой, как и вы...

Вика несмело приблизилась.

— Чандар, Чандар! — закричала Катя и метнула мяч в небо. Теперь они играли втроем, и им было весело. А вокруг откуда-то возникали и садились кружком мохнатые звери с умными глазами и славными мордочками.

Вика, когда впервые заметила их, швырнула мячиком в их сторону — невольно так получилось. Существо, очень похожее на Чапа, взяло мячик в пасть и, подойдя, протянуло его Аглае.

— Кате! Отдай Кате, — скомандовала Аглая. — Ты возьми у него, не бойся. Они тут у меня совсем непуганные, хорошие звери. Их не было прежде. Я уж и не надеялась. Жизнь возрождается...

Катя взяла мяч, но играть больше не хотелось.

— Девочки, а хотите, я вам покажу свою планету? Садитесь верхом на коней — пусть это будут по-вашему кони, они летать умеют. И мы немного полетаем. Хотите? Вика, кажется, очень любит лошадей...

Конечно, это были не лошади, какие-то Пегасы, кентавры, но летали они классно... И совсем не страшно было...

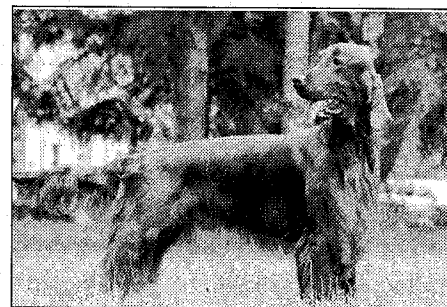
* * *

— Девочки, как вы сюда забрались?! — Катина мама шла и вытирала слезы. — Отца нет, я не успеваю уследить за этой

егозой. Ну, как тебе объяснять, чтобы ты не лазила бог знает где... Наказывать тебя, что ли...

Мама вытирала слезы, и Кате стало ее жалко. Мама Вики не успела испугаться за дочь — она знала, что ее лошадица Вика всегда слишком самостоятельная и вытворяет самые неожиданные штуки. Залезть на вершину скалы неподалеку от города — это вполне в ее духе. Хотели даже вызывать скалолазов, чтобы они сняли девочек, но те сумели спуститься сами. А вот как они туда попали, ни та, ни другая объяснить не могли.

Портфели у обеих обнаружили дома. И уроки в тетрадках были уже сделаны. И отметки девочки на следующий день получили отличные. Но про свою планету, про Аглаю, они никому не рассказали. Тайны надо уметь хранить. Ну, а рассказали бы, так кто бы им поверил? Разве что отец Кати. Дочка расскажет ему, когда он вернется из своей очередной командировки. Он помолчит, ничего не скажет, только поцелует девочку: "Спи, моя маленькая фантазерка". Но Катя знает — он-то верит в ее фантазии.

ДЕНЬ ГЛАВНЫХ ВСТРЕЧ

Проводив в армию Алешу, студента архитектурного, я осталась одна в своей чистенькой, ухоженной квартирке. Пусто! Тоска! Прежде хватало забот о сыне, уборке, стирке, да и работа в радость. А теперь руки не поднимаются ничего делать. Готовить для себя одной не хочется, мыть, наводить блеск — как будто и не нужно. Пойти бы куда — да с кем? Подруги все заняты, все при доме, семье, перезвонимся вечером — и то ладно.

И начала я читать "Курьер", его последнюю страницу, где одинокие, вроде меня, женщины на весь свет выкрикивают свою мольбу: "Жду единственного, без вредных привычек, способного оценить женскую заботу и верность. Дети — не помеха. Образование и рост значения не имеют".

Что до меня, то рост как раз имеет значение, меня всегда, начиная с девятого класса, приглашали заниматься баскетболом. Но я предпочитала театральные студии. И когда все это было?!

Мужчины выступали со своими воплями на страницах газет значительно реже. И рост их, как правило, не превышал 165 сантиметров. Иногда, правда, и богатыри давали брачные объявления, но я сильно сомневаюсь в искренности их тоски по семейному очагу. О, конечно, им нужно, чтобы их кормили, обстирывали, покупали им обновки, выслушивали сочувственно... Но и только! Увы, для большинства мужчин мы — женщины — лишь работницы сферы обслуживания на дому, а также одна из радостей жизни, удовольствий плотских, предмет быта. Для них более важна борьба концепций славянофилов и неозападников, интриги на Гаити, футбольные матчи и прочие вещи высшего порядка. Это мое убеждение — после того, как меня бросил очень любящий муж, мой Артем. Бросил, когда я ждала ребенка — оставил ради Москвы, карьеры в столичном театре. Женился на прописке и жилплощади. А был он вы-

сок, красив и талантлив. Кто бы мог сравниться с ним? Некоторые пытались ухаживать. Один инженер с нашего завода даже звал замуж, но мне сама мысль показалась дикой. И потому я изучала объявления в газете с грустным любопытством и сознанием никчемности этого занятия.

Но однажды ... не в разделе "Службы знакомств", а рядом я прочитала:

"Кооператив "Люкс" приглашает одиноких мужчин и женщин, не удовлетворенных жизнью, приходить в Парк культуры и отдыха имени Владимира Маяковского к шахматному клубу по воскресениям к 12 часам. Курс уроков по искусству общения — месяц. Плата — тридцать рублей".

Это как будто мне подойдет... Ждала воскресенья, начала новой жизни. Даже в парикмахерскую сбегала накануне и очередь высидела — а меня всегда очереди пугают. Тут терпела... В двенадцать часов уже была в парке, и половина зарплат — в сумочке.

Жаркий, солнечный июньский день. Птицы заливаются. Я даже стрекоз увидела — а сколько лет их не замечала! Блестящие удлинённые крылышки сверкали, точно махонькие серебристые зеркала, летящие из ниоткуда — в никуда...

У входа в шахматный павильон — обыкновенный конторский стол, давно уже списанный, наверное, из серьезного госучреждения. Табличка на столе: "Кооператив "Люкс" — гарантии счастья". Над листочками бумаги склонилась очаровательная головка — обесцвеченные перекисью волосы лежали ровными волнами. Девушка подняла на меня прозрачные глаза и улыбнулась — так, как будто немедленно хотела осчастливить и меня, и всех, проходящих по тропинке. Однако, кроме меня, никто не спешил за счастьем.

Девушка — наверное, от скуки, вся втянулась в свою магнетическую улыбку, как улитка заползает в раковину. И улитка, то есть голубая бабочка, запорхала непредсказуемыми, легкими, изменчивыми стежками вокруг стола. Я испуга-

лась — а вдруг она улетит? И стол с объявлением тоже исчезнет. И поэтому спросила громко, обращаясь к бабочке:

— Вы даете гарантии?

— Какие гарантии? — удивилась девушка, крайне недовольная, что ее развлечение — или занятие? — прервали на самом интересном месте, и она вынуждена снова сидеть за столом.

— Гарантии счастья, — я показала на объявление.

— Да, пожалуй, это не совсем точно. Так лучше? — она задумалась только на мгновение.

Теперь на афишке красовалась другая надпись: "Всего тридцать рублей, и вы — счастливый человек. Жизнерадостный, окруженный друзьями."

— Вы полагаете, что жизнерадостных идиотов не бывает? — спросила я бабочку. Но она просто не поняла моего вопроса. Тогда я изменила тактику:

— А что, много ли клиентов у "Люкса"?

— Не очень. Видите же сами. Поинтересуются — и отходят.

— Боятся? Думают, что лучшее — враг хорошего?

— А вы-то сами не боитесь? Записывайтесь.

— Я еще не решила, — что-то меня останавливало. Может быть, история с превращением в бабочку. А девушка теперь стала похожа на рассерженную продавщицу в магазине:

— Ну и гуляйте по парку самостоятельно. А у меня домашние задания. Некогда мне с вами попусту болтать...

Она ведь опять улетит. Уже раскрывается улыбка...

— Но я бы хотела знать, чему тут учат. За что — тридцать рублей? Могу я поговорить с председателем "Люкса"?

— Главный Люксер в отпуске, — девушка вновь стала любезна. — Пройдите в клуб. Там по виду посмотрите наше занятие. А поговорить вы можете с Надиной Омаровной, руководителем этой группы.

Она ввела меня внутрь шахматного павильона — я почти не ощутила прикосновения, но меня именно ввели. Полутемное помещение со странными витражами на окнах. Раз-

ноцветные полосы расходятся от центра, расширяясь. И все это опоясано желтой лентой — змеей, утекающей куда-то в запредельность. Я зябко поежилась. Бабочка — да будет позволено мне так называть ее, хотя она была теперь просто милой девушкой, — нажала какую-то кнопку. Передо мной засветился экран. Самого аппарата я не видела, да и не было его в этой пустой комнате. Только столики с нарисованными на них шахматными досками.

— Смотрите. Захотите присоединиться к нам — платите деньги.

И упорхнула. Поплясала еще в солнечном луче и вылетела за дверь.

Передо мной на берегу — я узнала это место в парке, у трех лесных озер — играют в мяч немолодые люди. Толстый рыжий джентльмен в синих плавках — именно так хочется сказать о нем, настолько лицо его грустно-замкнуто и обращено как бы вовнутрь — легко, по-юношески прыгает вверх, и отбив удар, падает на траву. Причем вытянутое лицо его не меняет своего невыражения, пустота ничем не заполняется, ни смущенной улыбкой от неуклюжести падения, ни удовольствием, что трудный мяч-таки взят, ни гримасой боли — ушибся ведь... А мяч принимает пожилая дама — ей бы внуков выгуливать в скверике у фонтана, но бабуся хочет жить. Наверное, это нормально и правильно. Да только мы не привыкли к таким бабушкам. Мы запираем их в клетку кухонных и семейных забот и не замечаем собственного бездушия... Впрочем, есть в этой группе и люди помоложе. Все играют с таким упоением и страстью, как будто это самое главное дело на свете. Так что, кооператив "Люкс" — спортивная секция?

— Не совсем, — тут же объяснили мне мягким обволакивающим голосом. — Это разминка. Главные занятия начнутся позднее...

Теперь я увидела говорившую: изящная, маленькая, очень молодая женщина в красном с желтым ободком ку-

пальнике на шнурочках сидела на скамейке у озера и глядела прямо на меня. Губы ее улыбались, но глаза были серьезны. Карие глаза. Если, конечно, этот видик не искажает цвета. Не должен — совершенный аппарат. Женщина сидит и слышит меня — двухсторонняя связь?

— А что именно в вашей программе? — я хотела назвать руководительницу по имени-отчеству, но вспомнить странное имя не могла.

— Надина Омаровна, — подсказала она мне. — Наша задача — снятие стресса путем разрушения замкнутости круга. Мы как бы приоткрываем капсулу, в которую человек сам загнал себя — и отработанная энергия, яды — все это выходит за пределы круга. Мы даем не просто счастье, но и главное условие его — здоровье. Платите деньги!

Рука моя сама собой потянулась к сумочке, но силой воли — аж пот выступил — я только вытерла этой же рукой взмокший лоб.

— Очень жарко, — объяснила я Надине Омаровне, не сводившей с меня внимательных глаз. В уголках ее влажных губ промелькнула насмешка.

— Посмотрите на этих людей. Они пришли к нам вялые, заторможенные, просто больные. Они разучились улыбаться. Мы учим их улыбаться заново.

— Да, я заметила. Особенно этот рыжий джентльмен чересчур улыбчив.

— Авенир Юрьевич в самом начале курса. Может быть, ему придется остаться с нами еще на месяц — случай довольно тяжелый. Он засудил по звонку сверху более десятка человек — и теперь хочет освободиться от греха, как раньше бы сказали...

— Осознал грех? Замаливает?

На экране видео крепкий старик отрешенно и самозабвенно скакал на одной ножке...

— А вы не язвите. Он заплатил деньги, надеется... Сам пришел! А мы — не прокуратура и не церковь. Но кое-что и

мы можем. Так вот, у всех наших клиентов через месяц занятий заметны успехи на службе, улучшается сон, самочувствие... Вы хотите быть здоровой? У вас побаливает правый бок, не так ли? А ночами иногда прихватывает сердце?

Эта Надина берет на себя слишком много. Но сумочка моя уже раскрыта, старая-престарая сумочка на ремне — ремень не раз менялся, а коричневая кожа сумки потемнела и покрылась блеском времени. Я покупала эту сумку в Прибалтике, куда мы с Артемом ездили отдыхать — в первый и последний наш совместный отпуск, медовый горький месяц. Надо выйти из полутемного помещения — туда, к секретарше у входа, к голубой бабочке, чтоб заплатить деньги...

— О нет, это лишнее. Давайте сюда. — Надина Омаровна уже сидела за моим столиком, оправляя пеструю юбку, уstraиваясь поудобнее. Когда она успела одеться? Витая желто-красная тесемочка купальника врезалась в загорелую шею — загар оттенялся еще сильнее белой блузкой. А глаза Надины Омаровны при ближайшем рассмотрении показались мне темно-синими.

Три десятки сами выскользнули из моих пальцев, упали на черную клетку шахматной доски — и исчезли.

— Вы не удивляетесь? — спросила Надина Омаровна.

Но я уже успела адаптироваться к чудесам и ответила вполне беспечно:

— А вы хотите удивить меня?

— Мне хочется вас немного развлечь. Да и поговорить. Я всегда беседую с новенькими. Для каждого понятие счастья — свое. А наша инспектор — это ее работа — пока только осваивается...

— Да, учиться превращаться в бабочку. Но сущность продавщицы из овощного ларька остается при ней.

Быстрый, цепкий взгляд Надины Омаровны.

— Будьте же снисходительны. Она попала в катастрофу. Стала хромать, на лице — шрамы. Мы вернули ей красоту. Грубая сущность уйдет — она очень старательно учится.

— Завидную судьбу вы ей готовите — порхать по жизни...
— Но не всем же ломать голову над философскими проблемами! Она будет бабочкой, только когда ей этого захочется. А философские проблемы пусть решает тот, кто ее полюбит. Вас ожесточила жизнь.

— Может быть! Но добренькой все равно быть не хочу!
— Я взяла ваше условие на заметку. Вам кофе или чай? Не откажетесь?

— Кофе.

Тотчас две почти прозрачные тончайшего фарфора чашечки (антиквариат?!) оказались перед нами на столе. Аромат настоящего кофе. Светло-коричневая пена. Вот это истинное волшебство — натуральный, а не какой-нибудь ячменный или юбилейный суррогатный напиток.

— Так чего вы хотите от жизни?

Трудный вопрос. Я отделяюсь шуткой.

— Такой кофе — верх всех желаний!

— Благодарю, — кивнула Наина Омаровна, — и все же... Мужчины к нам приходят с разными комплексами. Женщины — большей частью из-за неразделенной или обманутой любви. Поглядите, блондинка в черном купальнике. Полина. Ее бросил муж. Как и вас, кстати. Она надеется на новую любовь.

— А разве это возможно — какое-то другое чувство?

— Для вас — затруднительно. Для нее — возможно, — одними губами вновь улыбнулась Наина Омаровна. — Она теперь уже близка к освобождению от старых привязанностей, еще чуть-чуть — и в ней вспыхнет новая страсть. По секрету скажу, что ее избранник — вон тот белокурый человек в кепочке. Прежде женщина была для него либо товарищем по работе, либо... Конечно, к нам он пришел совсем не для того, чтобы научиться любить. Нет, он не видел в этом необходимости. Он партийный функционер, обратился к нам, чтобы избавиться от страха и инстинкта послушания. Перестройка требует. Как видите, мы идем в русле времени...

— Но от страха нужно лечить всех. Мы все это получили в наследство.

— Проводим профилактический общий курс. А Аркадия — его у нас зовут Аркадием — лечим и дополнительно. Пытаемся окрылить его душу. А что окрыляет человека больше любви?!

— Значит, Аркадий — не настоящее имя?

— Вступая в кооператив, люди вольны сохранить тайну. А как бы хотели зваться вы, Светлана Иннокентьевна?

— Мне-то зачем скрываться? Я же не партийный работник.

Наина Омаровна скептически улыбнулась, не раздвигая тонких губ. Я до сих пор не видела ее зубов. Плохие зубы? Нет, наверное, тут другое.

— Да, другое. Вам пока это ни к чему...

А чужие секреты выдает спокойно.

— Это не секреты. Вы все равно узнаете всю подноготную — раз пришли к нам. Мы тут проигрываем собственные житейские ситуации. Вот та бабушка желает помириться с дочерью. А чего все-таки хотите вы, если серьезно? Друзей, здоровья, любви? Хотите иметь уверенность в себе? Хорошо, хорошо, я не буду мучить вас. Разберемся постепенно.

— Можно еще вопрос?

— Хоть сотню! Для этого я здесь.

— Сколько ваш заработок в кооперативе?

Наверное, вопрос мой неуместен, может быть, даже оскорбителен. Лицо Наины Омаровны, и без того как будто задернутое темной вуалькой, на мгновение пропало вовсе. Я уже подумала, что она исчезла, а нет! Появилась вновь с извиняющейся улыбкой.

— Я не знала, можно ли вам говорить все. Пришлось проконсультироваться. Оказывается, можно... У нас не обычный кооператив. То есть налоги государству мы, конечно, платим. А вот сами зарплату не получаем. Деньги тратятся на приобретение аппаратуры (легкое движение в сторону

экрана) и на выполнение желаний клиентов. А желания бывают весьма дорогостоящие. Вот, скажем, ваше сокровенное — поправьте меня, если я ошибусь, — вернуть мужа. Думаете, работа обойдется нам в тридцать рублей? О, значительно дороже.

Она поглядела на меня со значением — понимала, что теперь, после ее обещания вернуть мне Артема, я уже точно никуда не денусь. А ведь она угадала! И сына я мечтала вырастить достойным человеком, чтобы отец, когда узнает — ну должен же он когда-нибудь узнать! — поразился...

— Как же вы живете, если ничего не получаете в кооперативе? И зачем вам этот "Люкс", не понимаю?

— Объясню, терпение. Я математик по образованию, а сейчас еще учусь в физкультурном институте. А тут вроде как практика — для себя. А ради денег подрабатываю ночным сторожем в детском саду. После лекций. И все так. На общественных началах. Сами ищем счастья — или хотим помочь другим. У нас только председатель освобожденный.

Миссионеры какие-то... Но меня тревожил еще один вопрос — чтобы окончательно для себя разобраться с этим миссионерством. Может быть, этот вопрос тоже неуместен?

— Рискните, спросите. А вдруг?

— Для вас существуют понятия добра и зла?

Она вскинула голову и быстро посмотрела на меня — так что я почувствовала, как между нами зажглась светящаяся, бегущая ниточка — из глаз в глаза. Я опустила ресницы первой, с усилием.

— Могу ответить только фразой поэта: "Добро и зло приемли равнодушно и не оспаривай глупца..." Вы удовлетворены? Учтите, вы можете всегда отказаться от наших услуг...

А глаза у Надины, оказывается, все-таки зеленоватые. Интересно, они светятся в темноте?

Ход моих мыслей, кажется, не понравился Надежде Омаровне, она порывисто поднялась:

— Мы заболтались, а нас ждут...

Надина Омаровна одним плечом втиснулась в экран, а меня просто поволокло следом. Как мы совершали перемещение в пространстве, я бы объяснить не сумела, но факт, что через секунду мы стояли — причем в одних купальниках — платя в руках — на цветущей поляне у трех озер. Пьянящий горячий сосновый воздух струился вокруг моего тела, неприлично белого среди загорелых новых товарищей по "Люксу". Но ничего, я тоже стану, как они... Солнце ложится мне на голую спину. И пусть! А вот черные мои волосы лучше прикрыть панамкой, что я немедленно и сделала, усевшись на скамейку... Сначала поглядим, не стоит торопиться вставать в общий строй...

Надина Омаровна уже командовала:

— Грудная клетка вздымается. Верхнее радостное дыхание. Руки вытянули к солнцу, набираем энергию. Задержали дыхание, держим, держим — сбросили! Резче! Вы освобождаетесь от усталости, от дурных эмоций, вы становитесь легкими, все легче, легче... Руки — крылышки. Включили солнечные батареи...

О нет, это не для меня! Я не освобождалась, не включала ничего, хотя мне и хотелось, может быть, — а почему бы и нет? — снова стать одной из... Был даже момент, когда я решила загореть, как все — но нет, я снова сама по себе, я сижу, не шевелясь, скептически созерцая это сумасшествие... Дружный коллектив тем временем взвился хороводом в небо. Вслед за Надиной Омаровной, превратившейся вдруг в бабочку-траурницу — красные крылья, желтая кайма, капельки желтизны вдоль каймы. Рядом с ней обыкновенная крапивница — не Полина ли, ожидающая новой любви? Пестрая репейница — бабушка, поссорившаяся с дочерью? А дневной павлиний глаз — это нарядный Аркадий? Вынести превращения секретарши у шахматного клуба еще можно было — но увидеть такое?!

Я быстро натянула на себя платье и ринулась к лесу. Траурница закружилась вокруг меня, порхала тревожно — так что я просто принуждена была остановиться. Надина Омаровна возникла на моей дорожке. Она кусала губы, плакала. Это было неожиданно, но она в самом деле плакала:

— Светлана Иннокентьевна, прошу, не убегайте...

— Вы же деньги-то получили. Теперь вам что! Баба с возу — кобыле легче...

— Не совсем так. Вы уже вошли в систему. С вашим уходом что-то может разладиться. Хотите, я с вами поделюсь своими знаниями?

— Э, нет, не надо! Порхающие бабочки, экстрасенсы — это не для меня.

— Но вы и не полетели. И не полетите, если не пожелаете. Но ваше трезвое мышление служит отличной стартовой площадкой для всей группы на взлете. Вы нам нужны, мы — вам. Это аксиома. А мужа мы вам вернем. Пожалуйста...

Мне стало ее жаль. Нагорит ей, наверное, от главного Люксера, что не удержала клиентку. Ладно... Она славная, эта Омаровна. Успею еще удрать отсюда.

— Конечно, конечно, мы силой не держим.

И бабочка вспорхнула и потерялась в синем небе.

А потом, когда весь хоровод вернулся, начались исповеди. Сегодня был день бабушки.

— Все дочери неладно. Больше из-за внука ссоримся. Я на него поругаюсь, она его защищает. Она рассердится на Олежку — я его защищаю. А после молчим неделями...

— Типичная ситуация — жертва, преследователь, спаситель... И смена ролей, — это Аркадий комментирует. Я пока в ролях совершенно не разбираюсь. Но мне кажется, что и Варвара Петровна тоже... Зато вся группа бурно обсуждает.

— А если попробовать нарушить молчание?

— А если не кричать на Олега?

— А если не вмешиваться в отношения мать — сын?

— А когда она была маленькой, вы ее били?

Последний вопрос заставляет Варвару Петровну вскочить:

— Да я ее и пальцем никогда...

— Нельзя здесь врать!

Надина Омаровна вмешивается:

— Варвара Петровна, если мы не услышим правду, мы не сможем вам помочь. Тогда занятия теряют смысл.

— Разве шлепнуть ребенка — это так уж плохо? Ну, конечно, шлепала. Но не била...

— Мы вам верим, Варвара Петровна. И все же, как помочь? Хотя, конечно, мать и дочь — это всегда система отталкивания, но можно стараться не раздражать друг друга... Уважать... Какие пути примирения поискать, кто предложит?

— Вспомнить теорию ритмов, — высказался неулыбчивый Аvenir Юрьевич.

— Какая теория, я не знаю никаких теорий, — чуть не плакала Варвара Петровна.

— Я объясню, — спокойно, мягко продолжала занятия Надина Омаровна. — Время ускорилось. И вам, чтобы не чувствовать себя обиженной, нужно постараться войти в новые ритмы, в которых живет ваша дочь. Тогда вам легче будет понять друг друга.

— А как в них войти-то, попроще бы как-нибудь... Стара уж я для ваших теорий...

— Ничего, Варвара Петровна, вы моложе многих из нас. Пришли в "Люкс", углубляете контакты, знакомитесь с новыми людьми — вот ваши ритмы и ускоряются. Дочка поймет, увидит вас иначе...

— Да что она поймет! Вы бы не мне, ей бы объяснили...

— Пока мы объясним вам. Но и с дочкой проведем работу. Как коллектив считает — пора уже?

Все согласно закивали головами. Надина Омаровна усе-лась на скамейку, достала из сумки какую-то блестящую штуковину, покрутила ручку настройки, поговорила — вроде как по рации. И уже через несколько минут к нам по

дорожке с большой лохматой колли и мальчуганом в матроске подходила молодая женщина.

— Мама, да это же бабушка! Бабушка!

И очень скоро дочка, недоумевая, с растерянной улыбкой смотрела, как бабушка в веселой компании бежит трусцой. Потом Аркадий притащил и подарил Варваре Петровне необыкновенную корягу — почти готовую статуэтку летящей девушки.

— Мы ее приспособим к книжной полке, не так ли, Маша? Маша удивленно покачала головой — и согласилась.

Авенир Юрьевич начал обучать Олежку рыбачить и по-минутно звал:

— Варвара Петровна, посмотрите, как ваш внук забрасывает удочку! А как он ловко надевает червяка ...

Женщины в стороне бросали палку в озеро — колли купалась, выполняя приказы матери и дочери.

— Варвара Петровна, какая у вас умная собака... Фред!

Колли бегал среди клиентов "Люкса", отряхиваясь и радуясь чрезвычайно, хотел каждому положить лапы на плечи и лизнуть в лицо.

— Пойдем домой, мама, — наконец, дочке захотелось увести мать отсюда. Но Варвара Петровна молодо засмеялась:

— Да нет, я, пожалуй, еще поиграю в мяч. А ты не хочешь? Ну, конечно, тебе же еще готовить обед...

Дочка ушла — с колли Фредом и сыном Олежкой. И бабушка сразу сникла и потеряла задорную свою улыбку.

— Все нормально, — успокоила ее Наина Омаровна, — посмотрим, каков будет результат сегодняшнего эксперимента. Если понадобится — повторим. Но, мне кажется, и этого достаточно. Только сами следите, чтобы снова не отстать от потока времени...

Варвара Петровна остановившимися глазами глядела на середину озера, потом неожиданно, с посветлевшим лицом спросила:

— А как насчет искупаться?

Впрочем, в воду полезли не все клиенты "Люкса". Авенир Юрьевич дотошно выспрашивал у руководительницы, какие есть еще возможности войти в поток времени. Я подумала, что все мы, собравшиеся тут, отстали от этого потока — вот и ищем способы войти в реку времени. Мы не на берегу, нет. В каком-то затянутом тиной рукаве, потерявшие связи с текущей водой...

— Только контакты. Общение с людьми, с природой, с современным искусством. Однако продолжим занятие. Все уже познакомились со Светланой Иннокентьевной, нашей новой подругой. Предположим, у нее сегодня день рождения. Итак, что вы ей подарите?

— Ткань на костюмчик... Духи... Цветы... Стихи...

Я принимала гостей на кухне.

— Нет, — поправила меня Наина Омаровна, — в комнате, только в комнате. У вас уже все приготовлено. Зажарен цыпленок табака. Первый гость вы, Аркадий. Ситуация. Прошу внимания. Светлана Иннокентьевна, вы были когда-то комсомольским секретарем, а Аркадий — инструктором райкома. Были даже слегка влюблены друг в друга. Забудьте о разнице возраста, идет игра. С тех пор ваши дороги разошлись. Светлана Иннокентьевна — кто вы? Ага, работаете лаборанткой на том же заводе. Оставила общественные дела. А Аркадий — уже значительный партийный работник. И вдруг вы, Аркадий, вспомнили об этом дне рождения. Решили зайти. Есть дополнения, поправки к ситуации?

— Можно? — Авенир Юрьевич проявляет активность. — Год назад у нашей именинницы мужа уволили по сокращению штатов, она обращалась к Аркадию за помощью, но тому было некогда. Годится дополнение?

— Годится. Итак, Аркадий, вам совестно стало? Вы пришли с букетом, звоните...

Я открываю. Изображаю удивление. Вот когда, оказывается, пригодились занятия в театральной студии. Когда-то мы играли вместе с Артемом. Сто лет назад...

— Аркадий, вот уж я не думала, вот уж не ждала. Ты помнишь мой день рождения...

— Всегда помню. Поставь цветы в воду...

— Какие красивые, спасибо.

— А где твой муж?

— Артем? Сейчас подойдет. Пошел купить кое-что к столу...

— Извини, ты тогда позвонила как-то неудачно, у нас запарка была. Но я узнавал, у Артема твоего все в порядке.

— Да. Он перешел в другой театр, все хорошо. Я знаю, ты бы обязательно помог, если бы не был так занят. Я уверена... Не стоит извиняться, забудем...

В какой-то миг мне стало грустно. На самом-то деле в день рождения я, как обычно, буду сидеть одна-одинешенька... Надина создает тут какой-то иллюзорный мир.

Однако в следующее воскресенье я без пятнадцати двенадцать в лучшем своем платье, зеленом с пояском по бедрам, уже сидела на заветной скамеечке у трех озер. Увы, никого из клиентов "Люкса" не было. Я честно ждала пятнадцать минут, еще столько же. Потом начала беспокоиться... Может быть, у них опять сегодня полеты? Может быть, мне следовало идти к шахматному клубу, а не сюда вовсе?

Бабочка-капустница порхала возле меня. Я приподнялась даже, следила за ней, но она явно не обращала на меня внимания. Скользила по своим невидимым чудовищно ломаным линиям. Умчалась. Видно, обыкновенная бабочка...

Какая-то женщина присела на скамейку рядом.

— Они у реки. Скорее!

Я обрадовалась ей, как сестре. Полина! В новом, без бретелек, по моде, сарафанчике, улыбающаяся — видно, все же их учат улыбкам. Мы взялись за руки и побежали по тропинке. Я быстро запыхалась, схватилась за сердце.

— Поля, пойдем потише. Я не могу...

Только и Полина, видно, не могла идти тише — ее несло вперед. Наверняка, уже разворачивается ее роман с Аркадием, она прямо летит...

— Надо спешить! Мы можем опоздать к обеду... Выпей витаминчик! — Полина протянула мне желтоватую пилюлю. Я проглотила ее, не рассуждая, не раздумывая — какой витаминчик, какой обед, куда мы мчимся?! Еще неделю назад я бы поостереглась принимать неизвестно какие лекарства. Пилюля подействовала почти мгновенно — мои одышка, колотье прошли, и мы понеслись через лес напрямую, без тропок, как две косули.

Я прекрасно знала эти места, гуляла не раз с сыном. Но то, что я увидела, когда мы выскочили к реке, заставило меня замереть. Откуда тут, на диком высоком берегу — белые колоннады дворца, аллеи со скульптурами, фонтаны, мраморные лестницы?.. Из каких снов или сказок?

— Где мы, Поля? — обернулась я к подруге, но никого уже не было рядом со мной.

И я шагнула вперед, на аллею, в праздничную круговерьт. Шум, музыка, смех водопадом обрушились на меня после тишины леса. Играли на эстрадах — открытых со всех сторон квадратных подмостках — оркестры. Танцевали смуглые индусы в белых национальных одеждах. Поэты, сменяя друг друга, читали стихи — их не слушали. Кажется, тут никто никого не слушал... Я быстро поняла, что найти товарищей по кооперативу мне будет трудно. А может быть, и невозможно. Полину я-таки увидела. Она шла, положив голову на плечо Аркадия, в тихой задумчивости. Улыбка, робкая, нежная, немного удивленная, плавала над ними — одна на двоих. Стоило ли им сейчас мешать?

Людской поток вынес меня на главную площадь — перед Дворцом. И тут я увидела тот же столик, что и в парке, и ту же голубую девушку-бабочку за столиком. Табличка на столе: "День самых главных встреч". И пониже помельче: "Просьба ко всем участникам зарегистрироваться и получить личный план дня". Расталкивая людей — они как-то легко расталкивались, точно я проходила сквозь них — вышла к столу.

Голубая бабочка тут же, немислимо обаятельно улыбнувшись, отметила мое имя в списках и все с той же улыбкой — пролетев круг над столом и снова опустившись на свое место, добавила:

— Ваши гости — Артем Боков и его супруга. Встреча назначена...

Она пыталась еще что-то мне объяснить, махала какой-то бумажкой, но я уже бежала — сквозь тени гостей — к зеленой стене леса. Его жена, его жена, та, со столичной пропиской... Прочь отсюда! Но выйти к лесу я не могла — куда бы ни шла, возвращалась к площади Дворца. Наконец, измученная, легла на травку у фонтана. Лежала и перебирала руками длинные ползучие стебельки спорыша, горца птичьего, как его еще называют, поглаживая пальцами мелкие блестящие листочки. Сорвала травинку, надкусила... На меня никто не обращал внимания. Привычка делать то, что хочется — если, конечно, не мешать другим — вообще-то мне, как и большинству наших людей, не свойственна. Разве что в аэропортах, натолкавшись в переполненных залах, пассажиры позволяют себе уснуть на зеленых газонах. Как вот я позволила себе сейчас лечь на лужайку... От усталости и отчаяния.

Правда, иногда спят на газонах и пьяницы, но в трезвом состоянии они делать этого бы не стали. Здесь не Америка — ходить, в чем заблагорассудится, садиться, где удобно — хоть на пол. Мы — в комплексах, как в униформах. Шагаем в ногу — сколько надо времени, чтобы приучить нас жить и дышать свободно, не оглядываясь по сторонам, не ожидая приказа? Вот тут, в парке, из которого нет выхода, мне одиноко и свободно. Хотя какая свобода, если не можешь уйти? Да и как уйти, если этих аллей, фонтанов, этого Дворца просто не существует... Ладно, можно наплакаться вволю...

— Светлана Иннокентьевна! Зачем же так категорично? Вы же видите, слышите. А если вы попробуете наш обед... Мы существуем, правда, в ином измерении, вы к нему не

привыкли... Вас можно отправить домой, но зачем торопиться? Что же вам у нас так не понравилось?

Голос медленный, тягучий, почти без интонаций. Я подняла голову, вытерла слезы. На тропинке рядом со мной — шкафчик на колесиках, сверкающий никелем, мигающий разноцветными фонариками на панелях. А в середине — мерцающий зеленый экран. Видик в шахматном клубе — а что, очень похоже... Но Надина Омаровна тогда разговаривала со мной — и я ее видела, а тут — чистый экран. Наверное, это говорит сам робот!

— А если я не буду вам отвечать?! Или вашему компьютерному мозгу не дали такой необходимой программы — о человеке, которому надо побыть иногда одному, поплакать, а? Вы, наверное, робот с кухни?

Я хотела оскорбить его — уж так было горько!

— Не совсем. Хотя мороженым я могу вас угостить. Или вы желали бы свежее яблоко? Или кофе-гляссе?

Нет, эта машина вполне годится, чтобы служить человеку.

— Мороженого, — верно, пусть-ка даст мне порцию и катится на своих колесиках дальше. Из брюха робота выдвинулся столик, а на нем в хрустальной вазочке мое любимое мороженое, с орехами и шоколадом. И золотая ложечка рядом.

— Спасибо. Можете обслуживать других гостей. Наверное, никто не откажется от такого лакомства...

Робот укоризненно покачал своей квадратной головой.

— Вы сильно ошибаетесь, Светлана Иннокентьевна. Я не кухонный робот. Вы меня не видите, а эта электронная кукла — мои глаза и руки. Я — главный Люксер и устраиваю этот праздник для клиентуры нашего — ну, и не только нашего — кооператива. Как хозяин, я должен заботиться, чтобы гостям было хорошо во Дворце. И вдруг мне докладывают, что вы даже не захотели взять свой личный план Дня главных встреч. Ну что такое, Светлана Иннокентьевна... Простите, я не представился. Называйте меня просто Вольдемаром. Конечно, если вам неприятно видеть перед собой

заурядного робота, я бы мог явиться перед вами в каком-нибудь земном виде — таким хлыщом в цилиндре и с тростью...

Вольдемар — владеющий миром — да, от скромности не умрем. Однако...

— Трости теперь не носят. Да и цилиндр — это же девятнадцатый век. А сейчас у нас...

— Ну, такие мелочи, простите... Хорошо, с японским складным мужским зонтом.

Я расхохоталась. Мне легко было говорить с этим человеком, не желавшим показаться мне. Прямо как в "Аленьком цветочке" — очень в детстве я любила эту сказку. Может быть, за ее счастливый конец?

— Спасибо вам, Светлана Иннокентьевна. Иногда мне трудно общаться с клиентурой — не понимают. Я уже редко выхожу на контакт, все Надину отправляю. Приятно, когда человек не заставляет меня надевать какие-то ненужные маски. Всю жизнь в масках — ужас! Так отчего вы плакали, дорогая Светлана Иннокентьевна?

— Но если вы — Вольдемар, то я — Светлана...

— Божественное имя. С таким именем — и плакать...

— А зачем тут его жена? — резко, капризно спросила я. Ком встал в горле. Вольдемар мог бы и не понять, о чем я, но он понял.

— Ну раз она есть, куда ж я ее дену? Вы же не хотите крови, насильственной смерти, а?

Я поежилась — и забыла есть мороженое.

— Конечно, не хочу.

— Я так и предполагал. Надеюсь, развод устроит вас больше. Но на развод нужно время — и деньги. Хотите, я сейчас покажу вам вашего Артема? — тут на экранчике запрыгали звездочки, антенны закружились — быстрее, быстрее — и замерли. Общий план — парк, скамейка в глубине, парочка на скамейке. Стремительный наезд. Камера деликатно оставила за кадром лицо женщины, и на меня глянул...

Да ведь я уже видела его — едва вместе с Полиной ступила в эти аллеи. Мне его показали сразу — а я... не узнала... Располнел, постарел. Но все так же элегантен, горд. Мне надо время, чтобы привыкнуть к нему, к новому, чтоб нынешний образ совместился с тем, который хранился в памяти, чтоб в полминуты пробежало двадцать лет — и Артем снова стал для меня тем Артемом.

Я всхлипнула. Экранчик погас.

— Признали, Светлана Иннокентьевна?

— Он, верно. Но мы же договорились, Вольдемар. Я — Светлана.

— Виноват, Светлана. Божественное имя.

Мороженое капнуло мне на платье. Я вытирала пятно — и не успевала вытирать слезы.

— Ну, не надо разводить мокроту. Послушайте моего совета. Вернее, я сообщу вам план, который вы не захотели выслушать от нашей сотрудницы... Идите к пристани, садитесь на паром и дуйте на тот берег...

— И тогда я попаду домой?

— Ну, не сразу, но сегодня попадете, обещаю вам, — он засмеялся заразительно, громко, весело, потом как-то враз смех стих, съежился, обратился в сострадательную улыбку, не высокомерную, но дружескую — так я чувствовала ее, хотя робот, конечно, не мог улыбаться. Я поставила вазочку на подносик — и он с шумом въехал внутрь, исчез за упавшей металлической завесой. Я поднялась, помахала рукой — не роботу, но экрану — Вольдемару.

— Я пошла.

— Вот и умница.

Робот покатился на своих колесиках дальше по тополиной аллее охранять радость и веселье в толпе у фонтанов. А я брела к реке, ничего не видя, не слыша, думая только — зачем меня — на тот берег? Тополиные пушинки ложились мне на плечи и забирались в волосы — я не замечала, не отряхивала их...

— Светлана Иннокентьевна! — окликнули меня. Я обернулась. Та девушка, что только что со своим парнем прошла мне навстречу — я и не взглянула на них — была Надина Омаровна. Теперь она торопилась назад, ко мне, тянула за рукав своего спутника, мрачноватого высокого молодого человека, на котором странно болтался новый черный костюм, пиджак, надетый почему-то прямо на майку...

— Света, едва не разминулись. Познакомься, это Стасик — мой муж.

По счастью, я не подала руки, я помнила тени на аллее — вдруг это тоже тень на аллее? Секунду назад я видела живое, умное, печальное лицо, а тут безносый череп зыркнул глазницами в мою сторону и осклабился с пониманием. И снова отрешенное, но человеческое лицо. Надина, кажется, не заметила этого превращения — она буквально висела на своем Стасике, поглаживая его рукав, донельзя счастливая. Такой счастливой я никогда не видела ее прежде — и не увижу никогда больше.

Я ужаснулась, оцепенела — Надина, видимо, поняла мое состояние, смущенно пробормотала:

— Да, ты не ошиблась. Он покончил с собой. Но он все равно с нами — со мной и Мишенькой... Он любит нас.

И он играла, как галстуком, обрывком веревки, болтавшейся на его голой шее. Потом в ее горящих восторгом глазах проснулась озабоченность:

— Вольдемар тебе велел идти на паром, ты торопись. Жаль, что не будешь на обеде... Ну, беги, беги...

Я ринулась вперед, вниз, к реке. Вот она, тайна Надины... Вот ее Встреча. Что же меня-то ждет на том берегу? Милая беседа с Артемом и его супругой?

А вот и пристань. Как ни странно, но на нашей давно обмелевшей грязной речушке, где и мальчишки-то не купаются, где рыба ловится с таким запахом бензина, что и кошки от нее отворачиваются, — на нашей речке обнаружилась пристань! Во всяком случае мостки. У которых стоял паром. Паромщик, бородатый старик, приободрил меня:

— Заходи, дочка, тебя ждем.

Когда я плавала на таком пароме? Наверное, в детстве, когда гостила у теток в далеком сибирском городке. Не от туда ли, из пятидесятых годов — и этот паромщик?

Противоположный берег — низменный, пустой, унылый. Ни строений, ни лесов. И праздник, и обед остались на той стороне, во Дворце.

— Прибыли. Дочка, вылезай, а мне пора назад.

Я осталась одна на болотистом берегу. Зачем Вольдемар прислал меня сюда?

Однако вскоре подъехала оленья упряжка. От животных пахло потом — настоящие, не нарисованные олени. И без каюра. Остановились около меня — умные какие... Я было подумала — сесть в нарты, что ли... Но тут из-за моей спины — то есть от реки — появились два человека — очень хорошо мне знакомых человека. Я, расположившись на стволе сухого дерева, смотрела этот спектакль. Один из них — инженер с нашего завода — как-то осмелился позвать меня в кино. И потом предложил вариант совместной жизни. В кино я пошла. Замуж — нет.

А другой... О, это история, которую я стараюсь не вспоминать! Лет десять назад, когда сын был в пионерском лагере, я позволила себе дом отдыха. Там мы и встретились. Он был похож на Артема — и я влюбилась — без памяти — на три дня. Потом он писал, но я решила, что не надо отвечать. Он приезжал даже. Что теперь...

И вот именно эти двое и садились в нарты. И я, оказываясь, переправлялась на этот берег для того, чтобы проводить их. Проститься?

Я встала со своего кресла — то есть с сухого дерева — и подошла к нартам. Склонившись, поцеловала инженера в лоб. А того, который походил на Артема, я отчего-то поцеловала прямо в губы. Упряжка уже тронулась, а он смотрел, обернувшись, на меня — как будто хотел отчаянным своим взглядом забрать, увезти меня с собой. Олени рванулись вдруг — ветром ушли, как говорят ненцы.

Уже точкой казались нарты — черной точкой на холмистой зеленой равнине.

Кто-то уверенно положил руку мне на плечо. Властная мужская рука.

— Пора, Света. Они уехали, а мы с тобой только начинаем жить...

Артем! Вот так просто — пора! После почти двух десятилетий разлуки. Или все, что сейчас происходит — не реальность, но лишь ее перспективный план? Может ведь и не случиться всего этого во взаправдашней жизни?

И все же... Мне казалось, что я теряю сознание от счастья, заполнившего вдруг, сразу каждую мою клеточку. Говорить не могла — перехватило горло. Сушь, трудно было сглотнуть слюну. А Артем под руку вел меня к берегу. У пристани — игрушечный кораблик. Под бумажными парусами.

— Ты предлагаешь садиться сюда? Это же невозможно, — я еще пытаюсь цепляться за привычное.

— Взойди на борт, Света...

Поверить, решиться! Я уже занесла ногу, но в этот момент потемнело в глазах, и я стала медленно оседать на руки Артема. Еще успела увидеть сверкающие бусинки солнечных пятен волны большой и чистой реки, качающийся игрушечный кораблик — да нет, не игрушечный — настоящий, большой парусник, — и чернота, мрак, ничего.

Приходить в себя трудно. Меня тошнило.

— Сейчас, сейчас, я помогу вам...

Надо мной — озабоченная Надина. В стороне — расширенные глаза Полины. Надина проводит руками вдоль моего тела, сосредоточенно что-то шепчет. Мне это шаманство смешно, хотя я едва могу улыбаться. Но боль в сердце отпускает, возвращаются силы.

— Ну вот и хорошо, вот и полегчало, — Надина вытирает мне лицо мокрым платком. Помнит ли она нашу встречу на аллеях садов Вольдемара? Надина, которая учит нас быть счастливыми, бедная, несчастная Надина...

— Надина, спасибо, мне уже хорошо. Наверное, я перерелась.

Я поднимаюсь с травы, ноги чуть-чуть дрожат. Сажусь на скамейку.

— Мы проводим тебя, Света.

— Зачем, я сама...

Потихоньку идем по дорожке в сторону шахматного клуба. Но мне-то, чтобы попасть домой, лучше свернуть налево. Останавливаемся у развилки.

— Светлана, в следующее воскресенье вместо занятий в парке — вечернее выездное заседание. Культпоход в театр.

Мне снова стало плохо... Я прислонилась к сосне.

— А если я не пойду? — мне захотелось спрятаться от судьбы, которую я вместе с Надиной и Вольдемаром строила сама для себя.

Надина вытянула перед собой руки — пальцы ее дрожали.

— Ты-то придешь обязательно. А другие — кому как хочется.

Я не на побледневшее лицо Надины смотрела — на ее пальцы. Ей плохо, нашей командирше, наставнице. Нет, не зря она остановила меня в аллее — ей отчего-то было нужно, чтобы я знала.

— Ты угадала, Светлана. Это нужно. Только никому, никогда!

Я почувствовала себя старшей сестрой Надины, погладила ее по упругим, жестким волосам.

— Конечно, никому, никогда! Я приду в театр, ты не расстраивайся...

Она молчала, глядела своими большими глазами, тихонько сдувала с моих волос тополиные пушинки. И я, и она, и Полина прекрасно знали, помнили те высокие серебристые аллеи садов Вольдемара — и нам не казались странными эти легкие тополиные пушинки — в сосновом лесу.

В следующее воскресенье у подъезда театра я подошла к афише. Пока наших не было. И увидела родную фамилию —

роль городничего в сегодняшнем спектакле исполняет актер из Москвы Артем Боков. Мне показалось: люди вокруг услышали, как громко, на всю площадь застучало мое сердце. Надо зайти в театр. Но я не могла сделать ни шагу. Внезапно сердце перестало биться вовсе. Абсолютная пустота во мне — и в мире. Сколько можно прожить с остановившимся сердцем? Руки и ноги начали холодеть. Сейчас упаду прямо на тротуар. Как рыба, вытасченная из родной, привычной среды на берег, я начала судорожно хватать ртом воздух. Сердце медленно застучало снова. Живу.

— Вам нехорошо. Примите пилюлю, — около меня суетится голубая бабочка. Очень внимательна. Помнит неудачу в парке Вольдемара, когда я убежала от нее? Но как мне хочется сделать приятное милой голубой бабочке — наверное, ей нагорело от Вольдемара — и все же — пилюли — нет, простите.

— Не надо, мне уже лучше, — отмахиваюсь я. Кто-то подает мне руку — Авенир Юрьевич, его замкнутое лицо, — я опираюсь почти автоматически и вхожу в фойе. И вот кресло в первом ряду партера. Да, услуги клиентам кооператив "Люкс" оказывает по высшему разряду.

Пьесу Гоголя я знала и любила, но сейчас видела на сцене только Артема.

— А если спросят, отчего не построена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому лет пять была ассигнована сумма, то не забыть сказать, что начала строиться, да сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, забывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась...

Голос бархатистый, вельможный, движения скупые, выразительные. Современнейшая пьеса, почти "Дорогая Елена Сергеевна". К тому же в доме городничего — телефон, телевизор, с улицы слышны гудки. Ко времени, все — ко времени... И актеры хороши. Но всех лучше, конечно, мой Артем.

Я сидела, не шелохнувшись, хотя спектакль уже закончился.

— Он ждет вас, пойдемте, — шепчет Авенир Юрьевич. Юрист, оказывается, все это время сидел рядом со мной, по правую руку. А по левую — Аркадий. Милые, душевные люди. Но за сцену я не пойду! Ни за какие коврижки. Сил не хватит — пойти к Артему.

— Мы проводим вас в примерку...

— Нет!

Говорить "нет!" я всегда умела. Оба посматривают на меня с беспокойством, как на больную. Они не знают, что со мной делать. Видно, им было поручено только отсидеть спектакль и проводить меня за кулисы. Аркадий, Авенир Юрьевич, спасите меня, увезите меня поскорей домой — я не хочу, не хочу видеть Артема. Что вам подсказывает самостоятельность мышления, а?

— Авенир, иди за такси. Отвезем Светлану Иннокентьевну домой...

Меня их переговоры как будто и не касаются. Сажу прямо, так что спина вот-вот превратится в стрелу лука, стоит кому-нибудь спустить тетиву — и меня понесет вверх, вознесет... Но тетиву никто не спускает.

Аркадий берет меня под руку, аккуратно, бережно проводит через толпу. Такси уже ждет. Он садится рядом с шофером, называет мой адрес. У двери квартиры раскладывается. Похоже, в "Люксе" Аркадия и в самом деле кое-чему уже научили.

Я полна благодарности к нему, но вот выразить эту благодарность нет сил.

— Спасибо, Аркадий, — все-таки выговариваю я. Дома, в квартире, где сами стены защищают, берегут душу, я чуть-чуть прихожу в себя. То есть отпускает напряжение — и тотчас надо упасть и уснуть. Что я и делаю... Не забыв, правда, скинуть нарядное платье и надеть брюки — люблю дома ходить в брюках...

Очнулась от того, что кто-то прижимается к моим рукам, гладит их. Артем! Я сплю, похоже. Снова сады Вольдемара? Я счастлива...

— Почему ты не зашла ко мне за сцену? Была на спектакле...

Претензии, все начинается с претензий. Э, нет, я не сплю, и это моя квартира, а вовсе не владения Вольдемара. Я решительно соскакиваю с дивана.

— Одну минутку, Артем, я приведу себя в порядок. Как ты попал сюда? Был на старой квартире, и там тебе дали адрес?

— Нет. Меня привезли твои друзья, сразу после спектакля. Такие у тебя хорошие друзья...

Врать он не умел и не научился — это приятно.

— Почему вдруг приехал? Столько лет ни звонка, ни письма — и вдруг...

— Сам не знаю. Спонтанный порыв какой-то. И главное, все так легко устроилось. Только о тебе подумал — и меня приглашают к вам на роль городничего, на один спектакль. А кто это на фотографии?

Я села на табуретку, как на коня, готовая к бою. А он, видно, настроен вполне миролюбиво — преспокойно улегся на диван. Как дома.

— Твой сын, между прочим. Алеша. Теперь в армии. На Курилах.

— Вот как, у меня есть сын? И он на Курилах? — новость показалась ему любопытной, но не ошеломляющей. Он не вскочил, лишь приподнялся на локте.

— Когда он родился?

Я отчеканила дату.

— Да, да, может быть, — пробормотал он задумчиво. Неужели забыл, что я была беременна, когда мы расстались?

— Может быть. Но я полагал, да нет, был уверен, что ты разумный человек и сделала аборт.

— Поздно было уже для аборта, — ответила я. Этот резон ему понятнее, чем мой истинный: я хотела ребенка от Артема, я бы его оставила в любом случае.

Он снова лег, руки за голову, о сыне больше не спрашивал: видно, считал тему исчерпанной.

— Ты так и не выходила больше замуж? — полуутвердительно спросил он. Я кивнула головой. Видно, подумал: кто бы мог взять такую? Удовлетворен.

— Слушай, я сильно голоден. У тебя найдется что-нибудь поесть? Хотя ты всегда была плохой кухаркой.

— С тех пор кое-что изменилось. Но я не готовилась к приему, так что придется довольствоваться бутербродами и чаем.

Однако принесла-то я цыпленка табака. С удивлением обнаружила его в духовке. Надины не было на спектакле — а цыпленок в жаровне стоял горячий, с пылу — с жару...

— Хитришь... Говоришь, не готовилась... Я и бутылку вина вижу. Выпьем за встречу. После спектакля хорошо — стресс сбрасывается.

Этот чужой мне человек лежал на моем диване, пил и ел в моем доме. Он так и не встал к столу — я поставила ему тарелку и рюмку на деревянную, крашенную коричневым табуретку, которую притащила с кухни и придвинула к дивану. Сердце больше не замирало, и руки не холодели.

А он жевал с аппетитом и говорил заодно:

— Но ты знаешь, что я прежде в другом театре работал? Поругался там с главным. За правду бился, как дурак. И подвели под сокращение штатов. Вот справедливость! Хорошо, удалось устроиться в академический...

Этот эпизод вдруг напомнил мне первое занятие в "Люксе"... Что-то слишком знакомое... Однако, что может меня удивить после садов Вольдемара? И все же...

— Когда это было?

— Год назад...

Совпадения, совпадения... Ладно, а будут ли сегодня олени и парусники? Увы, пока ни того, ни другого...

— Роли приличные дают редко. Кругом нужны связи... Директор наш, чурбан набитый, орден получил. За то, что дочка замужем за большим человеком...

— А вы не молчите. Хватит, намолчались уже ...

— Чтоб снова — по сокращению? Это тебе хорошо говорить — ты ничем не рискуешь. Заметила, Света, кто сейчас больше всего воюет, кто всех смелее, прорабы духа? Против привилегий — и за чистоту, экологию... Почтальоны или академики — Лихачев, Сахаров... Им не страшно. Одни ничего не имеют — им и терять нечего. А другие имеют так много, что авторитет их уже не зависит от должности, они могут — правду в глаза... Их весь мир слушает... А что мы?! Маленькие люди — но ведь есть, что терять...

— Ну, не такой уж ты и маленький, звание имеешь... И боишься?

Артем молчал. Косточку с хрустом обсасывал...

— Случаются в жизни и радости. Хорошо у тебя, Алена...

— Кто такая Алена? Жена?

Он смутился — или разыграл смущение.

— Нет, я разошелся с женой. Как раз накануне приезда сюда. Алена — актриса из нашей труппы.

Мог бы и не разобъяснять про актрису, и так ясно, кто такая Алена. Это я поняла. Но в то же время поняла — стоит мне подойти к нему, присесть рядом... Но я не шевелилась.

Чай тем временем был выпит, косточки обсосаны.

— Посиди со мной, Света, я так давно тебя не видел, — примиряюще сказал он.

— Сижу, — равнодушно ответила я. Он хмыкнул.

— Ну ладно, отдохнул, пора и честь знать. У меня сегодня ночью поезд, а надо еще захватить в гостиницу за вещами...

— Раз надо — иди, — спокойно, как же спокойно я это говорю.

Пауза... Долгая пауза. Он глядит на меня, в глаза — но я отвожу взгляд... Спрашиваю, скрывая неловкость:

— Тебя проводить?

Вот теперь он разозлился. Вскочил. Резко, с хохотом.

— Ты хотела сказать — выпроводить? Не трудись. Я и сам уйду.

Ушел, не попрощавшись. Дверь жалобно застонала — так он хлопнул.

Только тогда я расплакалась.

— Что же ты так, Светлана? — Надина Омаровна сидела на том самом диване, где только что он лежал. И тарелка с косточками еще придвинута вплотную. — А я думала, переберешься в Москву, я к тебе в гости приезжать буду. А то и остановиться не у кого. Мы так все хорошо устроили. А если бы он от отчаяния повесился тут, у тебя в ванной?

— Он? Он бы — никогда! Это не твой Стасик. Спасибо за цыпленка табака. И за вино. Ты поиздержалась на меня, возьми деньги.

— Кооператив "Люкс" просто выполняет договорную работу. Ты же заплатила свой взнос. Не беспокойся ни о чем. Жаль, конечно, что такой финал.

— У тебя будут неприятности?

— Не знаю. Однажды он уже лишил меня воскресного свидания...

— Разговорчики в строю, — раздался уже знакомый мне медлительный и властный голос. И затем смех — стук шариков в спортлото. — Надина Омаровна, вы забываете о профессиональной этике. Я хотел бы знать, довольна ли клиентка работой "Люкса"?

— Очень, — ответила я решительно и без колебаний.

— Это по мне. А не хотите ли поработать у нас, Светлана? И оклад бы я положил — двести рублей?

Надина так и охнула, глядя на меня, кивая головой — соглашаясь, мол. Конечно — всеобщая работа на общественных началах — и вдруг... И все же...

— Пожалуй, я не подойду вам, я же скептик...

— Ну, ну, — усмехнулся голос. — Ладно, девочки, вам хочется еще поболтать на прощание. Не стану вам мешать...

И далекий, затихающий смех...

— Отключился, — предположила я.

— Нет, наблюдает, он всегда наблюдает. Но не обращая внимания. По мне хоть Вольдемар, хоть полный зал. А что, ты и вправду довольна финалом?

— Конечно. Повидала Артема. Убедилась: чужой человек.

— Я тебе даже завидую. Теперь ты свободна для новой любви.

— Нет уж, вариант Полины мне не подходит. Мы похожи с тобой, Надина.

— Может быть. Только для меня безнадежность — на всю жизнь. Однако мне пора. Сегодня у нас ночная пробежка, купание в пруду. Я тебя не зову, ты устала. Или хочешь пойти?

— Пожалуй, и в самом деле устала...

— А в следующее воскресенье у нас будет суд. Авенир Юрьевич играет одно из своих дел. Те, которые мучают его. Все мы — или обвиняемые, или адвокаты, или свидетели...

— Слушай, а это суд будет как-то связан с реальной жизнью?

— Возможно, если мы сумеем доказательно решить дело. Это как система зеркал — одно отражает и усиливает другое. Ну, пора, Света.

Я проводила Надину до двери... Что же, кооператив "Люкс" — вовсе не такая уж богадельня.

В следующее воскресенье я снова поспешила к трем озерам. Искала своих знакомцев. Увы, их не было.

Какая-то группа пожилых людей играла в мяч. Женщина лет шестидесяти, присев, у самой воды отбила удар. Другая, тоненькая, молоденькая, что-то весело скомандовала — и вот уже вся группа потихоньку побежала вокруг озера. Но это была не моя, совсем другая группа. Хоть человек в очках и походил на Авенира Юрьевича, а другой — солидный, с брюшком, казался старшим братом Аркадия...

Когда они вернулись, я подошла к руководительнице:

— Простите, вы тут представляете кооператив "Люкс"? А где Надина Омаровна?

Женщина прыснула в кулак:

— Ну и имечко... У нас таких нет. Мы — клуб "Светоч".

Я села на то же место. Еще ждала, оглядывалась вокруг. Несколько бабочек закружились надо мной. Я вскочила на скамейку, замахала руками. А они — улетели...

Загорающие смотрели на меня, наверное, как на сбежавшую из дурдома. Но мне было все равно. Грустно было.

Совсем рядом малыши барахтались в воде. Дама читала книжку. Молодая пара украдкой целовалась. Жизнь текла, а меня снова вышвырнуло на отмель...

Новая идея — надо бежать к шахматному клубу! Побежала. Но павильон был закрыт — и никакого столика не было у входа. И голубой бабочки — тоже. Все правильно: за свои тридцать рублей я получила от "Люкса" все, что было можно. А сотрудничать с ними дальше отказалась сама. Чего же еще?

Дома я перевернула все вверх дном — искала газету, где когда-то прочитала о "Люксе". Я нашла эту газету — только вот о "Люксе" там объявления не было.

И все пошло в моей жизни как будто по-прежнему — от письма сына и до письма. Нет, кое-что иначе. Я научилась, оказывается, улыбаться. И вдруг стала всем нужна. Ко мне идут люди — квартира ожила. Обидели соседку-бабушку — надо одернуть, поставить на место ее зятя; вывезти мусорные ящики с детской площадки; восстановить на работе уволенного за критику — все это почему-то теперь волновало меня. Я писала и подписывала какие-то письма, даже речи произносила перед микрофоном — за гласность и демократизацию. И посещала стихийные митинги.

Но самая большая неожиданность — это открытки и письма из Москвы. И переводы. Видно, опомнился, что не помогал мне воспитывать сына. Зовет даже съездить вместе к Алеше. Мне эта мысль очень понравилась...

Лишь во сне я иногда вижу Надину, неизменно печальную. И слышу смех главного Люксера-Вольдемара — стук шариков в спортлото.

ВЕТЕР НАД ГОРОДОМ

2 сентября 197... года. Газеты в этот день сообщали о награждении летчиков-космонавтов, о сборе зерна на Алтае, предстоящем визите в Африку госсекретаря США и о многом другом, волновавшем умы живых. Всего этого для меня уже не существовало. В комнате стояли, шепотом переговариваясь, люди — родные, соседи и совсем незнакомые. Некоторые плакали.

— Мальчишка сиротой остался... Старикам-то каково — дочь хоронить... Двадцать восемь — какие годы...

Жалостливые слова — обо мне? Будто о ком другом... Что значат слезы теперь, когда все позади?

Печальный и торжественный реквием Моцарта сменялся сонатой си бемоль минор Шопена. Это мама ставит новую пластинку. Третья часть сонаты — траурный марш. Неясные, лоскутные картины прожитой жизни, качавшиеся вокруг меня, вдруг обретают имя — Юрий Литвак.

...Я сидела в мягком кресле, неярко светила лампа двурогого торшера. Юрий лежал на тахте, закинув руки за голову. На нем была рубашка с цветочками, тогда только-только входившая в моду, джинсы. Густой запах мужских духов. Даже в полумраке комнаты видно — Юрий чисто побрит и, похоже, совсем недавно пострижен. Может, и в самом деле только что из парикмахерской. Не в пример мне, Юрий тщательно следит за своей внешностью.

Длинных волос, как носят теперь, он не признает. Как-то в шутку я посоветовала ему отпустить усы. Они бы очень пошли к его лицу, в котором есть что-то восточное. Он прищурил свои карие глаза, так что они превратились в узкие щелочки, из которых так и брызгал смех:

— Ты сошла с ума! В кабинеты к директорам, академикам — с усами! Нет, меня не поймут. Не предложишь ли отпустить еще и бороду?

Но это — чуть раньше. А в тот момент, когда звучала соната, мы не разговаривали, мы слушали. Взгляд мой рассеянно скользил по полированной поверхности стенки (ящики, ручки, книги, пустой глаз телевизора), по лакированной крышке стола, где нас одиноко ждали две рюмки... Немного досадно, что интерьер ЕГО квартиры так безлик и рационален. Но таков стиль, таков век... Отмахиваюсь от нелепых мыслей (бог весть, куда они могут завести), возвращаюсь в музыку, беру Юрия за руку и смотрю в далекое пространство темного окна. Аккорды. Тяжелые, ломаные шаги, будто ноги не держат, подгибаются, но снова вперед, за катафалком... Издалека сладкие, нежные звуки — воспоминания. Парк, сырой запах мертвых листьев. Желтые, с красными пятнами, пожухлые зеленые, они еще думают, что живы, еще летят, их несет ветер. Парк — такое безнадежное позавчера. Тот человек рядом — отец Павлика. Давно потепляно и забыто.

Из пропасти равнодушия после разрыва с тем человеком поднял меня Литвак. Юрий Литвак — да еще работа. Но болезнь уже поселилась во мне...

— Знаешь, они хотели отказаться от новой технологии, — Юрий только что из командировки, для него соната — не похороны, а борьба, он услышал то, что ему надо было услышать. — Я сразу к директору. "Понимаете, — ору, — что новый металл надежнее и дешевле?!" Прочность возрастает, значит, экономия в миллионы рублей! Почему не хотите мыслить по-государственному?!" А у него, видите ли, план! Ему вагоны с ванадиевым шлаком не поступили! Я из Волгограда — в Нижний Тагил. "Где обещанные вагоны?!" Театр был. Главный кипятится, у него вагонов и на основную продукцию не хватает. Не обязан он этот шлак отправлять, с него голову за шлак снимать не будут, а вот за план!.. Пришлось комсомольской делегацией заявиться прямо на производственное совещание. Штаб в действии. Нашел вагоны, как миленький!

— Но штаб-то в институте! Кого ж ты привел с собой на совещание в Нижнем Тагиле?

— Пара пустяков. Горкомовцы помогли. Организовали там пост, подключили заводских прожектористов...

Я восхищаюсь энергией и настойчивостью Юрия. Радуюсь, потому что в новой технологии разрабатывала целый раздел. Победа Литвака — и моя победа тоже. Жаль, что не удалось завершить работу.

...Еще звучат тяжелые аккорды, мама задумчиво стоит с письмом в руках. Я не успела прочитать его — оно пришло слишком поздно. Только шепот вокруг и чужое бормотанье. Где ж Павлик? Наверное, отправили к соседям или отпустили на улицу. Цыпленок, киска моя... Мама не знает, что ж делать с письмом. Потом, не вскрывая, кладет его со вздохом к стенке гроба. Я не посвящала маму в свои сердечные дела, но она что-то чувствовала, догадывалась — и вот последняя весточка от Литвака должна со мной опуститься в землю.

"Наденька, милая, — писал он, — надеюсь, что все самое страшное — операция — позади, и ты скоро приедешь к нам. Твои исследования нам очень помогают, мы пытаемся идти дальше. Пробуем хром, марганец, кремний, — работа, сама знаешь, зверская. И ты простишь, что долго не отвечал на твои письма. К тому же меня назначили завлабораторией — хлопот прибавилось. Дисер успешно прошла все рогатки, назначен уже срок. Теперь недолго до защиты, кутнем и потанцуем на банкете! Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить... Такие пироги... Так что приехать — никакой возможности. Поправляйся, ждем. От Наташки и всех наших — привет. Выше нос. Пиши. Целую. Твой Литвак".

Само письмо — радость. Он помнит! Правда, пишет все о себе — что ж, такой у него важный период жизни. Постороннему глазу покажется, что в письме — ни нотки сочувствия. Но я знаю Литвака, знаю, что этот лощеный лист бумаги с его аккуратнейшим бисером букв — выражение

сострадания. Резкая и жестокая мысль — а если самооправдания? Ведь он женится, у него на 3 сентября назначена свадьба. Я слышала о его намерениях — но давно и от других. Теперь-то знаю точно. Теперь мне дано знать все. Он "забыл" написать мне об этой мелочи, оберегает от волнений. Что я перед его невестой? Она — дочка видного металлурга, ученого, с таким тестем Юрий далеко пойдёт. Если бы я могла плакать! И все-таки письмо — какое-то утешение.

...Понятное дело, когда в институт пришла телеграмма о моей смерти — мама ее отправила, ведь я числилась в штате НИИ — Литвак об этом ничего не узнал. Он примерял черный костюм к свадьбе, костюм, вполне уместный на похоронах. Узнала Наташка, и в тот же день, взяв деньги из комсомольской кассы, помчалась в аэропорт.

Наташка — единственный человек, который знал все или почти все о наших отношениях, о моей любви. Мы вместе учились, потом вместе работали, и не было у нас тайн друг от друга. Только и счастья ни у нее, ни у меня не было... Впрочем, это ведь что считать счастьем. У меня — сын, любимая работа, да вот и Литвак. У Наташки не было и этого, а работу она не находила столь уж большим подарком судьбы. Зато ей отмерена длинная жизнь — и она найдет себе доброго мужа, родит детей и будет счастлива. А пока она кладет к моим ногам уральские цветы.

— Зачем прилетела, Наташа, да еще на общественные деньги? Не стоило, — сказала бы я ей.

— Стоило. А деньги я верну, не беспокойся.

— Опять тебе неприятности. Молнию выпускают, да еще выговор получишь...

— Единственный выход был, что ж делать...

— А если уволят?..

— Наплевать, в другом институте буду химией заниматься. Не могла же я поступить иначе. Литвак тебя предал. Ты хочешь, чтобы и я тоже?

— Он не предал, — взорвалась я, — он просто живет. И будет помнить меня на земле вечно...

— Брось, Наденька! — машет рукой моя подружка. Потом, опомнившись, шепчет: — Ну, конечно, конечно же, он будет помнить тебя вечно...

Я рада, что Наташа — здесь. Я бы обняла ее, если б могла. Лицо моей однокурсницы осунулось и посерело. Ничего, Наташа, не переживай. Стрессовые ситуации очень вредно действуют на здоровье, а тебе еще жить да жить...

Мне беспокойно, что-то зовет меня, мне куда-то еще надо успеть. Я подчиняюсь зову — и скорбным знойным ветром уношусь далеко-далеко, в тот уральский город, который несколько лет я звала своим.

Свадебный кортеж — легковые машины с золотыми кольцами — движется по главной улице. В передней Юрий и она, незнакомая мне девочка, смущенная и нарядная, как кукла на капоте "Волги". Во второй машине — двое из нашего института:

— Говорят, у Литвака было что-то с этой, Морозовой...

— Да ну, она болеет последнее время, — эти двое еще не знают о моей смерти.

— Точно тебе говорю. Она к нему домой ходила. Ее там, знаешь, кто видел? Утром у дома.

Шепчутся... Значит, все-таки видели, и поползли слухи. А он просил быть осторожнее. И я старалась, видит бог. Ему будет неприятно, если до молодой жены донесутся отзвуки этих разговоров. Вторая девушка всплескивает руками:

— Надо рассказать нашим — то-то забавно! Ну да что там, такой видный парень, не монахом же ему ходить! Невестато прехорошенькая, да с таким папочкой... Губа не дура.

— Перестань! Он такой вежливый, умный, мне он и самой нравится.

— А кому ж он не нравится?

Хихикают... Что эти девчонки могут знать обо мне, о нашей любви?! Я одна могу быть судьей — и я ни в чем его

не упрекаю. Машина останавливается. Молодые кладут цветы у Вечного огня. И опять едет свадьба — на этот раз к центральной площади. Останавливается у памятника. Медленно и торжественно Юрий и она поднимаются по ступеням. Вокруг суетится фотограф. А я все дышу той сонатой, которую мы слушали дома у Литвака. Ясные, чистые, даже наивные звуки весенней мелодии — а там, вдали, топот копей, мерный шаг. Гибель, поражение. Ясное, трепещущее — только воспоминание. Да была ли она, наша любовь? Басы фортепиано — точно оркестр духовых — это конец, мои похороны. Соната плывет вокруг меня — и Литвак слышит ее! Я вижу, хоть он и невозмутим, я знаю, в эту минуту он слушает мою музыку, он думает обо мне!

Невеста вдруг запуталась в подоле длинного подвенечного платья и чуть не упала. Враз смолкла музыка — жених рванулся и поддержал девушку. Я расхохоталась. Дрожала и сотрясалась от хохота. Ревность жгла меня. А невеста прикусила губу, чтобы не разрыдаться. Бедная, неужели она уловила, что в этот святой миг Юрий — не с ней, и не свадебный марш Мендельсона слышит он, а совсем другую музыку...

Юрий смешон, удивительно смешон. Я не видела его таким надутым и чопорным. И не отказала бы себе в удовольствии проводить их, побыть на свадьбе и потом, у постели, когда он будет говорить ей лживые слова и осыпать поцелуями, которые принадлежат мне. Потому что Юрий меня любит — я в этом сейчас убедилась. Иначе не услышал бы моей музыки.

Я тоже люблю его, люблю так бесконечно, что не позову с собой. Я оставлю его жизни — и этой дочке профессора. Девушка ведь ни в чем не виновата. Она глядит на Юрия с таким обожанием, что мне жаль маленькую невесту. Меня не должны терзать больше ревность и другие земные чувства.

Я оставила их. Никто этого не заметил, только невесте, кажется, стало легче дышать. Издалека я обернулась еще и

увидела, что она не так бледна, как прежде, и улыбается. Боже, что Юрий будет делать со столь чувствительной душой? Мне кажется, он глядит мне вслед, если можно глядеть вслед ветру над городом, уносящемуся с мелодией сонаты...

...В институте сочиняли официальную телеграмму с выражением сочувствия, позвонили директору.

— Да, да, помню. В лаборатории Литвака, да еще и в группе Литвака? Ну пусть он и пишет текст. Что? Свадьба? Со всем запамятовал. Вы — председатель месткома, вы и пишете или поручите кому-нибудь.

Он повернулся к своему заму тут же, в кабинете:

— Вы на свадьбе-то будете сегодня?

— А как же, приглашали ...

— И я собираюсь. Друг единственную дочку выдает, да за такого парня! Талантище! А хватка! Да... Звонили тут... Девушка из отдела умерла, так не вовремя. Помните, Морозова. Интересные у нее разработки были. Очень способная... Не помните? Как же? Все квартиру просила. Ее отец в Москву писал, что больному человеку жилье нужно.

— Так ведь и дали же, — внезапно спохватился, соскочил, засуетился зам, — что ж будет с этой квартирой?

Теперь уже он берет телефонную трубку. Звонит в местком, просит разузнать, как и что. Через полчаса ему сообщают, что в квартире прописана моя сестра и мой сын. Надо было видеть, как возмутилось наше руководство:

— Люди годами без квартир. А она! Да отец ее просто спекулировал на болезни, чтоб получить жилье для другой дочери! Финт какой!

Действительно, уезжая, я прописала Машу, а сама думала: вернусь после операции, как-нибудь все устроится...

— Потеряна квартира, надо же...

Вдруг подумала, что не случайно родители отправили Машу жить ко мне, они догадывались о близком конце. Я умоляла отца куда-то не писать, не требовать квартиру, но

он сердился или смеялся, — в зависимости от настроения — и говорил, что я плохо знаю жизнь. И, едва я получила квартиру, приехала Маша...

... Кто-то заплакал у самой моей головы. Родной голос, Павлик. Мама торопливо отвела мальчика в сторону:

— Ты опаздываешь в школу.

Сегодня, в самом начале учебного года, мой первоклассник не написал положенных ему крючочков и палочек. Мне бы сесть рядом, показать, как держать ручку, чтоб она опиралась на средний палец и смотрела в плечо — но это уже не для меня. Как я могла по полгода не видеть сына? Не понимать, что мой мальчик — самое главное для меня на свете. Он уходит в школу. Слезы высохли, он забыл, что дома лежит страшная, непохожая на себя мама. Он уже скачет и слушает, как стучат в ранце карандаши в пенале. Скоро он забудет меня.

— И что не отправили ребенка к родне, зачем ему все это видеть!

Мама смотрит на меня сухим взглядом. Ох, давно они приготовились к этому концу, хоть и скрывали от меня. Потому и Павлика у себя держали — их дитё, им воспитывать... Мама опустила на табуретку у изголовья, положила руку мне на лоб. Хоть и готова она была, но тяжело ей, так тяжело — и мне жаль маму...

... А в институте все еще сочиняли телеграмму. Председатель месткома вызвал к себе очкастого юношу — штатного стихоплета.

— Нет-нет, я больше по дням рождений. Да и не знал я ее вовсе... — тянет молодое дарование, во всем остальном нормальный инженер из соседнего отдела. Председатель уныло машет рукой — и пиит исчезает мгновенно и с такой восторженной улыбкой... Отвертелся! Председатель месткома вслед за ним сам выходит из кабинета. Гнев начальства по поводу потерянной квартиры сильно согнул его плечи. У окна Светлана, девушка из нашей группы, ужасная активи-

стка. Ведет, вероятно, страшно скучный разговор — исключительно по делу — с незнакомым мне парнем. Недовольна, что подходит к ним председатель месткома.

— Извините, Света. Вы знали Надю Морозову? Я начал телеграмму ее родным так: "Примите наши соболезнования..." Что дальше?

Света досадливо поводит плечиком, отходит от парня. Склоняется над листом бумаги. Быстро пишет: "Ваша дочь была хорошим и честным человеком, талантливым исследователем. Верным товарищем. Она навсегда останется в нашей памяти. Разделяем ваше горе". Ну, и все нужные подписи. Нормально?

— Вот спасибо, хорошо.

Профсоюзный лидер отходит. Света поворачивается к юноше.

— Еще и членом месткома избрали, надо оправдывать.

Достаёт сигарету. Юноша предусмотрительно чиркает спичкой. Потом спрашивает:

— Кто это — Морозова? Молодая?

— Работала у нас. Рак. Квартиру ей выхлопотали, а она туда сестру поселила. Люди в общежитии и по частным живут, а она, ишь ты как... О мертвых плохо не говорят, но помню, мы рейды делали, так в ее комнате сроду — парни, пьянка... Сын у бабушки за тридевять земель, а она тут весело жила... На работе тоже — что особенного? Литвак на этой золотой жиле диссертацию сделал, у меня — на подходе. А ее, видишь ли, успех не интересовал. Даже кандидатские не хотела сдавать. Все есть: статьи в научных журналах, внедрение, экономия — только защищайся, а ей плевать было... Будто мы все за звания, за материальные блага, а она — за чистый технический прогресс... Точно по небесам ходила...

— Может быть, она чувствовала смерть? Торопилась?

— Ерунда. Просто такая уж непутевая была...

— А в телеграмме ты как-то хорошо сказала...

— Ты что — того? — удивилась Света. — Так же полагается. Но вернемся к нашим баранам. Как начнем диспут? Ты сам-то это кино смотрел?

Ей казалось, что парень хотел пригласить ее в кино, но теперь он стоит столбом, будто не понимая, что он должен... Потом торопливо:

— Нет, но посмотрю обязательно. О диспуте — в другой раз договорим. У меня тут теплотехники пришли, ждут. Извини.

Ушел. Света задумчиво стоит, докуривает сигарету... Не хорошо получается. Когда это она рейды по общежитию делала? Да не рейды, а один рейд — под Новый год. Тогда я еще не знала, что это последний мой праздник — и меня бросало от надежды к отчаянию.

В тот вечер я украшала маленькую елку. С детства люблю этот запах — хвои, свежести и начала начал... А тут еще влюбилась, как дурочка, впервые после того неудачного романа с отцом Павлика. Все в лаборатории знали, что я "втюрилась" — скрыть это было невозможно. Но Юрий держался сухо, деревянно, чуть высокомерно. Дела его шли блестяще, даже в Министерство вызывали как автора исследований, очень перспективных для всей тяжелой промышленности. На Новый год хотели собраться всей группой — не получилось. А Литвак, на тебе, пришел. Наташки не было, когда он появился в дверях, заиндевелый — Дед Мороз. Забасил, отряхиваясь, как медведь. И холодом потянуло от его пальто и меховой пушистой шапки. Я села, а подняться не могла. Колени ослабли. Только и сказала:

— Ты пришел. Вот новогоднее чудо. Это случилось — ты пришел!

Прежде я его звала только на "Вы", но он будто и не заметил нарушения субординации. Странно как-то. Наверное, я бы вела себя иначе, скованная рамками приличий, если бы надо мной не висела мысль о смерти. Почему я должна лгать, притворяться, что равнодушна, когда теряю голову?!

Умирать, так с музыкой. Хоть этот кусок жизни, что остался мне, прожить на полную катушку. Что там полную! Хоть капельку счастья!

Я раскинула руки, чтоб обнять Юрия. Наверное, он был ошарашен. Он не ожидал такого взрыва чувств, не успел все осмыслить и испугаться. Мне показалось, что в этот момент Литвак был самым собой, а не тем, кем хотел казаться...

— С Новым годом, Надежда Кирилловна! Наденька!

Так свободно, легко и радостно оказалось обнять Юрия. Литвак — мой, он в этот миг был таким, каким я его хотела видеть, искренним, беспомощным, ужасно милым. Мы закрыли двери на ключ: Наташа должна была прийти к одиннадцати. Еще два часа — два часа счастья. Стук в дверь:

— Рейд, проверка!

Юмор. Мы сидели тихо, как мыши. Светин голос:

— Я видела, Надя была дома. Гляньте, если есть свет в окне...

В самом деле, полчаса назад мы вместе готовили салаты на кухне. Кто-то бежит к лестничной площадке, откуда видны наши окна.

— Нет света!

— Ладно, потом зайдем еще раз! Поздравим.

"КП" поздравляет с Новым годом — остроумно. Полезное с приятным. Мы с Юрием покатались от хохота и целоваться забыли. Я вскочила, отомкнула дверь, включила свет:

— Пусть приходят, кто хочет. Мы встречаем Новый год!

Вскоре объявилась и Наташка со своим очередным поклонником, другие знакомые. Комиссия-таки еще пришла, тут уж точно было, как Света потом сказала: парни, пьянка и дым коромыслом. Литвак потемнел. Не привык, чтоб его поучали. Поднялся и наговорил Свете резкостей. После того Юрия вызывали "на ковер". Стружку сняли. Инцидент как будто был снят, забыт... Ан нет...

В нашу следующую встречу, не в общежитии, а в его маленькой однокомнатной квартире, Юрий сказал:

— Наденька, ты представляешь, слухи пошли... Давай встречаться здесь.

Тот Литвак, которого я узнала в прошлый раз, бледнел, тускнел, придавленный блеском, энергией и перспективами другого, растущего дарования. Обидно. Невмоготу. Хотелось вернуть своего Деда Мороза. Только Новый год прошел. И чтобы не потерять Литвака совсем, я согласилась на все. На работе — "Вы" и по имени-отчеству; в общежитии — здороваемся, ни бже мой поговорить; зато в его квартире — что душе угодно... Я стала ломать эту комедию — до отъезда на операцию. Юрий так трогательно стоял на коленях, прижавшись ко мне головой, целовал руки и шептал, какой у меня удивительный подбородок с ямочкой... Я опять видела в нем Деда Мороза — ранимого и нежного человека, и боялась обидеть... О Юрии — Наташке — я могла говорить часами... так что та иногда не выдерживала:

— Ты счастливая... А мой Петр (или Вася, или Слава) не звонит больше... — Она легко увлекалась, и каждый раз вспыхивала, как соломка, а потом плакалась в дружескую жилетку. Я ее утешала:

— Не переживай попусту. Не нужен совсем тебе этот пиджон. Тебя ценят на работе — это много, этим надо дорожить. А придет настоящее — не пропустишь. Мелочи все это. Я ж поняла, когда увидела Литвака...

Все мои круги начинались и кончались Литваком. Боль и радость моя. Правда, иногда подступала другая боль, резкая, до крика... Я попробовала как-то сказать об этой своей боли Литваку — он не услышал. В главной его жизни я не существовала. В той сфере, видно, давно уже была запланирована дочка профессора.

— Говорят, ты ухаживаешь за дочкой профессора? Ты скажи, я постараюсь не мешать тебе... Я понимаю...

— Не слушай, что кумушки болтают. Мало ли с кем приходится разговаривать. Лучше иди сюда...

Он лгал. Я не могла поднять на него глаза. Глядела на его блестящие туфли. Однажды, смеясь, он сказал, что настоящий джентльмен лучше не пообедает, но ботинки почистит. В ежедневной суете он и вправду забывал иногда поесть, чем огорчал меня до слез, но штилеты его всегда сверкали.

— Иди сюда, — настойчиво повторил он, и я забыла про дочку профессора и про туфли. Разве могли лгать его голос, его глаза, его руки?..

Но каждый день приносил новые известия — в институте все быстро становится темой для разговоров в коридорах. И я знала, что вчера они ходили в кино, днем раньше — в театр, а сегодня во время обеденного перерыва сидели на плотинке на показ всему городу. А меня и до дому с работы никогда не провожал, и в новой моей квартире не появлялся... Нет, я не могла его упрекать. Он ведь ничего и не обещал. Да и на что мне претендовать! Я больна, у меня ребенок. Мне казалось — все отсюда. Он знает о болезни. Тут я была не права. Он не знал. Наверное, если бы я ему все-все сказала, в борьбе двух личностей в нем победил бы, хоть на время, мой Дед Мороз. Не думаю, что это так бы уж повредило его карьере. Он талантлив, а это само по себе немало. Но я не заикалась больше о своей болезни и о дочке профессора. И он помалкивал.

Работа — вот что отвлекало меня от мыслей об измене Юрия, приносило облегчение. Я хотела помочь Литваку — чем могу. Чтоб его металл стал зваться его именем. Сделать, сколько успею — для него и всех, кто останется после меня на земле. Если бы он бросил меня совсем — я б умерла еще раньше. Но он пока был со мной... И я торопилась работать, ой, как я торопилась. Тут уж не до собственной диссертации. Эту роскошь я не могла себе позволить...

Наше последнее свидание с Литваком, когда наутро я уезжала... Все, что не вошло в статьи и отчеты, самые последние данные — я выложила Литваку. Не свидание, а опе-

ративка. А потом, ночью, он был так нежен, добр, будто чувствовал, куда отправляет меня — и прощался... Любимый мой!

Домой, домой, к себе, к сыну! К родителям, сестричке, ко всем, кто молчит вокруг моего тела в мертвой комнате. Домой — я слишком долго ношусь по земле. Облака задевают меня — взрываются микроскопическими молниями. Ветер летит над городом. Прощайте, друзья! Поля, леса, слезами озера — прощайте! Внизу — черными квадратиками город, где я сидела два месяца, вела авторский надзор. Пролететь мимо — не в силах. Вижу выпуск металла — горячие брызги, пламень вливается в мелодию сонаты Шопена. Звучит светлое начало, призыв, неистовый, как вера. Завтра — это день моего сына, его жизнь...

Внизу опять — трава лесов, шелк озер — и лирическая мелодия, мягкая, точно эти части сонаты играет совсем другой пианист. Но в басах — слушайте — рокот гор, вечность борьбы — и снова беспредельность неба, спокойствие мудрости... Среди других телеграмм на столике — телеграмма от Литвака. Он прислал ее, хоть и с опозданием. Его никто не обязывал. От института соболезнование уже выразили. "Потрясен смертью Нади. Поверить нет сил. Всегда буду помнить ее и любить. Заведующий лабораторией Юрий Литвак". Так впервые мой заведующий сказал мне слова любви. Милый заведующий. Конечно же, я знала, что он будет вечно помнить меня и любить. Даже если будет счастлив с дочкой профессора — меня он не забудет.

...Мама уводит от могилы растерянного, не понимающего чего-то Павлика. Сын, стой еще мгновенье! Поздно. Еще вытирает в стороне слезы Наташка. Но вот и она уходит, и ее шаги пропадают в вязкой тишине. Медленно падают первые капли нудно моросящего дождя. Лишь потянул чуть-чуть — в дальнем, последнем дуновении — туда, на северо-восток, к уральскому городу — ветер, что нес аккорды шопеновского марша.

БЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ

Последнее, что смутно помнилось Крутикову из его "той" жизни, в мире, где было Солнце: он шел по осеннему парку под руку с женщиной. Падали, парили в воздухе листья, дрожали паутинки, пели птицы. У его спутницы из-под серой шляпы виднелись первые седые волосы, но глаза ее сияли, светились молодо и тепло.

Что он сказал или сделал, что она вдруг заплакала? Он пытался удержать в памяти эту последнюю ниточку, которая связывала его сейчас с прежней жизнью. Но ниточка была очень слабой, точно отголосок сна, еще немного, и последние воспоминания растают в воздухе.

Мощным усилием воли он впечатал в свой мозг образ женщины; кто она, как ее имя, что их связывало в той жизни — этого он уже не помнил. Наверное, он чем-то очень обидел ее — и это было последней каплей, тяжело осевшей на его теле, вдруг проломившем тонкую скорлупу того времени — пространства. Ухнул вниз. Долгое падение, темнота и провалы памяти. Не помнил он и того, кем был он сам и что натворил в "той" жизни.

Боже мой, каким же стало его тело? Да что это? Он весь — в жуткой, толстой белой коросте, облепившей его — или он весь теперь такой? Точно кусок застывшего бетона, известки?.. Он попытался отковырять ее с пальцев, бесполезно! Осторожно, боясь увидеть, какой стала его рука, приподнял рукав свитера, потом рубашку, штанину брюк. Почувствовал, как в гортани рождается крик — вой — ужасный животный вой! Но голоса не было...

В отчаянии оглянулся вокруг, где он? Кажется, это был военный плац. Он стоял в середине, вдали виднелись дома с выбитыми стеклами окон — или там никогда и не было стекол? Одни пустые глазницы казарм... А на него глядели выстроенные на утреннюю перекличку отряды.

— Новенький, номер 22015, встаньте в строй!

Очень знакомый голос... Кажется, этот скрипящий голос из "той" жизни. Он не мог припомнить обстоятельств, но знал, что служил, видимо, под началом этого человека — или боготворил его?! Это был высокий, худой служака, по выправке — кадровый офицер. На какой-то миг их глаза встретились, и он увидел в глазах адмирала (так Крутиков, а вернее, номер 22015, назвал про себя нового начальника) такой же ужас и страх.

— Задача дня — строительство дворца, перекрытие его плитами. Новенький, вы сегодня знакомитесь с лагерем и носите передачи. Постарайтесь сократить период адаптации... В два часа дня вам разрешено свидание — для ускорения адаптации.

Автоматически, безжизненно, без мыслей он бегом относил передачи — у окошка толпились жаждущие передать посылочки, подметал плац. О том, что случится в два часа дня, он не думал. Свидание — раз скомандовали, — значит, свидание. С кем — какая разница...

Большее не ужасался, понимая, что вокруг такие же, шагающие известковые мумии. Единственное, что он пытался — это удержать перед своим внутренним взором образ той женщины... Как будто она могла чем-то ему помочь...

В два часа сам адмирал лично прошел с ним в комнату свиданий. Усадил в кресло. Перед громадным зеркалом — или телевизором?

— Вы мой самый верный ученик, и я рад, что мы, наконец, встретились тут. Все нормально. Вам дается десять минут на свидание. Я не буду вам мешать...

Он закурил и с ехидным смешком скрылся в соседней комнате. Номер 22015 весь задрожал, потому что в зеркале — или телевизоре — постепенно стали появляться кадры кинофильма.

Мужчина сидел за компьютером и быстро набирал какой-то текст. Знакомый свитер, ежик волос. Зазвенел телефон. Он поднял трубку, ответил быстро и коротко. Потом поднял-

ся, потянулся, улыбнулся довольно. Господи, да это та женщина в парке... Она... Не может быть... а мужчина? Неужели это он сам?... И на нем этот же пестрый свитер...

— Жена, сегодня мы купили Вторчермет... Уезжаем с друзьями за город, поохотиться немного, ну, сауна там... Все такое... Я знаю, тебе это неинтересно...

Как убрать это изображение?! Хватит! Довольно! Страшная мысль пришла и не исчезла: он там жив! Он продолжает жить — мертвец, потому что на самом деле он уже тут, не дожидаясь смерти! А те, кому он носил передачи, — те, счастливы, умерли на самом деле — может быть, родные вытаскивают их как-нибудь отсюда. Наверное, это возможно. А он... И адмирал — они-то живы! И никто не придет к ним и не принесет передачу... И вот тут гортань как будто раскрылась — и звук, застрявший в ней, — с утра, когда он осознал себя в этом аду, — наконец, прорвался. Это был крик о помощи, обращенный к Богу! К Богу, которому он не молился в "той" жизни...

— Спасите! — кричало все его существо. Несколько солдат повалили его, связывая и пытаясь заткнуть рот тряпкой... Адмирал стоял, закрыв лицо руками. Он не смеялся сейчас...

* * *

Сигнал, который приняла наша "скорая", пришел с планеты Зинта, из очень далекой зоны Космоса, из закрытой санитарной зоны. Две тысячи лет назад — по зинтовскому времени — наша карета скорой помощи сделала все возможное, чтобы приостановить эпидемию. Видимо, нужно было снова направлять туда внимание наших медиков, луч спасения.

Дело осложнилось тем, что законами Космоса никакое вмешательство извне не допускалась. Только если кто-то из обитателей самой зоны оказывался способен сотрудничать с медиками, только тогда тот человек и мог — при нашей поддержке — помочь своим.

Диагноз болезни — известкование, отверждение человеческих душ, преобразование их в иную материальность. Резкое скатывание по эволюционной лестнице — к тем остаткам предыдущей Вселенной, которые влачили жалкое существование около ядра планеты, будучи не в силах восполнять свою энергию силой света.

Обитатели Тьмы цеплялись за растущие светлые существа, которые должны были прорасти цветами и деревьями в следующий слой, выпивали их соки — и те засыхали, не прорвавшись вверх.

Мир, в котором силы Тьмы побеждали, аннигилировал, рассыпался, так как не мог существовать во Вселенной Света. Но пока светящиеся существа оставались на Зинте — оставалась надежда.

— Я готова спуститься к несчастным...

— Кто это? — голос Руаля, Директора Скорой помощи, Старейшего члена Совета, — мягок и печален. Каждое новое несчастье в Космосе, ведущее к гибели миров, — это боль сердца. Кто-то уловил боль медиков, кто-то, так же как они, принял сигнал с Зинты и готов помочь. Но, может быть, он не знает, что в том мире могут действовать только сами же обитатели планеты. Таков нерушимый закон. Силы Тьмы пытаются затормозить эволюцию и нарушают Закон, но с ними разбираются иные инстанции.

— Кто это? — повторил Директор — и тотчас услышал ответ:

— Руаль, с вами говорит Рада, дочь Светозара и прекрасной Ники. Я родилась на Зинте, хотя и не в том слое, в котором живут люди. Но я имею право спускаться в слои Мрака. Там, в плену, томится моя мать. С освобождением мамы эпидемия будет побеждена.

Этот диалог, звучавший надеждой, слышали члены Совета. Разрешение на спуск в опасную зону могли дать только они все вместе.

— Рада юна, слишком юна.

— Но со мной принц Ольтек и некоторые люди, особенно женщины того мира. Они помогут, если вы дадите согласие на мой спуск — и если ваш Луч будет сопровождать меня.

— Совет хочет видеть принца, — ну, конечно, какой-то рыцарь, самоубийца, покоренный магией нежного голоса и отваги юной дочери Ники и Светозара.

Небольшой подиум, возникший в дрожащей бесконечности искрящихся звезд, осветился изнутри. Нет, это был не подиум, это была скала, горная страна мхов и лишайников. И почти незаметная изумрудная ящерка подняла свою маленькую головку, выразительно глядя вокруг.

Члены совета разулыбались. Они ожидали увидеть какого угодно великана или на худой конец задиристого мальчишку — борца за Свет и Справедливость, владеющего Мечом Правды, но ящерка...

— Мир камня — мой. У нас с Радой одна цель — освободить мир камня от заразы Дуста. Она хочет помочь матери и людям, а я — камням. Вы не хуже меня знаете, что кристаллы — это будущие светлые Сущности, только начинающие путь Эволюции. Эпидемия перекрывает им возможность развития в самом начале... Я обеспокоен...

Наверное, это была самая отважная и умная ящерка во всей Вселенной. Решение было принято: экспедиции юных дали кодовое название "Солнечный зайчик" — и сам Старейший наблюдал за ходом спасательных работ.

* * *

Рада покрылась плащом, сплетенным из световых волокон Луча спасения... Взяла ящерку на ладонь, гладила, едва дыша...

— Ольтек, мы справимся, нам помогает все живое на свете. Только я уже совсем плохо слышу пение мамы. Видимо, они полностью перекрыли и стены, и крышу дворца бетонными плитами карроха, заизвестковали — мама не во двор-

це уже, а в гробнице... Мне не найти ее. А отец не имеет права спускаться во Мрак.

— Там много белых фигур. Казармы. Дворца не видно. Даже деревья покрыты каррохом. Надо найти того, кто подал сигнал. Только он сможет вывести нас к дворцу. Для всех мы будем оставаться тут, в Солнечном Саду. Так безопаснее. Ну, не боишься?

Если бы кто-то мог видеть в этот момент светловолосую Радку, играющую с ящеркой возле старых валунов на холме, перед которым раскинулся сверкающий пруд, ни за что бы не подумал, что на самом деле именно сейчас отважные Рада и Ольтек силой Мысли, Любви и Воли переносятся через рвы и частоколы, пропасти и огненные реки — в мир Тьмы, в Цитадель Тьмы.

— Отправляю луч Спасения на поиск источника Сигнала, — ящерка медленно поворачивала голову, и корона на ней, точно лампочка шахтера, высвечивала мир военного лагеря.

Рада щелкнула пальцами.

— Стоп, Ольтек, я вижу его. Новенький в этом мире, видимо, недавно провалился. Живой, он живой, я вижу его и в мире Солнца. Там с ним женщина. Она плачет. Она не заизвесткована, она — светлая... Господи, Ольтек, эта женщина поможет нам...

* * *

Номер 22015 проснулся на своей жесткой койке в бараке для новеньких. Но эта первая ночь в лагере (хочется сказать — концлагере) — как ангельское пение. Он даже улыбался, когда открыл глаза. В его голове звучало имя — Александра. Его жену звали Александра!

Еще он вспомнил, что добился в том мире Солнца денег и власти над людьми. Не брезговал средствами и умело уходил от налогов... Нет, он не хотел даже думать об этом...

Медленно встал и потопал, как и все другие, по бетонному тротуару, мимо голых стен барачков. Высокая спина Адмирала

качалась впереди. Он и здесь — господин и хозяин! Волна сопротивления своей доле, направленная почему-то против Адмирала — хотя ведь и он тут — и страдает! — поднялась в душе.

— Господи, не оставляй меня! — вновь прозвучало внутри.

— Не печалься, мы поможем тебе, — кажется, кто-то подает ему надежду. Или это просыпается обманчивая Мечта? Нет выхода из этого круга Ада..

То, что Адмирал называл Дворцом, было на самом деле холмом. И отряды, пришедшие из лагеря, методично таскали тележки с бетоном и лопатами насыпали бетонный раствор, поднимая холм все выше ...

— Пустая какая-то работа. Наверное, и смысл этой работы — в ее бессмысленности, — так думал номер 22015, швыряя лопату за лопатой.

* * *

— Ну, вот, прекрасно, теперь мы знаем, где под плитами — Дворец твоей мамы.

— Но как же нам вывести ее отсюда? — Рада, увидев этот мир без солнца, мир вечной полутьмы, вся осунулась, глаза ее смотрели тревожно.

— Луч спасения способен пробить бетонные покрытия. Ночью, когда эти мумии будут спать...

— Не говори о них так. Это несчастные люди... Да, конечно, они сами совершали преступления, но, погляди, ведь многие из них уже раскаялись... Прошу тебя, их надо попытаться вывести отсюда...

— Ах, моя королева! Мои минералы — невинны, вот они страдают ни за что... А твои люди... Тьфу! Ну ладно, не злись... Однако уже пора! Луч набирает силу. Делаем тоннель в этой стене...

— Мама, мама!

Из глубины холма раздалось пение. Только что прорубленная арка осветилась изнутри. И очень медленно выплыл конь, а на нем — прекрасная Ника.

— Дочка! Спасительница моя!

— Это он, Ольтек. Мама, мы вместе. И члены Совета “Скорой Помощи Космоса”, и женщины Зинты...

В один миг Рада уже сидела на коне рядом с матерью. А Ольтек занял свое место на плече девушки. Обниматься, целоваться и разговоры разговаривать было некогда.

— Уходим, — скомандовал Ольтек.

— Нет, мы едем в военный лагерь.

— Зачем, Рада? Я не согласен. Я и пальцем не пошевелю ради твоих людей. Это преступники, а не люди. Это уже засохшие корни. Они не дадут ростков, — ящерка свернулась на плече Рады и, кажется, заснула.

— Ехать к тем, кто похоронил меня в этой гробнице? — поинтересовалась прекрасная Ника.

— Да, мама. Мы спасем их. Ты ведь понимаешь, что с твоим уходом этот слой разрушится — и эти несчастные провалятся еще глубже — кто и когда их вытащит оттуда?... Даже если эпидемия на поверхности планеты и будет остановлена... Едем, пожалуйста, едем!

— Если члены Совета дадут добро, — пробурчал Ольтек. Луч на его короне усилил свой блеск.

— Разрешение есть. Едем! — радостно закричала Рада.

Сверкающий конь с двумя женскими фигурами на широкой спине гарцевал по плацу, где еще недавно стояли отряды известковых фигур. Из всех окон выглядывали и бежали на плац белые мумии.

— Женщины! В лагере — женщины! — темный вопль животных страстей неся над казармами, обезумевшие солдаты пытались ухватить женщин за платья, стащить их с коней, но окаменевшие пальцы хватали только воздух... И тогда первые ряды в ужасе начали разбегаться, а задние все напирали, рвались вперед...

— Ну, что я вам говорил, — сонно бормотал Ольтек, — это не люди; животные и те — лучше... А мои минералы — чудо чистоты...

* * *

— Не пора ли послать Луч Смерти? — сказал кто-то из членов Совета. Старейший глянул на него строго.

— Усильте энергию Луча — но до отметки сто. Не выше. Мы спасаем жизнь.

* * *

В этот миг номер 22015 вспомнил свое имя и то, что когда-то он был неплохим офицером и умел командовать стихией массы. И еще он увидел в лицах двух небесных красавиц, матери и дочери, черты жены — Александры и девочки-Анастасии. Боже мой, как же он забыл, там, в том мире, у него была дочь — ее звали Настенька...

— Прочь руки! — этот железный голос отрезвил многих. — Построиться поотрядно. Я сказал! Выполняйте...

Медленно тяжелые фигуры отходили от коня и выстраивались по своим обычным местам.

— Адмирал, где Адмирал? — номер 22015, Георгий Павлович Крутиков, полковник в отставке, оглядел выстроившихся солдат. Они подчинились ему! Но где Адмирал?!

— Приказывайте, девушки! Мы готовы к выполнению ваших приказаний!

— Пусть те, кто может подняться с нами к вершине вон той горы — нет, не холма, но той горы, вершина которой освещена розовым, идут вслед за ним. Это все, что мы можем сделать для вас, — принц Ольтек как будто и не спал вовсе. Это он командует парадом.

Конь радостно заржал и медленно, чинно, понимая, кого он везет на своей спине — и кто ковыляет вслед за ним, поплыл над дорогой в сторону гор, едва видневшихся вдали.

А Георгий Павлович все хотел найти Адмирала. Отряды уже тронулись, хотя теперь в их составе была едва ли половина тех, кто работал на засыпке Дворца Ники. Что стало с остальными? И где Адмирал? Номер 22015 еще пытался

действовать, еще хотел одного — спасти своего благодетеля, своего хозяина — Адмирала.

— Прощайте, полковник. Наши пути разошлись. Скажите жене... Нет, ничего ей не говорите... А-а-а!

Георгий Павлович с ужасом увидел, как до боли знакомая, родная фигура благодетеля, хозяина, проваливалась, как будто ее засасывало болото. Прямо на плацу. И рядом с ним уходили вниз и другие, те, кто оказался слишком тяжел, чтобы подниматься вверх... Сам военный лагерь, все здания медленно таяли, будто рассеивался дым.

Полковник Крутиков повернулся и бегом понесся по дороге вслед за уходящей колонной солдат. Запнулся за какую-то корягу, растянулся, ткнувшись руками в гравий. А когда поднялся и стал отряхивать брюки, вдруг понял, что его руки стали прежними — живыми, теплыми, мягкими. Человеческими руками.

* * *

— Гоша, ты же хотел ехать на охоту, там у вас сауна и все такое...

— Нет, пожалуй, не стоит. Может быть, за грибами сходим с тобой и Настёной... И еще давно я обещал встретиться с бывшими сослуживцами.

— Я не верю. Ты говоришь серьезно?

— Конечно. Кстати, ты спасла меня. Ты это знаешь? Ну почему ты опять ревешь, Александра, Сашенька...

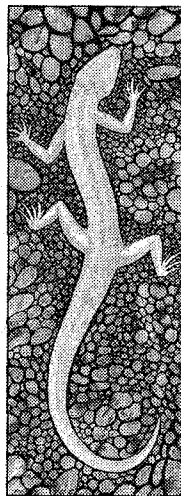
* * *

В Солнечном Саду возник новый Дворец — Дворец Ники. И Светозар обнял жену. А юная Рада вышла замуж за Ольтека.

На свадьбу съехались властелины всех стихий и всех царств... Но самыми счастливыми, наверное, были мать и отец невесты. Не считая молодоженов, конечно...

* * *

— Ну вот, а вы говорили, что Рада слишком юна, а Ольтек слишком мал, — Старейший посмеивался в усы. Но долго радоваться на “Скорой помощи” времени нет. Работа такая — спасать Жизнь во Вселенной.

СТРОКИ
ШЕСТИДЕСЯТЫХ

РОМАШКА И КВАНТ

Когда за несколько минут до восхода солнца небо залилось румянцем, маленькая невзрачная Ромашка, которая росла неподалеку от навозной кучи в узком деревенском дворике, вздрогнула от утренней прохлады и открыла глаза. Она повернула головку к своему деловому и спокойному соседу — старому кусту малины, который давно не спал, так как страдал бессонницей. "Ой, как холодно сегодня", — небрежно бросила Ромашка и тотчас принялась прихорашиваться. Она заботливо и довольно оглядела свой изящный тонкий стебель и умылась светлыми слезинками росы. Каждый ее лепесток стал глянцевым и белым, как тот страшный и загадочный снег, который упадет однажды на нее вместо веселых и ласковых капель росы и о котором как-то рассказал ей старый куст малины. Она хотела и боялась увидеть снег и старалась не думать о нем, как никогда до вчерашнего дня не задумывалась о смерти.

Она стояла веселая и нарядная, чуть вздрагивая от озноба и нетерпения. Она ждала. Ромашка знала, что в этот час непременно высунет из-под крыльца свой любопытный нос Квант, бог весть как попавший сюда породистый щенок. Это непонятное звучное имя дал ему старый деревенский учитель, который жил в этом домике. Квант начнет бегать, фыркать, отряхиваться, а потом, вежливо виляя хвостом, подойдет поздороваться к Ромашке.

— Но он такой грубиян и так невоспитан, — подумала Ромашка, — он опять заденет мои лепестки и испачкает мой белоснежный наряд.

Она задумалась. А она редко задумывалась. Только иногда мечтала.

Сейчас она вспомнила, каким неприкаянным, голодным и несчастным был Квант в тот первый день, когда он появился во дворе. Ей тогда стало жаль его, и она послала его поесть — она видела, куда хозяева выбрасывают остатки

пищи. Она ни о чем не расспрашивала его и только старалась развлечь веселой болтовней.

Через несколько дней Квант ожил.

Ромашка издали любовалась им. Когда он случайно с какой-то неуклюжей грацией пробегал мимо, она вся трепетала и хорошела. А вчера он подошел, улегся, вытянув свои длинные лапы и глядел на нее долго и серьезно.

— Ты знаешь, Ромашка, мне почему-то очень тоскливо, когда я не возле тебя. Мне так не хватает тебя. Я бы всю жизнь думал и заботился о тебе...

Ромашке вдруг стало очень грустно. Какая-то сладкая боль рождалась в ее корнях.

— Ты забываешь, я только цветок. Ты не можешь сидеть все время около меня. Хочешь, сорви меня — и мы тогда целый день будем вдвоем. Сорви, — и она покорно склонила свой тонкий стебель.

Квант поднял голову и уже хотел надкусить стебель, но вдруг замер.

— Ведь ты тогда умрешь...

— Ну и что же... Зато мы целый день — целую вечность — будем вместе.

— Нет, я не могу...

...И вот этим утром Ромашка впервые мечтала о смерти. Сорви он ее вчера — и сейчас он вместе с нею носился бы по полям, которых она никогда не видела, по лесам, шума которых она никогда не слышала, вдоль реки, в зеркало которой она никогда не смотрелась. Нет, сегодня она должна узнать счастье, услышать, как шумят ветры, леса, ручьи. А там пусть смерть...

Но сегодня Квант все не появлялся. Она устала ждать.

— Дедушка, где же наш Квант? — спросила, бледнея, Ромашка у старого куста малины.

— Разве ты не знаешь, красавица, — ответил, позевывая, старик, — вчера вечером, когда ты уже заснула, его увел с собой человек. Квант — породистый щенок, и его будут обу-

чать делу. Он от радости даже забыл проститься с тобой. Да все равно он бы ушел — раньше или позже. Ты, никак, загрустила? Забудь Кванта, ведь ты только маленькая ромашка. Только цветок. Радуйся лучше солнцу, пока оно еще греет...

Лепестки у ромашки начали вянуть. А плакать она не умела. И вечером, когда уже не роса, а первые кристаллы инея упали на ее головку, она заснула, чтобы утром уже не проснуться. И засыпая, видела во сне маленькая Ромашка яркие, небывалые, фантастические цветы, леса и берег реки, где ей так и не суждено было побывать. И влажный нос Кванта снова, казалось, охлаждал ее лепестки... Но это был только смертельный иней...

* * *

А через три дня лил холодный дождь. Около почти совсем высохшего мертвого стебля Ромашки, положив печальную морду на свои длинные лапы, лежал Квант. Он все-таки вернулся проститься.

ЧАЙНИК

Он был очень старый. Он видел много восходов и закатов, много костров на берегу реки, когда его заботливо пристраивали к длинной крепкой палке, садились вокруг и громко, с хохотом, рассказывали охотничьи истории. Или, налив кружечку чайку, о чем-то вздыхали, молчали и прислушивались к тишине...

Но вот однажды чайник заметил среди рыбаков женщину. Раньше, до того как он полюбил костер и приволье, он был обыкновенным чайником, побаивался всемогущей газовой плиты, знал мягкие женские руки, которые ставили его на стол, в веселье детских голосов.

Он с нежностью вспомнил то далекое время сейчас, когда увидел женщину у костра. Она была маленькая, курносая, черная, как и все рыбаки, и ее руки были очень непохожи на те руки, которые он помнил. Они были сухими и сильными, и это чайник почувствовал сразу. Она казалась веселой. А тот, кого чайник привык считать своим хозяином, сегодня сник как-то, и чайник не мог понять, почему, ведь улов вчера был удачный.

— Что это у тебя за чайник, Александр? — чайник прислушался — голос был мягким. Отчего он словно царапал по его закопченному телу?

— А бог весть. Ничего себе чайник...

— Тогда я увезу его домой.

Чайник заметил недобрый огонек в глазах своего хозяина и не понял, почему же он промолчал?

И тут случилось что-то страшное. Такой боли он не испытывал никогда.

Случайно или нечаянно сделал это его добрый хозяин? Наконец, чайник смог заплакать — заплакать впервые в жизни... И вдруг с ужасом понял, что выплакал все свои слезы. Что пуст и сух. А потом маленькая женщина пошла с ним к реке. Она долго скребла и чистила чайник. Глянув в воду,

он не узнал себя — таким он был молодым, блестящим и красивым. Ему даже захотелось поухаживать за кастрюлей, которая стояла рядом.

— Да он дырявый, старая развалина! — вдруг гневно воскликнула женщина. Чайник сначала не понял, что это о нем — так его никто не оскорблял. Но хозяин, который сегодня пил из него чай, почему-то не вступился за него. Сейчас чайник не плакал, но предательство хозяина было для него больнее утренней боли.

— Дай сюда! Я выброшу! — хмуро сказал Александр. — Нечего тащить его в город.

Но не выбросил. И вечером, когда маленькой женщины уже не было в лагере, кто-то запаял чайник — и он снова весело посвистывал, и дымком тянуло от его крепкого чая, и лукаво поглядывал он на светлую полосу реки, где садилось солнце...

Но нежность ушла из его сердца.

ВЕЧЕР

Вчера был вечер синий, теплый, он будто гладил тебя нежно по щеке и осыпал блестящими звездами волосы. Мягко ступая, он покинул комнату, когда я включила настольную лампу, но не исчез совсем, а притаился в дальних углах, поглядывал прищуренным глазом из-под кровати и ласково подсмеивался над своим отражением в застекленной дверце книжного шкафа. Настороженно посматривал на меня — не включу ли я верхний свет, не выгоню ли его из этой теплой уютной комнаты. Я повернула дверцу шкафа, он весь заискрился, затрепетал. Книга в коричневом переплете легла мне на руки. Вечер улыбался, он тоже любил тихую красоту Паустовского, что сродни ему самому. И вместе со мной он незаметно очутился в царстве блистающих облаков. Я очнулась, когда услышала за окном пение звезды, она тихонько мелодично шептала что-то необыкновенно печальное этому вечеру, который так скоро покинет ее. Я включила Пятый концерт для фортепьяно с оркестром Бетховена. Первые аккорды чуть было не спугнули вечер, как шаловливый щенок, он хотел удрать из комнаты. На секунду вокруг меня потемнело, но потом снова теплый ровный полусвет зашевелился во всех углах. Вечер устраивался поудобнее, чтобы слушать. Неясное адажио понравилось ему всего больше, я слышала, как он доверчиво и влюбленно вертел хвостом, потом погрузился в меланхолическое раздумье.

Резкий стук в дверь нарушил наше уединение. Собрались домашние, кругом зажегся свет и бесследно исчез мой друг — светящийся полутьмой вечер.

ОГОНЬ

Ну, чем виноваты эти два полена? Там, что были они сильнее других? Старой, тяжелой кочерге, пережившей сотни поколений таких вот поленьев, вдруг стало жаль их. А кочерга редко позволяла, чтобы в ней просыпались какие-нибудь чувства. Все товарищи двух упрямых поленьев уже погибли, лишь немые уголья остались от их бурного огня. А эти все горят — и не могут понять, что они — одни, что все ушло. И никому не нужен их пламень.

Кочерга колотит их, приближая их смерть и шепчет свою утешительную мудрость:

— Как неразумно гореть, когда все погасло! Будь вы трижды романтики и мечтатели, вас все равно бросят в дымоход или того хуже — в воду — и вы будете умирать медленно, кипеть и стонать. Так не лучше ли вам погаснуть? Тепла вы не добавите, а кому нужен ваш свет? Да, тем, кто горит сильнее и дольше, всегда плохо. Во всем нужна мера... Но вам говорить это уже поздно, а молодым — бесполезно.

Но поленья не слушали ее скрежешущего бормотанья. Им было грустно, но они горели оттого, что не могли иначе. Они надеялись — может быть, кто-нибудь еще успеет взглянуть на них, прикурить от их огня папиросу или зажечь новый большой огонь. Но никто не подходил к ним...

И все-таки — пусть они дадут мало тепла, и пусть их бросят сейчас в дымоход или в воду — они счастливы, два недогоревших куска старого могучего дерева. И никогда не понять этого кочерге, не знающей, как горит сердце.

ПОРТРЕТ

*Из всех художественных работ
бюст и портрет требуют
наибольшей проницательности.*

О. Роден

...Красавица на стенке вдруг скривила губу и начала судорожно вращать томными глазами. Весь мир сделался смешным и легким, ну как розовый коктейль. И с его кислинкой.

Я сидела в ночной рубашке на постели и думала — так спать или не спать? Даже глупо было спать в этом новом мире, изогнутом поломанной бигудишкой. Все можно было сказать, все спросить. Сначала я спросила, находит ли Инна, что мой правый и мой левый глаз смотрят отдельно друг от друга и видят что-то совершенно разное? Она сказала, что со стороны это не заметно.

Тогда я спросила, давно ли у нее появились любовники? Вопрос — прыжок в воду — немного протрезвил меня. До сих пор спросить об этом напрямик я не решалась. Кажется, в эту минуту я хотела показаться более пьяной, чем была. Впрочем, меня и так мутило, а управлять своим телом было ужасно трудно. Откуда ей было знать, что у меня абсолютно ясная голова? И что мне не забыть этого бредового ночного разговора?

— Год назад. Их много, лучше не перечислять.

Вот дать оценку некоторым вещам я сейчас не могла. Наверное, как раз из-за этой снежной ясности головы. Принимала все как есть.

— А кто первый?

Среди нескольких уже не раз слышанных фамилий падает одна — в легком и даже изысканном сочетании двух слогов какая-то странная тяжесть.

Нет, просто тошнота более невыносима. Я закрываю глаза и молча вытягиваюсь. Неужели это чертово кручение никогда не кончится? Я с детства не выносила карусель.

Снова открываю глаза и сажусь решительно — карусель остановилась. Но фигуры на стенах странно подвижны — или это от неверного света настольной лампы? Энергичные мазки, дерзкая игра красок — все это Сережкин стиль. А вот его "автопортрет" — два забавных шарика под частоколом волос — лицо невиннейшее, чистейшее.

... Четверть часа назад этот Сережка говорил мне совсем не невинные вещи. Из-за Инки. Я мешала им. Я очень сильно мешала ему. В нем буянил мужчина.

Теперь, после ее признания, ясно, что мешать не стоило. Я была идиоткой.

... И вдруг усталость. И Сережка ухмыляется со стенки:

— Ну что, поняла... У меня интуиция, я сразу понял...

Меня качают качели. Внизу — еще я, а когда качели взлетают наверх, меня уже нет. Я сплю. Но пока качели внизу — весь сегодняшний вечер возвращается ко мне.

Пришла с работы поздно, хотя и было воскресенье.

"В окнах свет, значит, Инна дома", — подумала с радостью. Прислонилась к двери. Вдохнула, как это делают йоги, как мы учились делать в институте. Подняла глаза. Небо швырнуло в меня пригоршню звезд. Стало хорошо. Осторожно сдунула две снежные звездочки со своего воротника. "Точно художник сделал вас, снежинки... А Сережка талантлив... И сам не знает, насколько талантлив... Влюблен в какую-то школьницу, чудак!"

Весело я открыла дверь и ворвалась в комнату... Они торпливо отодвинулись друг от друга. Они — Сережа и Инна.

— А он пришел утром, и мы целый день пьем. Хочешь? — и Инна пододвинула мне пиалу.

Что-то надорвалось во мне. Зачем люди — так? Я почувствовала вдруг, что очень устала сегодня. Растянулась на кушетке, взяла в руки книгу.

— Да не выдумывай ты, Ася, читать сейчас, — Инке явно не нравилось мое поведение. А Сережка уже освоился и снова обнял Инну.

— Ну, будто бы я — спинка дивана.

Инна улыбнулась мне и устроилась поудобнее на Сережином плече. Я ничего не понимала.

— Я лучше посплю, — сказала я и отвернулась к стенке. Кто-то из них накрыл меня пальто. Кажется, Сережка. Ну, чудные же, хорошие люди! Я знала о светлой влюбленности Сергея в какую-то десятиклассницу, которую он ждал у школы, с которой часами стоял на набережной, глядя на желто-зеленую Двину. В те волшебные закатные часы он рассказывал ей, как художник видит мир.

Я знала и о любви Инки. Три года она любила его, а он оставался холоден. Оставался другом. И никогда не прикоснулся к ней. Он сейчас так далеко-далеко. А недавно ей написали, что он женился. Она не плакала, нет... Она смеялась, она молчала, только ее синие глаза расширились, соперничали с Соловецкими озерами. "Она как святая, будто Илья Глазунов рисовал ее", — сказала о ней в те дни одна моя знакомая. А потом Инна заболела. Полторы недели лежала молча, всем чужая, лишь изредка с наслаждением курила.

Наверное, таков мир, в лучших яблоках — червоточина. А может, я выдумала все? И нет никакой червоточки? Я села к столу. Вино еще осталось — и мы пили все вместе. Почему-то я быстро пьянела.

Потом мы с Сергеем оказались на улице.

— Ты выпроводи его, — попросила меня Инка.

Я удивилась, но пообещала. Значит, Инка лучше, чем я о ней подумала. Впрочем, оказалось, что "выпроводить" — это не так просто.

— Ты пойдешь домой спать.

— Нет, я вернусь к вам.

— Если хочешь знать, ты и не нужен вовсе Инке.

— Ну, уж вот это позволь знать мне. Ты как льдинка, ты ничего не понимаешь сейчас.

Я была оскорблена за Инку. Я глянула на него со злостью, в его ослепевшие похотливые глаза, и резко повер-

нувшись, сосредоточенно зашагала прочь, стараясь идти по прямой линии.

... И вот, как же это — "их было много, лучше не перечислять?"

Пришло завтра — с его заботами и мягкой талостью. За суетой дня все вчерашнее отступило в тень. Теплый ветер словно нее загадку. Хотелось думать о путешествиях и о ласковых туманах Невы, где жил мой любимый. Как и вчера, в окнах горел свет. Я открыла двери и замерла у порога. Я не видела Инки, задумчиво сидевшей в уголке у книжной полки. Я не видела Сережку, который закинул в этот момент левую руку за спину, а правой, измазанной в краске, что-то делал с большим листом на стене. Я видела только то, что рисовал он. Где уж тут судить его за вчерашнее! Вернее, я вошла в тот мир, где вчерашнего Сережки не было и быть не могло. Осторожно сняла пальто и залезла с ногами на кушетку. Сергей повернулся ко мне, его глаза сияли, как на том автопортрете. Он был прекрасен. Он улыбался.

У меня на коленях лежал журнал, хотя читать я сейчас не могла. Инка держала сборник стихов — но не открывала его. А Сергей работал. Говорят, возбужденный мозг излучает особые волны — в тот вечер я поверила в это. Будто махнул спичкой в комнате — и спичка вспыхнет.

Изредка Сергей оборачивался и взглядывал на нас, притихших — взглядывал потому, что рисовал нас. Я пришла слишком поздно — работа подходила к концу. Рождались полутени и свет, вся картина насыщена тревожным красным и черным. Он рисовал пастелью. Сейчас было невозможно осмыслить все то, что появлялось под его мелком. Можно только спешить запомнить эти минуты творчества — редко кто видит их. Инка сидела бледная, словно испуганная. И глаза ее сегодня снова походили на Соловецкие озера. У меня внутри что-то тихонько дрожало, как будто медленно закручивали пружину.

Время от времени Сергей задумывался, откидывался назад, удивительно стройный, снова почти вплотную подходил к стене. Еще — свет на штору, где дымок сигареты... Последний раз тронул линию Инкиного профиля. Все.

— Сколько времени?

— Половина одиннадцатого.

Инна медленно и тихо, словно боясь что-то разбить, сказала безо всякого выражения: "Ему к шести нужно было быть в театре". Все мы почему-то говорили вполголоса. Сережка одевался неуверенно, точно после тяжелой болезни.

Он весь был растерянный и беспомощный. Не задерживался ни на минуту, — хотя в театр он уже опоздал безнадежно — должно, инстинктивно берет в себе то состояние души, которое пришло во время работы.

— Проводи его, Инна.

Она встала, взяла шарф — Сергей забыл его на стуле...

Они неосторожно громко поцеловались в коридоре — но, боже, какое это теперь имело значение? Я стояла у портрета. На картине изображено двое. Нет, это все-таки не она и не я...

Ту, которая стояла и была похожа на меня, можно было принять за фантазию, призрак, явившийся другой, сидящей. Инка на портрете... Она здесь — средоточие жизненной силы, в ней — все тайны бытия. Может быть, она ждет ребенка, может быть, потеряла возлюбленного, может, сейчас решается ее судьба. Вечно женственная душа мира в ней. Она печальна и красива — и ее бессильно лежащие на столе руки, томные и нежные, кажется, скорбят тоже. О чем? О жестокости жизни, которая требует решать и бороться.

Она в своей женственности мудрее той, что судит ее. Та старается, но не может понять мучений и печали подруги. Потому что еще не прикоснулась к тайнам жизни. Глаза девчонки удивленные, карие, какие-то очень светлые. Она стоит, освещенная невидимым светом, в искрах легкого

шарфа, строгая и холодная. А на лицо Инки не падает свет — он сзади, точно нимб.

Что нарисовал Сергей? Тень и Свет? Любовь и Долг? Сердце и Разум? Инстинкт вечный и Интеллект? Страдание хрупких и незащищенных? Или просто "Разговор друг с другом?" Да понимает ли он сам, что нарисовал?

На картине не Инка, но он ее видит такой — может быть, глаз художника пронзительней? Может, она и есть такая, в самой глубочайшей сути своей? А вчерашнее — несущественно ни в Сергее, ни в Инне. Существенно и вечно — только этот портрет, исполненный Сергеем, эта чистота, женственность и глубина в Инке.

Я не могла больше смотреть на картину. Прижалась носом к теплой печке и разревелась.

Это было не счастье и не восторг, а какая-то чересчур натянутая струна, радостное и светлое перенапряжение души. Инна, тихая и вся светящаяся, стояла рядом. Потом, еще шмыгая носом, она предложила:

— Давай завесим эту картинку? Хоть на некоторое время, пока не привыкнем?

И мы завесили ее. Пытались смеяться и говорить о пустяках, но это почему-то не получалось. Тогда замолчали и сели, тесно прижавшись друг к другу с книгами в руках. Читали ли? Не знаю. Затихающие волны живого творчества еще дышали в комнате...

СЫН ЛЕСА

В этот раз случилось так, что грузовик наш — вездеход, застрял уже безнадежно. Часа два ждали погоды — солнце, яркорыжее и кудлатое, появилось на лапах маленьких чахлых сосенок — и мы терпеливо наблюдали, как оно медленно тонуло где-то там, за этой, и за другой, и еще за многими покрытыми тающим снегом болотинами.

Охотники-манси кажутся неповоротливыми в длинных своих малицах, низкорослые, круглолицые люди. Однако они быстры и неутомимы, два дня бессонной выматывающей все силы и терпение дороги словно ничего не значили для них. Похожие на небольшие шарики, на широких, коротких своих лыжах, подбитых оленьими шкурами, они уже сбегали в лес, набрали хворосту и сейчас сидели у костра, насаживая на палочки кусочки оленины. Северный этот шашлык был так аппетитен!

Зеленоватые тени становились все длиннее, а потом и совсем растворились в холодном фиолетовом сумраке. Подмораживало. Пора пробираться дальше. В далеком мансийском поселке ждут продукты — еще два дня промедления — и машина погибнет в растаявших болотах...

Я с нетерпением ждал встречи с Саввой. В свой прошлый приезд я подружился с этим молодым, подвижным и молчаливым человеком. Он вовсе не казался мне загадочным. Напротив, его дружба была ясна, как безветренный солнечный день на реке летом. Он был сыном леса. И мне, горожанину, избравшему своей профессией охотоведение, приходилось учиться тому, что он знал с детства. Учиться у него, наблюдать его было приятно.

Но вот что меня удивило. Мой руководитель практики, охотовед госпромхоза, отправляя меня в эту поездку, сказал полшутя:

— Узнай-ка там, говорят, Савва праздник медведя устраивал. Бабка-то у него шаманила, неужели и он теперь?

И эта фраза, брошенная между прочим, вот уже двое суток не дает мне покоя. Разве может этот милый, даже современный парень, закончивший школу, служивший в армии, стать шаманом? Мне это казалось невероятным. Хотелось спросить у тех, кто ехал со мной, но я знал, что тайны племени они оберегают свято. Я только прислушивался к тому, что они говорили, кое-что понимал — не зря немного учил их язык.

Старый охотник пел протяжную, словно застывшую на одной ноте песню — о юноше, перелетевшем на волшебном коне через горы к таинственной и могущественной богине. Я не знал, почему, но этот старик мне был неприятен — хотя пел он мастерски. Уж так подчинились все ему, так быстро исполнились все его приказания. И сейчас охотники заспорили, кто стреляет лучше, и понял я, что посмеялись они над другом моим Саввой — промазал он как-то, стреляя по соболю. И всех злее смеялся этот старик.

— Но Савва убил медведя, — вдруг выкрикнул кто-то из молодых охотников, и все сразу замолчали, словно почувствовали неловкость от его слов. А я воспользовался их минутным замешательством, не пытаясь пока разобраться, что именно произошло, чтобы скомандовать:

— Садимся в машину. Поехали.

Поселок появился из-за горы неожиданно, собственно, не поселок, а два дома, остальные три были скрыты за кошачьим изгибом холма. Около домов, пугливо озираясь и пересмеиваясь, стояли женщины в таких же, как у мужчин, одеждах. А мужчины помогали нам разгружать машину. Однако Саввы не было. И старшим у манси был опять старик.

Мы зашли в избу. В левом от входа углу жарко пылал огонь, а дым от костра, заполняя гладкий глиняный конус, уходил в розовеющее небо. Дом был большой и богатый. Все мансийские чумы, где мне приходилось бывать прежде, были именно чумами, хотя и сложенными из дерева, четырехугольником, как русская изба, но весь дом оказы-

вался одной комнатой: тут и пищу готовили, тут и обедали, тут же на нарах в правом углу избы спали. В доме же старика было три комнаты, поражала чистота, обилие шкур... Сейчас здесь, словно в охотничьем клубе, сидели мужчины, пили за встречу. И самые важные вести приносили именно сюда.

На стол подавала жена старика — это была молодая и, наверное, самая красивая в поселке женщина. Старик души в ней не чаял и всю дорогу говорил и тосковал о ней.

Зашел еще один гость — из соседнего становища. Поздоровался вежливо. Степенно сел за стол, выпил, рассказал о последней встрече с лосем, а потом:

— Это вас ждет Савва? Он приготовил все — мясо, шкуры, ягоды — можете принимать...

Я поблагодарил и удивился только одному — почему бы не сказать этого сразу. Впрочем, пока я только присматривался...

— Тесно становится нам здесь, далеко ходить за зверем. Жить надо — кочевать надо...

— А какие семьи и как далеко уходят?

Я должен был знать — ведь манси были охотниками нашего геспромхоза. Они объясняли мне основательно — звеня тут мало стало, надо идти дальше на север, да и к реке поближе. Уезжает Савва и еще...

Опять Савва... Почему именно он уезжает?

Однако пора принимать заготовленное за зиму. Савва ждал меня у себя дома, в аккуратной, совсем городской комнате, где стояла кровать, а не нары, приемник на столе, где валялись книги, журналы. Странно было видеть такую комнату здесь, на краю мира, среди людей, живущих обычаями предков.

Зима была удачной для охотников — сотни шкурок белок, куниц и соболей, бочки грибов, ягод... И мы с Саввой оба с большим удовольствием перебирали эти мягкие пушистые меха.

— Савва, послушай, а можно тут у вас медвежью шкуру найти?

Это было моей мечтой — посрамить однокурсников, вернуться в город и бросить на пол в студенческом общежитии медвежью шкуру. Самому мне пока ни одного медведя убить не удавалось, не встречал даже, а тут такой случай...

— Да, есть, валяется где-то. Я убил зимой медведя. Только собаки, кажется, испортили шкуру. Покажу тебе.

Так, значит, убил медведя. Но мало ли кто убивает медведей, отогнал я вопрос, вертевшийся на языке.

Савва повел меня к своему сарайчику, избушке на высоких курьих ножках, и швырнул сверху шкуру. Увы, она действительно была попорчена... Но сейчас меня больше волновало другое. Я смотрел на эту шкуру и представлял, как пели, как плясали вокруг нее охотники, как заклинали своего тотема подарить им успех в охоте. Было?

Однако по случаю благополучного завершения дела, передачи заготовленного за зиму надо выпить. В комнате тепло, по радио передают песенки французских шансонье — вино действует быстро, появляется эдакая приятная расслабленность, легкое кружение, да и смелость. Ничем другим не могу я объяснить тот странный удивительный разговор, который произошел между нами. Я считал Савву простым лесным человеком, охотником, выросшим среди охотников. В прошлый свой приезд я завидовал его детски наивному, безыскусному отношению к миру, которое давно забыли мы, горожане, не знающие запахов леса и потерявшие за вечным скепсисом и сомнением способность удивляться миру. Способность, дарующую великую радость человеку. Я и сейчас еще сидел и завидовал ему, не подозревая, что он скажет через минуту. Мне казалось, что у манси есть та цельность личности, которую разрушила цивилизация. И мы теперь снова стремимся к потерянной гармонии. А они могут прыгнуть сразу в XXI век. Учись да включай транзистор у костра в лесу.

Савва улыбался, слушал музыку.

— Владимир, друг ты мне? — вдруг спросил он резко. — Вернешься в город, отошли посылкой эти унтики девушке моей. Вот адрес.

Он замолчал, потом, решив, видно, что все равно главное сказано, добавил с гордостью:

— Студентка она, в институте учится.

Вот тебе Савва! Самое время задать тот, сакраментальный вопрос или хотя бы приблизиться к нему.

— Савва, а кто у вас Старик? Лучший охотник, что ли? Почему его все так слушаются?

— Лучший охотник? Пожалуй, нет. Он депутат.

— Что?

В этом лесу все понятия переплелись. Я расхохотался. Савва глядел на меня, не понимая.

— А я-то, а я-то, дурак, думал, что он шаман... Уж больно профессионально он песни ваши поет. Ритуальные?! А жена у него такая молоденькая...

Я не знаю, какие бури поднялись в душе Саввы. Нет, он явно не хотел переступать обычаев народа. Однако все-таки ответил:

— Угадал ты... Шаманил он немного после смерти моей бабушки. А жена — что ж, у уважаемых людей и жены самые красивые. С нелюбимыми, знаешь, как поступают — впрочем, ведь ты не знаешь наших обычаев, вот и задаешь нелепые вопросы...

Я понимал, что злоупотребляю его хорошим отношением ко мне. Но ничего не мог с собой поделать. Я должен был узнать. Вино придало мне смелости. Ну, не убьет же он меня, в самом деле!

— Вот как! Старик шаманит. А я, признаться, решил, что ты. Ведь ты — прямой наследник шамана. Говорили мне, что ты и праздник медведя проводил. Не та ли эта шкура?

Но Савва не возмутился. Он, кажется, даже был доволен. Однако молчал долго. Видно, прикидывал, что мне, пришлому, чужому человеку, сказать можно.

— Много рассказывала мне бабка, только какой же я шаман? А праздник медведя — это просто охотничий праздник, ну, как у вас день животновода, скажем. Вот в этой комнате и устраивали праздник, ну так что же? Хочешь, покажу фотографию Тани?

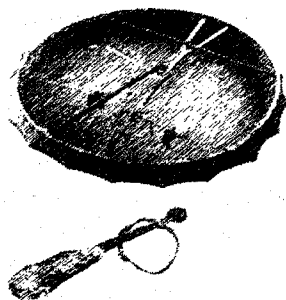
— А отчего к Старику в дом не ходишь, отчего на север собрался?

— Знаешь уже... а все равно, не твои это дела. Хочу — хожу, хочу — нет. Так вот погляди на Танюшку.

Ой ли, такой ли простой был этот праздник медведя? Такой ли уж цельной натурой был Савва, этот сын леса? Я чувствовал, что задел какие-то самые чувствительные струны его души, а он даже и бровью не повел. И согласился летом пойти нашим проводником по Северному Уралу — несколько моих однокурсников решили так провести каникулы.

* * *

Однако в поход он с нами не пошел. И с охотниками на север не переселился. Через три месяца, как написал мне потом охотовед этого госпромхоза, он ушел работать в геологоразведку, поступил учиться в институт. Но до сих пор меня не оставляет мысль, что шаманом он все-таки пытался стать, да старик не уступил ему своей власти.

СМЕХ НАВЕРХУ

Хотя все вступают в этот мир одинаково, с громким настойчивым криком — уходит каждый человек по-своему. Редко кто умирает так, как умирал Старик.

Он лежал на широкой деревянной кровати. Окна застыли, но не совсем, и сквозь чистые овражины толстого стекла Старик мог видеть рассвет. Он почти не спал ночью — ночью он думал. Он радовался ночной тишине, потому что тогда никто не смел входить в его комнату, и он мог думать. Но рассвету он радовался еще больше, и ждал его, и боялся только того, что кто-нибудь помешает ему. Но пока никто не входил. Хотя там, наверху, уже проснулись — там ходил и смеялся его сын. И этот смех наверху сейчас мешал ему и раздражал его.

Сын приехал вчера, но вчера Старик не захотел видеть его — он знал, что еще не умрет этой ночью. Ему нужно было собраться с духом — для последнего разговора с сыном. С сыном, который не оправдал его надежд. Об этом он и думал ночью. Об этом он думал и сейчас, глядя на восход солнца.

Когда он был здоров, — а здоров, очень здоров он был всю свою жизнь, и всю жизнь очень занят, — у него не оставалось времени вот так спокойно смотреть на восход солнца. Он вспомнил, что вот так же, как сейчас, удивленно и радостно, глядел он на восход солнца последний раз еще мальчишкой, перед тем, как уехать учиться в большой город. Потом всю его душу, все удивление заняла работа и люди, которые подчинялись его воле, и другие, которые не подчинялись. Тех, которые не подчинялись, он уважал больше других, но добивался, что в конце концов они или покорялись, или уходили. Потому что верил он в одну веру, в одну правду — и других правд не существовало для него.

И вот он умирал одиноко — но не от старости и не от болезни. Он умирал потому, что отжил свое, что больше уже ничего не сможет сделать для своей земли, — а жить без дела он не мог и не хотел. Врачи удивлялись, откуда идет к

нему смерть, они делали ему уколы и пичкали лекарствами — но врачи были бессильны, словно и их он подчинил своей воле. Только один человек не покорился ему. Он ушел из его дома. Ушел и вернулся только вчера. Это был его сын, который смеялся сейчас там, наверху.

Он не верил в талант сына. Он хотел, чтобы сын делал реальное, полезное дело, нужное людям. Как всю жизнь делал он. А сын вырос фантазером. Сын ушел. И эту самую большую свою боль Старик пятнадцать лет скрывал от всех, скрывал от самого себя. Но сегодня ночью она вырвалась наружу.

Старик много читал последнее время — приближение Смерти освобождает нас от повседневных забот. И мир, перед тем, как Старiku уйти из него, начал стремительно расширяться, и, кажется, не было конца этому полету навстречу вечности. Чувства, которые всю свою жизнь он держал крепко связанными, теперь вышли из своих темниц. Оставалась власть привычки: и оттого никто не замечал перемен в старике. А, может быть, он не замечал их и сам или думал, что это просто дыхание смерти.

Кто-то вошел в комнату. Жена сына... Старик притворился спящим — он не хотел, чтобы его беспокоили сейчас. Женщина с минуту постояла над постелью, прислушиваясь к его дыханию, потом положила что-то на стул, где лежали его книги, и тихо вышла.

Старик открыл глаза. В его стопке прибавилось несколько книг. Сверху — фотографии — тайные, причудливые узоры, штрихи, то частые, то редкие и совсем пропадающие, создавали загадочную картину.

Удивление и ощущение ясности и чистоты, которое еще жило в душе Старика от созерцания восхода, теперь усилилось. С любопытством разглядывал он фотографии. Особенно долго — одну. Он вспомнил сейчас то, что, казалось, давно умерло для него. Снова почувствовал он сырость и мрачность леса и ту нежность, которая проснулась в нем тогда, лет сорок назад, в том лесу. Там встретил он девуш-

ку. Как здесь, на картине его сына, она была в платочке, и в глазах ее отражалось небо, и темные лапы елей, и светлые тени трав. И как он боялся, что она исчезнет, увидев его, как исчезают при встрече с человеком чуткие лесные звери. Но она не исчезла. Потом она стала матерью его сына. Потом умерла — он горевал, и чтобы не вспоминать ее, еще больше ушел в работу. И вот она ожила здесь, на картине его сына...

Он еще раз просмотрел фотографии. Потом взялся за книги — с рисунками сына. И везде он видел одно — человеческую жизнь, печаль и радость; наверное, порой сыну приходилось трудно, он мрачнел, но мрачные создания его фантазии снова уступали место солнцу. Жаль, что не видел он прежде этих рисунков. Манера была совсем новой и незнакомой ему. Впрочем, ведь он никогда особенно не интересовался творчеством сына, раз навсегда отвергнув его.

Может быть, это чувство фантазии было сначала только бунтом против его, отцовского, практического, узко делового подхода к жизни. Но потом оно стало чем-то большим, и теперь он с гордостью подумал, что многие, как он, отец, почувствуют силу удивления художника перед жизнью. Здоровую, их семейную, силу.

Еще неясно — откуда — печаль вошла в его сердце. К нему вернулся сын. Но уже никогда не придут к нему те, кто когда-то не покорился его воле. Он смутно чувствовал, что в два, в три, в десять раз больше бы сделал в своей жизни, если бы те люди были его друзьями... Новая вера, новая правда вместила в себя всю его прежнюю правду — и по-прежнему оставалась необъятной.

Он закрыл глаза. Страшная усталость приковала его к подушке. Он позволил Смерти подойти слишком близко: теперь уже совсем скоро конец. Наверху снова раздался смех... Старик улыбнулся сквозь слабость, сквозь боль — снова усилием воли открыл глаза и посмотрел в окно. Солнце уже взошло.

КАПСУЛА

Самолет перенес его в другой мир словно только затем, чтобы вся эта вчерашняя история в Ленинграде, расставание с Мариной, история скучная и заурядная, воспринималась просто как сон.

Гостиница была уютной. Миловидная девушка провела его по длинному коридору. Она говорила с чуть заметным литовским акцентом, и это очень шло ей.

— Вот ваш номер.

— А кто здесь жил раньше?

— Да какой-то штурман.

Штурман, видимо, уезжал торопливо и шумно. В комнате еще стоял угар вчерашнего веселья, в углу валялись бутылки.

— Извините, тут сейчас приберут.

Вадим не хотел, чтобы она сразу ушла, он с удовольствием смотрел на ее стройные ноги, что-то весело говорил, и смеялся, и она смеялась тоже. Неожиданно она показалась ему похожей на Маринку, но это скоро прошло.

Оставшись один, он внимательно оглядел комнату. Угадывать по чужим следам, кто и как жил здесь, всегда было ему интересно. Впрочем, он был писатель, правда, еще без имени, еще не полностью отошедший от своей основной профессии инженера, но уже давно писатель, и его можно было понять.

Он открыл ящик стола. Вот это находка! Целая пачка писем. Письма адресованы то в Москву, то в Ригу, Клайпеду, Архангельск — пожалуй, по ним можно изучать географию. Вадим просмотрел штемпеля — это все были старые письма. Она не писала ему уже, очевидно, с год. Почему? Зачем он возит их с собой? Он подумал, с каким наслаждением будет читать эти письма и разгадывать чужую тайну. А пока... Ему было хорошо и спокойно.

Он медленно шел по улице, любуясь сочетанием средневековых построек с легкими линиями современных зда-

ний. Город был одет в серое. Мягким бардовым лежали шапки-черепицы. В узких высоких улицах стоял туман.

А в кафе с длинной стенки весело глядела на мужчин, пьющих свою кружку пива, солнечная девушка — и металлические черные лучи солнца жгли ее. Ей хотелось купаться.

Но Балтика еще замкнута в себе. На столике не цветы, а ветки сосны. Он тронул ветку рукой — иголки посыпались на голубой пластик стола.

Вчера вот так, как сыплются сейчас иголки, оборвалась его история с Маринкой. Ему стало снова грустно — грустно оттого, что даже боли нет. Будто просто унесли из его дома цветок, к которому он привык. Немного неуютно. Или он, препарирруя чужие чувства, уже забыл, что бывают свои?

...Вчера он позвонил ей. Последнее время он звонил ей совсем редко. Слегка увлекся молодой художницей, которая оформляла его книгу, да и работа очень занимала его сейчас.

— Маринка, солнышко! Я завтра улетаю! Где встретимся?

Ему показалось, что она не обрадовалась, и это было неприятно ему. Она даже не позвала его к себе домой, и они встретились у памятника. Как когда-то, в самый ранний период их отношений.

— Ты приедешь проводить меня завтра? Нет? Почему?

— Сегодня наш последний вечер. Я давно хотела сказать тебе, но не решалась. Я выхожу замуж.

Вадим расхохотался. Марина вдруг обиделась.

— Не понимаю, что же тут смешного?

— Позвольте узнать, за кого? Может быть, ты выходишь замуж за меня?

И вдруг Вадим испугался. В его размеренную, привычную жизнь врывалось что-то новое. Оно, непонятное, уводило с собой Марину. Тогда он начал говорить очень серьезно, он хотел, чтобы она поняла его и поверила ему. И он сам тогда, кажется, верил в то, что говорил.

— Беда моя в том, что я никого не люблю. К тебе я привык, иногда мне даже кажется, что я люблю тебя — но я просто не умею чувствовать сильнее. Устал я, наверное. Ты тут не виновата. Ты очень хорошая. Если хочешь, давай поженимся. Но пойми, связать жизнь со мной — это наказание, это крест, это очень трудно. Зачем тебе мучиться?

Маринка вдруг разревелась. Потом успокоилась.

И вот она ушла.

А Вадим сидит сейчас в маленьком латвийском кафе и смотрит на опавшие иголки. И ему даже не больно. Пусто как-то. Он думает: "А что, если написать рассказ о великой любви? Гранатовый браслет наших дней. А действующие лица — я и Маринка. Она любит, но уходит, потому что понимает, что мешает моему творчеству. Именно так!"

Он быстро шел в гостиницу, он не глядел на мокрые черепицы, он не замечал дождя, не искал образов. Он уже чувствовал себя тем моряком, который повсюду возит с собой письма безумно любимой женщины.

* * *

— Девушка, вы прибрали в моем номере? Там в ящике стола были письма, где они?

— Вернулся штурман и забрал их. Он сказал, что даже пришлось остановить автобус.

Значит, все-таки великая любовь. Вадим сидел в низком удобном кресле. Чистый лист бумаги укоризненно глядел на писателя, у которого еще не было имени. Но писать о великой любви не хотелось. Ему вдруг стало жаль, что он разучился чувствовать, но ведь было, было когда-то. Когда он страдал и безумствовал, и делал массу глупостей. А сейчас, словно запаяли его в стеклянный колпак, и носит его по свету — вчера Ленинград, сегодня этот прибалтийский городок, завтра Урал. И скорость — вот единственное, что приносит ему иллюзию счастья, иллюзию Жизни. Да, вот о чем надо писать — о капсуле.

* * *

Вокруг меня сустились люди в халатах. Я пришел сюда сам. Сейчас я встал на круг, сверху опустился стеклянный колпак — и я чувствую, как тело мое охватывает состояние покоя.

Нет, я ошибся, я не хочу покоя... Я пытаюсь кричать, разбить колпак. Поздно... Я уже не могу спорить — мягкая прозрачная масса легко охватила меня со всех сторон. Поздно — я сам пришел сюда, сам назначал срок — один год. Сам выбрал маршрут — Европа, Африка, Южная Америка. Последний порыв сожаления, отчаяния захлестнуло волной непонятного блаженства.

Я вспоминаю о доме, где сейчас пусто и где больше никогда не будет Линор, моей жены, — но воспоминание не вызывает никаких чувств. А ведь это смерть Линор и тяжелое, беспросветное горе толкнуло меня на этот шаг. А сейчас какая приятная пустота в груди.

— Машина внизу! Желаем приятного путешествия! Через год ждем вас, если, конечно, захотите избавиться от капсулы. — Человек в белом халате улыбается служебной улыбкой.

Я молча ухожу. Я в капсуле — но она невидима для других, да и сам я, наверное, скоро привыкну к ней.

* * *

— Вы счастливейший человек на свете!

— Может быть. Я не понимаю, что такое счастье. Я забыл. — Я улыбаюсь. Я искренен. Но она не верит... Она смеется, как веселой шутке. Здесь, в этом курортном французском городке у моря, я слышу самым остроумным человеком.

— Вы, конечно, шутите. Почитайте вот этот роман о счастье, — какое богатство чувств, сколько эмоций.

Женщина протягивает мне книгу. Но и эта книга, которую я сам написал, тогда я был влюблен в Линор и еще писал книги, вызывает у меня только слабую улыбку. Знала бы эта женщина, что автор романа о счастье сейчас лежит

на песке рядом с ней и гладит ее волосы... Нет, я решительно забыл, как это можно быть влюбленным и счастливым.

Слезы женщин давно не волнуют меня. Я спокойно оставляю их и ухожу дальше. Нет, я не забываю их, как не забываю массы прочитанных книг, городов и стран, которые я объехал за эти полгода. Сейчас в мозгу моем все отпечатывается быстро и прочно. Я сопоставляю, сравниваю, говорю очень умные вещи и ухожу прочь.

Иногда мою капсулу кто-нибудь неосторожно задевает, и тогда мне больно. Но это чисто физическое ощущение — оно не вызывает ни страха, ни злобы на обидчика. Но я не прошью боли и стараюсь отомстить.

А вчера я узнал нечто новое о себе, вернее о том, как жестока может быть моя месть. Габриэль считал себя моим лучшим другом — и он действительно был здесь человеком, самым близким мне. Вчера мы говорили о странной судьбе Кафки, когда он сказал:

— Иногда мне кажется, что я сам, как Мак Грегори у Кафки, превратился в какое-то отвратительное насекомое. Только Грегори уже после превращения все еще чувствует себя человеком — я же панически боюсь того момента, когда все увидят, кто я, и удивляюсь, что до сих пор все принимают меня за человека. Я и сейчас одинок, тогда же останусь совсем — совсем один. Но вы, вы не покинете меня?

Наверное, я рассматривал его так холодно и брезгливо, что он понял, что я-то уйду от него первым. Он вдруг забеспокоился под моим взглядом, засуетился и сказал совсем тихо:

— Я боюсь думать о вас так, но это приснилось мне сегодня ночью, а сейчас вы так смотрите на меня, что я готов поверить в дерзкую мою догадку — скажите, что вы человек, что вы не в капсуле?...

Нет, это было слишком. Я забыл, что считал его своим другом. В эту секунду я был его судьей — и приговор обжалованию не подлежал.

— Что за глупости вы говорите? — улыбнулся я. — Успокойтесь. Вы не будете больше читать Кафку, не правда ли? — Я взял его под руку, и мы отправились в маленький ресторанчик неподалеку.

Я пил за его здоровье, он за мое; я пил за его счастье, он за мое; сегодня мне сообщили, что ночью Габриэль скончался от непонятной болезни — и врачи оказались бессильны. Я мог бы им кое-что объяснить, но предпочел сказать:

— Вы знаете, он был лучшим моим другом, такое горе, — и я пожертвовал 1000 франков для того, чтобы похороны были пышными, а памятник был достоин моего лучшего друга.

И снова в городе все только и говорят о моем благородстве. Линор я почти не вспоминаю. Может быть, желая избавиться от горя, я лишил себя счастья? Впрочем, это чисто абстрактное рассуждение — меня устраивает моя жизнь без эмоций.

Правда, я не могу больше писать — может быть, потому, что люди стали чужими мне, и я не могу понять хаоса их чувств, их поступки кажутся мне алогичными, нелепыми и смешными — я могу только презирать это племя...

* * *

Получался какой-то бред. Вадим походил по комнате. Все номера всех гостиниц похожи друг на друга. Обыкновенная мебель, одинаково равнодушная и не хранящая никаких твоих тайн, никак не связанная с тобой — она исчезает, ее не замечаешь, и можно до бесконечности копаться в своих и чужих чувствах и переживаниях...

Как заставить моего героя избавиться от этой злополучной капсулы счастья? Нет, этот унылый дождь ничего подсказать не может. Разбудить героя? Будто все это ему только приснилось? И он почувствует щемящую нежность к женщине, которой вот уже несколько лет забывает дарить цветы? Нет, это мелко и пошло... Может быть, он очнется, разо-

бьет капсулу и почувствует снова, как хороша свобода, и жар солнца, и ласковый взгляд? Но как, чем разбудить его?

Вадим был в отчаянии. Снова неудача! Еще один набросок, который годится только на растопку...

Он мучительно думал, бессмысленно и упорно глядя в окно. Автоматически следил взглядом за какой-то точкой. И вдруг очнулся — это последняя одинокая капля дождя каптлась по оконному стеклу. Тепло дымилась земля.

Он улыбнулся просветленно — ужели слово найдено!? Конечно! Вадим расхохотался, потом закурил и походил по комнате. Да, теперь все ясно. "Капсула" будет закончена!

Сила новой любви, первой любви молоденькой девушки к человеку в капсуле — вот что вернет его героя к жизни. Жаль только, что девчонка умрет — это будет его последняя жертва — она задохнется в тот момент, когда капсула от ее любви, от ее слез, от ее счастья начнет таять, испаряться — девчонка умрет, потому что пары капсулы ядовиты. А тот, ради которого она отдала жизнь, поднимет на руках ее тело — ближе к солнцу, к ветру; и безысходная мука снова войдет в его сердце, а раскаяние и боль заставит его снова взяться за перо, снова шагнуть в стремительный поток жизни.

Вадим встал, удовлетворенно потянулся. Теперь у него есть над чем работать завтра, а, может быть, и всю ночь сегодня.

"Капсула" будет написана. А пока... Он закрыл свой номер и отправился искать ту самую прекрасную латышку со стройными ногами, которая показалась ему утром похожей на Маринку — он решил пригласить ее поужинать...

ТЕКСТЫ
НОВОГО ВЕКА

УХОДИМ!

Пора уходить с этой планеты. Учебная практика завершается. Но есть одно обстоятельство, которое придает расставанию колючее чувство щемящей тоски. Прежде все было спокойно, хотя времена и крутились, как цифры в рулетке. Подопечные наши рождались и умирали, совершенствовались и умнели. И вот, кажется, поумнели до того, что я впервые испытал вкус подлинной дружбы, дружбы со своей биомашинной. И уходить теперь — это рвать нити дружбы. Вот таким образом я и понял, что стоит за строгой формулой Устава: "Не привязываться, оставаться над ситуациями!"

Я и оставался "над", пока подопечные мои были несмышлениками. А я — посадкой. Мы едины, как возница и экипаж, летчик и самолет. Экспедиции, вроде этой, нам предписывалось рассматривать как практику, как семинары личностного роста для решения задач, необходимых для эволюции Вселенной. Моя связь с биомашинной, планетой и ее Солнцем была столь же естественной, как и с родным домом на Альгаире и Голубым Солнцем моего далекого неба. Я просто жил и тут, и там одновременно. И где-то еще. Это "где-то еще", оставаясь вне поля моего сознания, проявлялось в снах, как Венеция с ее гондолами и каналами, и в этом была тайна. Потому что мир, похожий на средневековую Италию, не входил в программу моих занятий. Впрочем, я был, по галактическим меркам, еще школьником и, судя по отметкам, неплохим учеником. И вот на носу уже — выпускные экзамены.

"Уходим", — это их пароль. Впереди отдых дома, а потом снова учеба, возможно, в Академии. Главное сейчас — достойно защитить результаты практики, показать, какой она стала, подшефная моя биомашинная по имени Геннадий в результате нашей совместной работы.

В отчетах я сокращенно пишу "Глен". Мы столько земного времени были как бы одной командой. Он, уважае-

мый житель лесного края, депутат, автолюбитель и меломан, что для местных общественных деятелей совсем не характерно, — и я, летающий на звездолете. То есть никакого звездолета, разумеется, нет. Но для Геннадия-то он есть. Я почти как отец — и вот должен сыночка отпустить в мир одного делать первые шажки.

То есть, конечно, родили его земные мама с папой, но и моя роль тут не из последних. Впервые, за все время, что работаю на этой планете с биомашинными, мой подопечный самостоятельно соединил правое и левое полушария вместе, построил антакартану, сеточку из нитей света, связавших его нижние и верхние структуры. Нижние — хранящие память обо всем развитии материи, о Вечности, можно сказать, Источнике, Изначалии; и верхние, содержащие программы и пульта связи со Вселенской сетью, откуда человек может черпать Энергию, получать поддержку Высших сил. А внутри своего светового колокольчика он зажег огонек Сердца. Научился играть струями энергии, расшифровывать образные картинки реальности не земного, но другого, информационного бытия, вернее, добытия... Он сумел выйти из-под власти своей мерности — и вдруг — просто чудо! — Глен впервые сам заговорил со мной:

— Капитан, я готов к работе. Чем могу помочь? Кажется, вас зовут Сокол?

— Что за формальности! Давай на "ты", — тотчас откликнулся я. Очень боялся испугать его. Надо поаккуратнее. Но он осознал меня как нечто, от него отдельное. И это уже был успех.

— Какую работу можете мне поручить, Сокол? — мой юный друг очень нетерпелив. Но я не мог ничего ему ответить, пока не посоветуюсь со своим Учителем. Хотя я и не знаю, с кем именно советуюсь, такова уж специфика нашего обучения... Общаемся на расстоянии, как бы по радиосвязи.

— На планете существуют проблемы с уходом душ с астрального плана. Пусть попробует, — подсказал мне голос

Учителя, которого для себя я называю Авиценной. Очень мне симпатичен этот образ средневекового восточного ученого.

Так я дал Глену первое серьезное поручение. Особенность этой планеты — загрязнение астрала, очень плохая экология — и вечные ветра, непогода... Мы-то, работающие здесь, привыкли, а вот души, в посмертии попадающие в этот грязный ветренный мир, пугались, метались, не умея добраться до места назначения, определенного для них на Суде, — для лечения, исправления или отдыха. То есть их ждали кого — тюрьмы, кого — санатории, кого — учебные заведения, а они метались в вихрях песчаных бурь и мучились. У многих не хватало энергии прорваться сквозь барьер мерности. Глен понял задачу. Он стал собирать души вместе и открывал для них каналы связи с иными мерностями. Я подсказывал необходимую последовательность действий, помогал как мог, и вскоре доложил Учителю, что, хотя наш выпускник детсада и не все понимает, но фактически неплохо для начала справляется с ролью мифического Харона, перевозчика через Лету.

Бедные слабые души потекли к нему, вернее, к открывшейся новой переправе.

— Куда, стой, притормози, — ругался мой ученик на слишком уж ретивых. — Канал еще не открыт полностью, а ты прешь. Ну, теперь готово. Пошли, ребята!

И "ребята" голубыми нитями потекли в свои санатории и восстановительные центры, а те, кому были назначены места заключения, текли тоже — но уже на более темных энергиях. Их нити вились в низины таинственных лун с более плотными тяжелыми энергиями...

— Сокол, расскажи мне обо мне, — попросил однажды Глен. С этого начались наши дружеские разговоры и совместные прогулки. Иногда я брал его с собой в ночные полеты. Когда его тело спокойно отдыхало в постели, он сам путешествовал со мной. Там, где он жил всегда, была

ночь, а тут, в другом мире, царил светлый-пресветлый день. Мы мчались на поездах, летали на воздушных шарах и иных транспортных средствах по воздуху. Я остерегался демонстрировать ему полеты безо всяких приспособлений, этажи миров, крутящиеся барабаны времени — испугаю до смерти. Мы посещали театры и замки, храмы и санатории. Но и места заключения тоже. Тому, кто вступает на путь служения, надо знать, как непреложно действует Закон.

Не все сразу. У него впереди вечность. Успеет. Нельзя обучать высшей математике того, кто только что научился складывать простые числа.

Да ведь и я еще многого не знаю и не умею, и я — пока ученик. Как говорится: "Я ему один раз объяснил, другой раз объяснил, наконец, и сам понял, а он все не понимает..." Есть такая шуточка...

Знания и упражнения, которые я постепенно открывал Глену, способствовали быстрому росту его огненного тела. Он выполнял их втайне от своего окружения и от друзей. Его общественная жизнь существовала как бы в одной плоскости бытия, а духовный мир развивался отдельно, однако обеспечивал ему быстрое продвижение по социальной лестнице. Поблизости от него я не видел других таких же мужских огней, образующих мандалу, подобную его дереву, корни которого уходят к огненному ядру планеты. А ветви — к центру Мироздания. Только одно женское дерево стояло рядом. Но с тем деревом занимался не я, и у нас не принято лезть в дела коллег и соучеников. Я только знал, что Глен мой счастлив в жизни, и женщина рядом занимается медитациями вместе с ним. Восхождение моего подопечного помогало им обоим, а вместе с тем и всей планете.

Однако время расставания приближалось стремительно, быстрее, чем я рассчитывал. Его огненное тело успешно формировало следующее, кармическое, шпиль Эго. А вот этой работой занимаются обычно другие наставники. Таким образом, мне пора покидать планету.

Однажды вечером мы с Геннадием сидели на крылечке его дома, вдаль горел закат, красно-оранжевым отсвечивали облака. Дом стоял на высоком берегу небольшой таежной реки, внизу на воде качались лодки и катера, а во дворе урчал автомобиль. Семейство — жена и дети — еще копались в огороде, а он, хозяин, уже завершил работу, и теперь, полузакрыв глаза, смотрел на реку и тихо беседовал со мной. Река еще несла редкие льдины, темные и полузатонувшие. От нее пахло свежестью и ликованием весны. Кудрявые легкие облака толпились у краев горизонта, но тут, над поселком, сияло ослепительно чистое ясное небо. Как и должно быть над местом, где постоянно стоит, как телевышка, крутящийся энергетический вихрь.

— Я должен сказать тебе, Геннадий, наша совместная работа завершается. Уже завтра у тебя появится другой наставник. Но если мы с тобой работаем как бы в одной упряжке, то новый учитель будет помогать тебе на расстоянии. Может даже показаться, что ты брошен, остался один, но это не так. Со временем ты научишься ощущать невидимое присутствие нового Учителя.

— Сокол, что за ерунду ты нынче несешь! Мне казалось, что ты и я — это одно и то же. Ты — наверху, я — тут, у реки.

— Дорогой мой Геннадий, еще вчера это было так. Или почти так. Но ты сдаешь завтра экзамены, завершаешь обучение в детском саду, и должен будешь перейти в школу, в первый класс. А там — другие учителя. И твой завтрашний экзамен — это и для меня экзамен. Я сам как бы заканчиваю обучение в школе, понимаешь... Не врубаешься? Попробую объяснить иначе. Если завтра ты справишься с заданием, то получишь нашивки сержанта, а я, соответственно, лейтенанта.

— Что-то мне ситуация не нравится. Мне казалось, что мы — ты и я — это единый вихрь.

— Где-то так. В данный момент. Ты — корни, я — ветви одного дерева. Но завтра ты ощутишь себя всем деревом

полностью, от корней и до верхних листочков. И поймешь, что твой новый учитель — это другое стоящее рядом дерево — кедр, например...

— Доходчиво объясняешь, Сокол. И что мне завтра надо будет отвечать? Кто будет принимать экзамены? Напугал ты меня... Хотя бы билеты показал, а то ведь перетрухну, а шпаргалки и нет...

— Обойдешься без шпаргалки. И так готов. Расскажешь на Галактическом совете об экологическом кризисе в астрале твоей планеты. Это будет теоретический вопрос. Практическое задание будет тоже несложным: например, передать послание нижним мирам. Или залатать атмосферу у какой-нибудь планетки. Или оказать помощь обитателям Зазеркалья — например, песней сгармонизировать их пространство... Справишься...

— Что-то сложно для выпускника детского сада.

— Да ты не бойся, я буду рядом. Ежели что — подскажу...

— Слушай, а если я сдам, то что, ты совсем-совсем исчезнешь? Как же так?

— Мы будем обмениваться приветами...

— Ну, если так...

Мне вдруг показалось, что он слишком легко согласился с неизбежностью нашего расставания. И это было больно. "Практикуйте непривязанность! Живите без желаний!" — твердят нам Учителя. У них на Земле об этом говорил Будда. О желаниях как источнике страданий. Чтобы легко уйти, если Судьба прикажет. Я этому учусь. А Глен что, уже научился? Хороший у меня ученик.

На следующий день — у лесного озера — он отлично сдал экзамен. И, кажется, даже не заметил этого. Выступил перед двадцатью четырьмя старцами, как он привык выступать перед районной Думой. Изложил им все — про экологию и гибнущих лосей. Про нефть, которая заливает непроходимые болота. И про контейнеры с радиоактивными отходами, сброшенными в эти болота, так же как и в моря

и океаны планеты... Требовал восстановить центры вращения плазмы, засоренные за века так называемой цивилизации. Ему объяснили, что они, люди, засорили, им и восстанавливать. Тем из них, кто, как он, дорос до понимания источников трагедии. И он тут с ходу почистил и усилил вращение полярной чакры, лотоса планеты. Ему надели волшебное кольцо как свидетельство об окончании детского сада. А мне, соответственно, вручили аттестат зрелости. И никакой игрушки не дали. Ни короны, ни крылышек. Посмеялись и сказали, что все игрушки, если захочется, я и сам себе могу сделать...

У нас с Гленом оставалось полчаса бесценного общения.

— Полетаем просто так, без цели, — попросил он меня.

— Нельзя без цели, даже солнце светит, имея цель светить. Даже электроны крутятся, чтобы ваша материя существовала. Даже трава растет, чтобы...

— Сокол, Господи, какой же ты зануда! — поморщился Геннадий.

— Не поминай имени Господа твоего всуе, — напомнил я ему.

— Вот я и говорю, зануда! Мне почему-то кажется, что высшие цели достигаются именно тогда, когда паришь без цели, в свободном полете! Надо же иногда пить шампанское! Или ты всегда меня вел строго по плану?

— Конечно! И тебя, и всех — до тебя... А их было тьмы... Какое шампанское?!

— Да, неудивительно, что мы так медленно прорастаем к Свету Истины. Ветви вы ветви, слишком мало вольности и свободы вы даете нам, своим корням. А еще хотите быстрых результатов!

Нет, как же быстро он зазнался! Отлично сданный экзамен уже глаза Глену застит. Силу почувствовал, малец! Однако мои уроки для него закончены. Почему бы сегодня мне не опробовать его шампанского?!

— Ну что ж, полетели без цели, Геннадий!

Мы выбрались из миазмов, которые окружали его планету, — и чуть не врезались в поток астероидов. Вот тебе и полетали налегке, без транспортных средств! Ладно, я использовал свои знания, и мы успели нырнуть в тоннель иного пространства-времени. Глен вытер пот со лба.

— Ну, понял, любитель шампанского, хоть мы и летим без цели, но все должно быть просчитано заранее, чтоб не попасть в авиакатастрофу...

— Согласен, — кивнул Глен. И поднял глаза. Мы оказались в саду, где живут жар-птицы. Они тут были, как в клетке, причем их было слишком много в этой цветущей клетке. Почему-то они не могли покинуть пределы сада, носились шумными стаями, сталкивались и рыдали. Я тотчас сообразил, что ситуация выстроена для Глена. А может быть, и для меня.

— Сокол! Беда! Можно, я попробую им помочь?!

Он еще спрашивает разрешения!

Он неплохо учился и сумел рассеять тучи и снять заговор с границ вишневого сада. И грузные птицы — а это были людские души — вылетая за пределы сада, преображались... Многие из них становились бабочками. А другие — стрекозами.

— Летающие создания благодарят тебя, Глен. Голубые бабочки — одна из самых мудрых цивилизаций во Вселенной. Здесь, на Земле, мы видим как бы тень той огромной цивилизации. Ее отражение... Но объясни мне, как ты это сделал — и понял ли ты, кто были эти птицы?

— Не представляю даже. Просто я знал, что должен помочь — и помог! — вконец растерялся Геннадий.

— Помнишь, когда ты провожал души в посмертии, одно из мест назначения было не подготовлено к их приему. А ты их туда отослал. Это было твоей ошибкой. Вот они и мучились. Сейчас ты исправил ошибку.

— Никогда бы не подумал, что вот так я исправляю свои прошлые ошибки. Я ведь хотел полетать без цели...

— Милый Геннадий, твой полет без цели — это выполнение реального дела Бога. Ты становишься его рукой, когда знаешь цель — но еще более — когда ты ее не осознаешь.

— Значит, я не свободен? — вдруг что-то понял и даже испугался Глен.

— Наоборот. И ты, и я свободны, как свободен и сам Господь. Мы свободно выполняем свою волю, как его; а его волю, как свою. Но мне пора возвращаться домой, на Альтаир. А тебя встречает твой новый Учитель. Видишь светлое пятно на горизонте?..

Геннадий поглядел туда, куда потянулись хороводы бабочек — и тут же пропал из моего поля зрения. Унесся вместе с новым учителем.словно две бабочки мелькнули вдаль. И в тот же миг все длинные века моего обучения в школе свернулись в хрустальную горошину. Я держал ее на ладони, стоя уже не на дорожке цветущего сада, а на берегу канала Венеции. И к мостику подходила гондола.

— Привет, Сокол, — сказал Гондольер, — Ты превосходно сдал экзамен вчера и переведен в Академию. Твой воспитанник — отныне сам ученик Школы. А ты будешь осваивать и дальше науки со мной. Как и все эти последние годы. Начинаются каникулы. Твои родители на Альтаире уже заждались. Отдохнешь, а там снова учеба и космическая практика.

Гондольер протянул мне руку — и я легко ступил в лодку. Как странно, что я никогда не знал и не видел этого, такого родного мне человека. Вот с кем я советовался, когда сомневался в ответах, вот кто был моим наставником! Впервые я смог увидеть его! Вот он какой, молодой, веселый, с легкими морщинками у глаз! Венеция, Венеция, где бывал я в своих снах, когда Учитель беседовал со мной!

— Но мы-то с вами не расстанемся? — вдруг спросил я его, все еще думая о моем юном Глене, выросшем из коротких штанишек. О Глене, который из биомашины превратился в Человека Вселенной, которого я полюбил как сына,

нарушив строгий запрет "не привязываться", вернее, разрешение "любить, не привязываясь".

— Еще не скоро. Но когда-нибудь расстанемся и мы. А пока поплывем, мой юный друг Сокол, в океан чистой потенциальности, куда брошено тобою зерно намерения. Уходим, Сокол, уходим с этой планеты. Ты и так задержался здесь дольше других. Наши ребята уже давно начали забирать своих... Взрослеют земляне, повышают свои вибрации, мы с тобой здесь уже не нужны...

— А как же те биомашины, которые не успели сформировать огненные тела?

— Не задавай лишних вопросов, Сокол, — Гондольер легко оттолкнулся веслом, и Венеция растаяла в сиянии Света. Мы перешли в состояние парения...

НУ, КТО ЖЕ ЗНАЛ?!

Мы с моей дражайшей половиной — стройненькой, милостливой, увлеченной не столько моей персоной и домашним хозяйством, но своей музыкой (Лидия что-то там ведет в музыкалке, и дочь нашу туда же водит) — ссоримся ежедневно и ежедневно же миримся. К этому за десять лет супружества и привыкнуть бы можно, но я все хотел что-то и как-то переиначить.

Когда возвращаюсь с работы, а работаю я механиком в автохозяйстве — там грязь, понятное дело, ругань, шум, станочки, машины урчат и все такое — дома хочется покоя и тишины. А я получаю музыку! Гаммы, арпеджио, этюды, вокал и прочая, и прочая... А теперь еще и дочь, любимая, обожаемая моя Юленька, садится за пианино, когда оно освобождается...

— Могу я попросить немного тишины в этом доме! Меня и так целый день нет, играйте и пойте себе на здоровье!

Моя старшая красавица надулась. Отвернулась и молчит. Но как же она хороша! Волосы длинные, мягкие, нежные, светлые — блондинки всегда вызывают особый интерес всех мужчин без исключения. Потому я немного ревную. Тем более, что Лидия недавно перестала заплетать длинную косу и стала сооружать на затылке нечто невообразимое. Для своих несмышленишек-учеников, которых она учит играть на пианино? Вот и думай тут...

— Я ж тебя люблю, Лидия, тигра ты моя... Не злись и не обижайся!

— Но ты меня не ценишь и не уважаешь. И про мою работу знать ничего не хочешь. Я тебе нужна только вот тут, дома, для удобства быта...

Да такое просто нельзя говорить, вредно для здоровья, и своего и родного мужа. Допрыгается Лидия... Кажется, мог разгореться семейный скандал. Тучи сгустились. Но умнее

всех оказалась наша дочь, золотоволосое создание, дерзкое и нежное, стрекоза моя Юлька.

— А что у нас сегодня на ужин?

Дочка выручает. После размолвок обычно следует примирение. Логика элементарная. Снова садимся посидеть тихо, по-домашнему. Картошечки жареной Тигра моя приготовила, я заранее и чукушку купил... Этакая демонстрация лучших чувств и семейного единства.

— Завтра я еду в Еловое. Просят в жюри посидеть на конкурсе, детки так замечательно поют. Возьму с собой Юльку. Пусть послушает. К тому же там горы, озеро, лыжные трассы замечательные, еще и покатаемся.

Эта вечная сладость — "детки поют", и опять жена с дочкой уезжают вместе, а я на все выходные — один. Конечно, я могу с мужиками на рыбалку зимнюю. Но не такой я большой любитель рыбалки, — видно, буду спать, телик смотреть. Но что мне этот телик? Я готов взорваться! Ее работа, да, конечно. Ее работа — и бесконечные отлучки, разговоры бесконечные о музыке, о концертах, конкурсах, решениях жюри... И еще она на сцене в концертном платье — и все на нее будут пялиться! Какому мужу это может понравиться?! Но я не хочу ссориться...

— Тост за понимание, — поднимаю я рюмку с кагором. Алкоголь у нас не приветствуется, но кагор — это церковное вино. Святое дело. "И оставь нам долги наши, яко и мы оставляем должникам нашим". А Лидия молчит и улыбается загадочно. Я поправляю нежные волоски около ее ушей.

Я готов их целовать всегда. Особенно когда она спорит или вот так упряма. И она смеет сомневаться в моей любви!

— Я хотела бы поговорить еще о понимании. Твоя любовь, то, что ты имеешь в виду, — продолжала рассуждать Лидия, — это тысячная доля истинных чувств, которые обозначаются этим термином. Еще у Платона сказано, что любовью называется жажда целостности и стремление к ней. А большинство браков заключается по притяжению сексу-

альному — и таких людей, с которыми ты гармоничен по низшим уровням, — на самом деле тысячи. А любовь — это более высокое чувство. И по мере того, как ты поднимаешься в своем развитии, все меньше становится людей, кто мог бы составить для тебя вторую половинку. На уровне сердца таких людей — один, два. А может, и совсем нет твоего человека, второй половинки, в это время на земле. Еще не родился.

— Но я-то у тебя есть. Что за мрачные мысли? Или ты полагаешь, что я для тебя супруг лишь по уровню выживания?

— Я же не о нас конкретно, я теоретически рассуждаю.

Юлька, которой надоела роль без слов и наши бесконечные перепалки, перед самым моим носом хлопнула в ладоши. Однако, когда я строго поглядел на нее, живо опустила голову — ангел мой златовласый — и начала старательно размазывать по столу лужицу из пролитого молока.

— И кисельные берега, — комментирует ее действия Лидия. Мать, как и дочь, умеет быть таким невинным ребенком. Меня это порой умиляет, а порой сердит. Сама в игрушки играет, вместо того, чтоб сделать дочери внушение, мол, за столом не балуются, и вообще, когда я ем, я глух и нем...

— Пролитое молоко — это добрый знак, — жена еще и в рассуждения пускается. — Молочные реки, кисельные берега — это в сказках рай, Ирий по-славянски... Значит, все в нашем доме будет хорошо. И мы созданы друг для друга...

— Добрый знак, и то слава богу. А то я испугался, что ты со своей философией заведешь нас, Тигра, в свой тигринный лес!

— Заведу, заведу, конечно, заведу! А как же иначе! Пошли! — она шутила, конечно. Но в этот момент Юлька-стрекоза, устав от наших умничаний и перепалок, второй раз хлопнула ладошами перед самым моим носом...

То, что произошло в следующий момент, я отказываюсь считать реальностью. Сон! Или не сон и не явь.

В этой полуяви я держал за руку Юльку. Мы стояли на обочине дороги, а вдаль была видна чистенькая аккуратная деревенька. Полутьма, нет, скорее это полутень. Но лес — если, конечно, это лес — где-то очень высоко, в поднебесье... А здесь вдоль дороги тянутся ввысь столбы, такие огромные, что я даже и не сразу могу осознать, что это, возможно, деревья, а мы с Юлькой — лилипутики у основания этих стволов. Нет, это не были деревья — уж точно, я знаю, как росли в родной моей дедовой деревне душистые липы... Все это больше походило на рост гигантских трав — с бешеной скоростью — и их веера уходили высоко в поднебесье. Каковы же будут тигры в этом мире? Я помнил последние слова жены и ждал тигров. Что за приключение приготовила нам моя супруга? Она пианистка — и, наверное, это реализовались какие-то ее мелодии, сказки, оперы... Что там еще может быть?!

Я ждал угрозы. Но вдруг зазвучала нежная музыка. Откуда она плыла, было непонятно. То ли из окон избушек, то ли ветер пел, то ли трава, листва... В такт открывались и закрывались окна настоящих маленьких домиков.

Даже для нас с Юлькой дома казались игрушечными — и в окнах никто не показывался. Как будто им было запрещено, как в поэме Теннисона про леди Годиву. Правда, кое-где колыхались занавески, будто кто-то тайно наблюдал за нами. В некоторых окошках сушились грибы — наверное, это грибы. Или один гриб, разрезанный на множество частичек...

— Интересно, это белые? — Юлька тоже разглядывает детали нового мира. Интересно, что и она и я на удивление спокойны. Ноль эмоций. Ни паники, ни страха. Напротив, на душе удивительно легко. Я уже понял, что тигров здесь не будет.

И все-таки кто же они, здешние обитатели? Что сейчас придумает дочерь?

— Вот еще? Зачем это я буду придумывать! Я знаю! Это деревня гномов. Иначе — лесовиков, — она отвечает на мои мысли прямо с обидой. Всезнайка!

— Брошенный поселок. А люди уехали. Вырубили участок леса и переехали на другой. Леспромхоз, наверное, тут был...

— Папка, ну что ты говоришь! Какой леспромхоз? Во-первых, у нас зима, а тут лето, может быть, даже вечное лето. Во-вторых, папка, это же понятно, что мы в сказке. Здесь живут гномы. Никуда они не переезжали. Просто кто — на работе, кто — в школе, все как у людей. Ну, а старые да малые сидят дома и поглядывают на нас с тобой из-за занавесок тюлевых.

— Умная какая. Все ты у меня знаешь. Тогда сообрази, как нам с тобой домой попасть...

— Домой! Папка, да я никогда ничего смешнее не слышала! Только мы сюда приехали, даже оглядеться не успели — и домой! Я в жизни никогда гномов не видела. А вдруг они будут не против со мной поиграть?! Это ты взрослый, тебе, наверное, скучно.

Юлька вдруг резко выдернула ладошку из моей руки — и понеслась — куда?

— Юлька, стрекоза, вернись!

Она оглянулась, и тут я поразился — огромная бабочка с белым кантом осторожно, как в замедленном кино, села ей на запястье.

— Папа, бабочка мне сказала, что наша мама тоже тут. И мы с тобой, то-есть все-таки ты, должны ее найти! И тогда мы все вместе вернемся домой! — Юля не говорила, она шептала, боясь спугнуть добрую бабочку.

Наконец, бабочка расправила свои узорчатые крылышки и взлетела...

— Как мамино платье — желтые, — все еще шепотом сказала дочь. Да уж! На всем этом приключении с самого начала лежал явный отсвет последних слов Лидии. А сообщение бабочки окончательно прояснило, что дело темное. Учудила супруга, нечего сказать! Но как на нее злиться! Сейчас и сама, наверное, плачет! Волнуется! Муж и дочь у

нее потерялись! А то, что сама и постаралась нас отправить неизвестно куда — этого она, скорее всего, и не понимает.

Да и мне трудно разобраться, куда же это мы попали. Детям проще — они живут в сказках... Вот и Юлька совсем осмелела, танцует на лужайке с гномами. Пока мы разбирались с бабочкой, гномы вышли из своих домиков, и теперь со скрипочками, дудочками, раковинами пели, играли с моей ненаглядной дочуркой. Причем интересно, что не она танцевала под музыку, но музыка словно возникала из движений ее тела. Где-то я читал, что наши ученые сумели разложить движения мышц, трансформировать их в мелодии. И вот тут — как будто из ее жестов, приседаний, поворотов, движений рук рождалась музыка — а гномы только наигрывали ее.

Я не хотел им мешать — пусть дочка потешится. Тихонько отошел к изгороди, сплетенной из прутьев, — и вдруг понял, что я, взмахнув руками, взлетел на нее. Это было довольно приятное ощущение. Оторопь охватила меня чуть позже, когда пришло осознание, что не руками я взмахнул, а крыльями. Оказывается, я успел обрасти перьями...

Эта внезапная трансформация внесла в ситуацию дополнительный "икс". Как мне теперь общаться с дочерью? Как искать Лидию — и как выбираться отсюда? Мыслил я, слава богу, по-человечьи, а не то полетел бы сейчас над лесами-полями — и память бы потерял о жене и дочери. Память еще при мне, и то плюс. А в самом деле, недурно бы поохотиться за зайчишкой, например...

В этот момент я понял, что я не из тех маленьких полезных пичуг, которые вредителей полей собирают и для которых в былые времена пионеры ставили скворечники. Увы! Я птица большая. И гнезда выю на скалах. Летаю над лесами и лугами... Высматриваю сусликов всяких, зайчат... Дались же мне зайчата! Я расправил крылья и оглядел себя. Чувствую, что крылья огромного размаха, но вот новая странность! Я не видел своих крыльев. Я не видел себя!

Попробовал взмахнуть — все на месте, вся птичья сила и краса — при мне. Ничего себе — да я теперь птичка-невидимка. Как же я буду разговаривать с Юлькой, она меня просто не увидит!

— Подойди сюда, Юля! — голос у прозрачной птички совершенно нормально человеческий. Юлька оглянулась (она теперь в мяч играла с гномами) и помахала мне рукой:

— Все в порядке, папа!

Носится в своем платьишке, в котором дома за столом с нами сидела, и товарищи ее смешные, неуклюжие, все в больших шляпах — а тоже хотят в мячики играть... Лесовички милые...

Интересно, она меня видит или просто на голос откликнулась? Удивляться тут уже не приходится. Будто мы в стране чудес Алисы — героини Льюиса Кэрролла. Алиса там просто так себе гуляла, а нам как-то надо Лидию найти. Бесцельно, видимо, здесь не бродят. Раз уж сюда попал — значит, за важным делом стражи этого мира допустили.

И не зря же я превратился в птицу. Наверное, нужно опробовать крылья. Только как пролететь между кронами в вышине?

— Полечу, — уже не слова, но клекот какой-то вырвался из моего горла, но слово-чувство-мысль: "Юлька!" — остановило меня.

— Да лети ты, папа! Не беспокойся обо мне. Я же тут с друзьями.

Значит, она понимает, что я — птица. Но вдруг, полетев, я забуду все, кровь птичья вскипит, понесусь за зайчишкой... А как же Юлька здесь?

— Лети, папа! — повторились в ушах слова дочери. И я взмыл...

Стремление лететь было сильнее всех человеческих и даже отцовских доводов. Проскользнул сквозь могучие кроны — это был хвойный лес — ели, пихты, редкие березы — и самые высокие, пышные, могучие кедры с их длинными

иглами. Домиков гномов стало не видно совсем. Я летел над излучиной реки. Внезапно ощутил легкий удар в грудь, как будто пересек какую-то границу.

И тотчас заливные луга засверкали, заискрились снегами. И тут же я углядел зайца, прыгающего с прижатыми ушами. Снег! Зима оставалась там, где был наш дом, музыкальная школа, мой автопарк. А там, где с гномами играет моя дочурка, вечное лето. А я лечу в зимнем небе. Причем тут я настоящая, а не прозрачная птица, я вижу себя... Такой поворот событий не сулит ничего хорошего. Как же там среди гномов останется моя Юлька?

Неимоверным усилием воли я отвел глаза от зайчишки — как же близко и ясно я его видел, как мог сейчас точно спланировать! Нет, надо возвращаться! Сумею ли я найти тот промежуток между кронами, куда нужно планировать... Отчаянно, почти не веря в успех, я сиганул сквозь хвойные колючки — снег посыпался на проблески лыжни. А вот и та изгородь, около которой резвились гномы с Юлькой. Но я не вижу ничего живого. Снег, снег, снег...

Лишь в тот момент, когда мои мощные, когтистые лапы уцепились за поперечину изгороди, в тот же миг я снова ощутил теплый ветер и увидел дочку и гномов. Господи! Благодарю тебя, Господи! Прости мне все мои прегрешения! Радуйся, Дева Мария, Бога Живого родшая! Слова молитв лились из моего клюва рекой... Я, кажется, и молитв-то никогда не знал, ан нет! Слова приходили сами собой.

Я понял, что больше мне нельзя подниматься в воздух — а вдруг я уже не найду дороги назад? И останусь птицей? И что тогда станет с моими женой и дочерью? Грустно я сидел на изгороди, нахохлившись, задумавшись. Юлька почувствовала, видно, что я опечален и подошла ко мне:

— Пап, ты что?

— Юля, ответь серьезно, погляди на меня. Ты меня видишь? И как видишь?

— Ну, подумаешь, птичью маску надел. Меня ведь не обманешь. Слушай, пап, а может, нам тут костер развести, картошечки попечь? Я что-то проголодалась.

Тут я опять вспомнил того зайчишку, что петлял по снегу, и отогнал воспоминание. Я тоже проголодался, но даже дров для костра не смогу принести. Или в клювике?

— Не смей меня, папа, — сказала дочь голосом Лидии, — дрова я сама найду, а картошечку мне лесовички обещали...

Я вдруг понял, что, как и все звери и птицы, ужасно боюсь огня...

— Я подальше разведу костер, ты тут сиди, — отвечает дочь на мои невысказанные сомнения... Вот уже тащат малышки картошку в мешках — и целые деревья волокут для костра. Первый дымок заставил меня слететь с изгороди и подняться повыше, на дерево. Я поприветствовал могучий кедр и пожелал ему стоять тут еще три века. И тут же рядом со мной вдруг очутилась странное создание. Тоненькая, словно веточка, девчушка малехонькая, с вьющимися волосами, светлоглазая — и в зеленой юбчонке.

— Привет, Александр. Отец, лесной царь, послал меня ответить на твое приветствие и в ответ пожелать тебе доброго здоровья. И спросить, не нужно ли тебе чего?

— Спасибо, милая душа дерева, красавица-сильфида! Нужно, очень нужно. Может быть, ты подскажешь, как тут мне найти мою жену, Лидию? Желтая бабочка сказала, что ее нужно тут узнать. И только тогда мы всей семьей вернемся домой.

Задумалась лесная девочка. Потом заговорила:

— Бабочки — мудрейшие дети Бога. Их слова — истина. Но не на ветвях деревьев надо искать твою потерю. Спусти вниз, к моим водяным сестрам, ундидам.

— А как я вызову их? Как спрошу?

— Вот тебе гудочек. Подуй в него — и ундины-русалочки к тебе выплывут. Ответят на твой вопрос.

— Спасибо, милая душа дерева. Пусть растет ваш лес, пусть растет твое дерево и дышит свежим воздухом, и пьется чистыми водами.

Еще раз я поклонился малышке светлоглазой — и слетел вниз к ручью. Гудочек держал в клюве. Юлька подбежала сразу же. Видно, не выпускала меня из поля зрения.

— Пап, ты с кем там разговаривал наверху?

— Думаю, что с душой кедра. А ты, небось, с саламандрами, духами огня?

— Точно. Они сказали, что я на них похожа.

— Конечно, ты же у нас рыженькая, золотая, огненная. А сейчас мы с тобой попробуем поговорить с русалочками. Сильфида дала мне свирельку, и сейчас мы будем вызывать русалок. Ну, а что мы им подарим? Без подарка нельзя.

— А что ты подарил душе дерева?

— Молитву, благодарность, пожелание.

— Прекрасно. Мы подарим русалочкам песенку. Я спою; мы с мамой недавно разучили новую песенку...

Я подул в гудочек, а Юлька запела "По морям, по волнам", а потом "Капитана". Через несколько минут из воды показались веночки из кувшинок, а потом и две сестрички-близняшки, наверное, похожие как две капли воды. Милые, любопытные. Русалки с нами и разговаривали вместе, дуэтом, в голос.

— Привет трубадурам! Спасибо за песни! Узнаем дудочку нашей сестрицы из кедровника. И что же вы хотите от нас, птица-орел и девочка Юлия?

— Помогите, милые девушки! Нам сказала бабочка, что где-то здесь находится Лидия, моя жена и мама Юлии. Мы должны найти ее, и тогда нам откроется дорога домой. А мы не знаем, где искать ее. На вас вся надежда.

Головки тотчас скрылись. То ли не знают, то ли с отцом, речным царем, поплыли советоваться. Юля взяла у меня дудочку и заиграла. Наверное, не зря она учится в музыкальной школе: получилась настоящая песенка, печальная,

нежная, лирическая. Наверное, Юльке тоже сильно захотелось домой, к маме...

Веночки, а потом и две милые головки снова показались и опять заговорили в голос:

— Мы знаем, как помочь вашему горю, да сказать не можем. Это загадка, ради этого вы здесь. Птица-орел, вам следует самому догадаться. Сидите тут, на берегу — никуда не улетайте и не уходите. Это наша подсказка. Спасибо вам за песенки, мы их так любим и так редко слышим...

Ждать? Чего? Но русалочки-двойняшки уже скрылись в темных водах. Только пузырьки и легкое волнение воды говорили о том, что русалочки беседовали с нами. Юлька села на бережок, загрузила. Я прикрыл ее крылом — и начал молиться. Я просил прощения. Благодарил небо, и Солнце, и звезды, и месяц за то счастье, которое мне подарила Лидия. За Юльку дорогую нашу. Я прощал и Лидию, и себя — за наши пререкания. Просил, чтобы мне было даровано счастье сейчас, на этом бережку увидеть и узнать Лидию — в каком бы облике она ни появилась. Тигра моя... В дальнейшем все будет в нашей жизни отлично, только теперь бы мне узнать ее!

Юлька сидела молча, прижавшись, поглаживая мою птичью голову. Вдруг я ощутил, как резко напряглось тело дочери. Что такое? Я приоткрыл одно веко...

К берегу медленно, переваливаясь, топала большая неповоротливая гусыня, а за нею — выводок гусят...

— Лидия! — заорал я.

— Ну что ты кричишь, как оглашенный! — жена сидит с бокалом в руке, — Я жду-жду, а ты в свои мысли ушел, да так далеко. Ну, наконец-то вернулся, и мы пьем — за что? За взаимопонимание. Так?

Ее слова настолько точны, что можно подумать, что она отслеживала все наше путешествие, точно по видео. И как это я сумел узнать Лидию в Гусыне? Чудеса! Сам-то я кем

был? Прозрачным орлом. А она — вполне реальной видимой в том мире добрейшей птицей с выводком птенцов, а вовсе не дикой кровожадной Тигрой. Впрочем, гуси умеют щипаться. Но все равно, они мирные, не то, что орлы. Те зайчишек ловят, бр-р-р!

То, что я был прозрачной птицей, — это хоть и трудно представить, но я это пережил сам, и сомнениям нет места. К тому же ментальный мир — это мир форм. Пустотные формы, как в модельных цехах делают для отливок. Мой орел — модель орла? Орел — мужское начало Мира. Орел составлен из миллионов душ в поэме о рае Данте; Орел глотает души в книгах Кастанеды (так верят индейцы); орел красуется на гербах государств и знатных родов... А почему Лидия вдруг там предстала в виде Гусыни? Что мы знаем о Гусыне из мифов?

— Сказки матушки Гусыни! — Оказывается, Юлька очень внимательно следит за моим мыслительным процессом. Хоть переходил на бессловесный, образный метод размышления, чтоб дочка тебя не слышала...

— О чем вы опять? Какие сказки! — Лидия бросает непонимающий взгляд на дочь.

Я молчу, не встречаю. Матушка Гусыня, Матушка Гусыня. Земля? Все живое на Земле? Материя как таковая — в противоположность энергии? Я, как мужчина, олицетворяю непроявленный аспект, а Лидия, женщина, — аспект Бога проявленный. Богиня! Никогда не задумывался над тем, что моя родная жена — проявленный аспект Бога. То бишь Богиня. Простенько так.

— Папка? Ну, вот, допёр, наконец-то!

— Юля! Как ты смеешь так разговаривать с отцом! И в какой руке ты опять держишь вилку!

— Я понимаю, что выразилась некорректно. Отец — непроявленный аспект Бога и заслуживает всяческого уважения. А женщина — проявленный... Папа, а я ведь тоже, я ведь тоже...

— Юлька, что ты понимаешь в аспектах! Ты обязана с родителями разговаривать вежливо.

— Хорошо, мам...

Дочь вышла из-за стола и запрыгала. Развита и смышлена не по годам. При этом невоспитанна и избалована. Или они теперь все такие, дети Индиго? И все же... Скоро дочь вырастет, и уже не будет прыгать вот так беззаботно, разучится читать мои мысли, забудет о былой дружбе с гномами и русалочками, перестанет петь поутру, заплетая свой хвостик. Как забыла о своем божественном происхождении Лидия. Она — Гусыня, душа Земли...

— А я не забуду, а я не забуду! — прыгала моя егоза, моя Юленька!

Лидия смотрела на нас странным взглядом, отсев подальше на диванчик, как в театре. Потом молча встала и начала одеваться.

— Пойду погуляю на лыжах. А то завтра опять сидеть в зале на концерте деток, в жюри конкурса.

— Я с тобой! — поднимаюсь я. Хотя и терпеть не могу лыжи. Но сегодня я видел лыжные следы, когда летал над лесом. Почему-то думаю, что это мы проложили лыжню...

— А я посижу за компьютером. Гуляйте, гуляйте, — лукаво поглядев на меня, разрешила нам дочь. Конечно, она сегодня уже вдоволь нагулялась в компании гномов, русалок и прочих обитателей царства камней, травы, воды, леса... и довольненька!

ПРИВЕТ ИЗ ЕГИПТА

Серая пыль стлалась за повозкой. Я сидел под палящими лучами и понимал, что сейчас мы приедем на площадь — и отгонял мысль о том, зачем меня, связанного, везут туда. Я мог жить только на море, свободным. И вот оказываюсь пленником... Страха не было, я молча ждал.

О, господи. Я же девушка, почему же "я сидел, ждал, отгонял"? Но об этом надо подумать потом. Пока же повнимательнее следить за развитием событий на площади. Какой же это век?

Глянул на свои босые ноги. Они были перемотаны разлохматившейся, но еще крепкой веревкой. Шум южного приморского разноголосого рынка приблизился — Египет, это Египет! — и я уже издали видел несколько повозок и блестящие от пота спины чернокожих. Рабы, здесь торгуют рабами! Вот что! Но до разума моего все еще не могло дойти, что и меня, рулевого Фрэда, везут сюда с той же целью. В голове смутно вставали недавние картины — вздыбившееся море, треск рвущихся парусов, гибель судна, борьба с волнами... Потом память отключалась — и лишь скрип колес возвращал меня в это душное утро. Где же осталась столь любимая мной морская прохлада?!

И тут снова моя душенька всколыхнулась. Какие-то северные моря?! Да я отродясь с Урала не выезжала, пока в Москву не вырвалась. И только все мечтала съездить к морю. Хотя не к северному, а самому теплему, хоть в Турцию — куда сейчас отправляются все, кому не лень...

Отгоняя нелепые картинки "фильма", который я видела с такой яркостью, что стала буквально задыхаться от духоты, я повернула на себя кольцо прохладножужжащего вентилятора. Это он, наверное, в моих мечтаниях и приносил

ветерок с моря. Затем принялась дальше подпиливать ноготочки хозяйке нашего салона, всегда подтянутой яркой ящерке, сидевшей за моим столиком. Работа маникюрщицы требует внимания, но иногда движение пилочкой, доведенное почти до автоматизма, позволяет мыслям уходить далеко в нереальные миры или другие исторические эпохи. Как вот сейчас.

Но ведь надо как-то помочь этому несчастному моряку-бородачу, он такой милый... Но как я, девушка из другого века, могу это сделать? Стоп. А если посчитать, что все возможно, как будто я и в самом деле снимаюсь в кино, действую там, на экране...

Очевидно, я должна помочь не просто некоему Фреду из средневековья. А вот, наверное, еще и нашей хозяйке, которая сидит себе и ничего такого не думает. Ей делают маникюр. Она позволила себе расслабиться и отдохнуть — заодно проверить профессионализм своих сотрудниц. Профессионализм о-кей, а вот что до фантазий... Я мысленно выскакиваю из толпы, вот что, я, оказывается, болтаюсь в толпе зевак на грязной узкой улице, и одним движением — ну как же, своими маникюрными ножничками, — ослабляю пути несчастного. На лице моей клиентки появляется легкая улыбка. Так это я все-таки для вас, уважаемая Калерия Петровна, стараюсь!

Есть суровый закон, где-то я слышала. Оказывать помощь другому можно только в том случае, если тебя об этом попросят. Разумеется, когда ты врач, а у тебя пациент в бессознательном состоянии, то действует другой закон — клятва Гиппократова. Если моя визави не попросит, я не могу вмешаться. Поглядела со стороны — и только. Зачем тогда я наблюдаю это "кино"?

И тут, словно подслушав мои мысли, Калерия тоном экзотолога спрашивает:

— Пожалуйста, Машенька, что ты порекомендуешь даме, если у нее слоются ногти. Вот я как клиентка спрашиваю...

Я рассказываю про препараты с кальцием, а сама понимаю, что Просьба, хотя и достаточно условная, прозвучала. Слово произнесено, и я должна попробовать изменить ситуацию.

Но как? Просто распустить узлы — это делу не поможет. К тому же веревки крепкие. Все же снова кидаюсь к повозке и пытаюсь разрезать веревки, но дюжий возница просто отгоняет меня, щелкнув кнутом. Надо что-то другое.

Быстренько придумываю историю. Однажды наш Фред плавал на одном корабле с приятелем, предположим, его звали Гансом. Потом этот друг разбогател — ну, конечно, они были пиратами! Небось, немало людей замочили, пока разбойничали на морях. Испанцы? Нет, моря ведь северные... Норманны? Те тоже — где только и не плавали... Морские волки. И занесла их нелегкая на Средиземноморье... Ганс стал богатым торговцем, а Фред попал в бурю, судно погибло — и вот он здесь, на невольничьем рынке. Видно, за немалые грехи страдает. Раскаивается — или еще не понял, что пора искупать вину? А у бывшего пирата Ганса появилась возможность сделать доброе дело — чтобы хоть немного облегчить свою посмертную участь. Они ж верующие все были, индульгенции покупали... Теперь-то он благопристойный член общества, уважаемый торговец. И вот сейчас обзаведется новым рабом. А что? Хорошая мысль.

Я обвел глазами площадь — и вдруг, в сумятице криков и смеха мне послышался знакомый голос. Черт! Он звал меня по имени. Вернее, прозвучала моя кличка, морское имя — Камнетес — так меня называли на судне за силу и умение крушить самые крепкие каменные стены крепостей и бросать ядра на корабль, который мы атаковали. А, может быть, и потому еще, что когда-то я мечтал стать скульптором — и в минуты досуга — а в море свободного времени достаточно, вырезал фигурки рыб, птиц, людей из дерева и мягкого камня. Но голос, взорвавший мою апатию и уны-

ние, затих. А глаза мои задержались на мужчине, в расплывшейся фигуре которого я смутно угадывал что-то знакомое. Он подошел и стал торговаться с моим возницей. Тот только что, хлестнувши плеткой, отогнал эсеницу, совсем еще девушку, которая из жалости, наверное, пыталась ослабить путы на моих ногах. Ганс (черт, да это точно Ганс, мой старый товарищ, но как же он изменился за эти годы!), увидев грубость и жестокость моего владельца (да и мы с друзьями всегда были такими же), не захотел, наверное, подать и вида, что решительно настроен купить меня. Иначе этот паук такую цену заломит! Друг мой присвистнул моряцким посвистом — сигнал, похоже, мне подавал, чтобы я не терял надежды, — и начал что-то обсуждать на незнакомом мне языке. Я понял лишь, что они торговались. Ганс сплюнул и долго размазывал плевок. Потом сделал вид, что уходит, потеряв интерес к сделке. И тогда хозяин рванул за ним. Мол, сброшу цену, только бери! День, видно, был очень неудачным для торговли, но оказался на редкость удачным для меня. А ведь все, кажется, летело в тартарары... И тут такое счастливое стечение обстоятельств! Между прочим, когда я попал в неволю, я обет дал небесам, что, ежели выберусь из этой передраги, непременно займусь каким-нибудь стоящим делом. Хоть проповедников-миссионеров потащу через море-океан к дикарям — в христианство обращать. Или рвану в Новый Свет — говорят, там всех принимают. Просторы немереные. Только паши землю, разводи скот.

Ганс! Он стаскивает меня с повозки и сам кнутом проезжается по моей спине. Хохочет, подталкивая вперед... Или я ошибся, и это не Ганс?

И только, когда мы завернули за угол узкой и душной улицы и оказались в тени зеленого куста, друг обнял меня и простонал:

— Прости, Камнетес, я обалдел, увидев тебя. Не мог поверить... Ты или не ты?

— Это я, Ганс, это я. Обычное дело — буря.

— Считай, что твои зловключения закончились... По крайней мере, на время. Я ведь знаю, в себя придешь — и снова — в море...

— Как получится, хотелось бы, конечно. Но плеткой ты меня хорошо отделал... Спасибо.

— Ну, довольно уже стараться, Мария, вижу, ты дело свое знаешь. Спасибо, рассчитаюсь в аванс, — наша холодно-строгая мадам заметно повеселела и вдруг зачирикала разные добрые слова, которые я слышала от нее впервые. Видимо, почувствовала, но не поняла, что же сейчас произошло. Причем столь важное, что изменит многое в ее судьбе. Из какого такого рабства я ее вытаскивала? Может, муж пьет? Господи, да что ж это я? Ну, конечно, пил, но ведь она давным-давно с ним развелась. Или Калерия наша встретит свою судьбу и освободится от какой-то тяжелой зависимости? Бизнес у нее пойдет еще лучше. Прикупит себе еще парочку салонов? Станет законодательницей мод? Впрочем, дальше я уже не фантазировала.

Я подумала, что теперь такое "кино" буду смотреть постоянно, раз открыла "Сундук Пандоры". Нет, не то. Пандора из греческой мифологии — это какие-то страхи, а у меня — надежды. Однако, в тот день после хозяйки клиентки приходили одна за другой, но ничего из ряда вон выходящего не происходило. Видимо, моего куража и фантазии хватило только на один эпизод — зато с самой важной для всех нас, парикмахерш и маникюрш, дамой — хозяйкой, нашей бизнес-леди Калерией. Может быть, завтра я снова "увиджу" что-нибудь интересное. И моя скучная жизнь обретет остроту и любопытную изюминку. У других — кавалеры, особенно у девочек из мужского салона. А я лишь женские руки вижу. У меня — только фантазии, но зато какие!

Увы, следующий день и череда последовавших за ним ничего нового не принесли. Все заурядно. Снятие лака, об-

работка, наращивание ногтей... и прочая и прочая... Запах лака — он преследовал меня...

Однако реальность того эпизода была столь яркой, что я, как наркоманка, по вечерам в моей съемной квартирке, когда все ровесницы бегают на свидания или дискотеки с друзьями и подружками, вновь и вновь возвращаюсь к этому странному переживанию. Поняла, что господа стоят на вершинках пирамиды общества, а рабы — у ее подножья. Но есть закон рокировки. И известная поговорка "из грязи да в князи" — как раз об этом. А вот чувство равенства — оно сродни братству, отношениям в одной семье. Этот дар небес — умение в любой ситуации ощущать себя свободным человеком, не господином и не рабом, но Личностью независимой — стоит дороже недвижимости в Москве. В те средние века свободных людей, как мой Фрэд, наверное, было совсем немного. Общество растило для себя рабов и слуг, с одной стороны, и господ — с другой. Для чего я влезла во всю эту историю, как мне казалось, совершенно чужую, трудно понять. Я как раз свободный человек, сама приехала в Москву, сама зарабатываю свой хлеб и никого ни о чем не прошу. Ничего нового и более путного в этой истории мне не открывалось, и я решила, что, наверное, грибочков объелась. Говорят, что такое бывает. Лучше забыть.

Однако дальше произошло нечто, чего я уж никак не могла предположить. Все мои рассуждения о господах и слугах, хозяевах и рабах, возникшие в моей голове в связи с "галлюцинацией", — так я окрестила произошедшее, обрели вдруг некий фундамент, обросли мясом и стали реальностью.

Хозяйка нашего салона, которую я обслуживала в тот день, когда морячок Фрэд впервые возник в моей жизни, тощая и властная Калерия, дама одинокая, как и многие бизнес-леди, попросила меня покараулить ее квартиру и покормить кота Ганса, пока она прокатится на отдых в Египет. Видимо, после того памятного дня, когда я делала ей

маникюр, она стала меня как-то выделять среди других. И я согласилась, хотя мяукающих и царапающихся созданий этих вовсе не люблю. Предпочитаю собак.

И лаская ее пучеглазого бесшерстного кота, эдакого египетского божка, я поймала себя на мысли, что выступаю в стопроцентно лакейской роли, тем более, что девочек-парикмахерш мы с хозяйкой в известность не поставили. Это была как бы наша маленькая тайна. Я себя ощущала пойманной в капкан — и отказаться нельзя — работаю же у нее, и соглашаться, как мне казалось, было унижительно. А какое же было в колодках моему герою — свободолюбивому морскому волку Фрэду! Наверное, и ему, и мне нужно было вырабатывать смирение.

Через пару недель из дальних странствий вернулась Калерия, загорелая и посвежевшая. В своей шикарной квартире она как бы вполне по-дружески рассказывала мне о морских погружениях и странных рыбах-монстрах, которых она там видела. Разумеется, после моего подробного отчета о поведении кота во время ее отсутствия. И еще моя хозяйка поделилась своей любовной историей. На два дня ее изголодавшееся по любви и вырвавшееся на волю сердце завоевал некий капитан торгового судна. Почему-то, когда я услышала о моряке-англичанине Альфреде, ревность обуревала меня. Уж не мой ли Фрэд из древнего Египта прислал приветик? Точно. Но зачем она его затащила в постель? Об этом не было сказано прямо, лишь намеком... И еще. Калерия мне подарила камушки с берега около Александрии. И я снова воочию увидела этот эпизод моей фантазии — невольничий рынок, солнце — и Фред, которого охаживают по потной спине кожаной плетью. Но ведь он-то встретил друга и потом, с его помощью, снова вернулся в море...

Я знаю, что вся эта история как-то странно — через века — касается и меня. Иначе откуда бы взялся реальный Альфред, как бы передавший мне приветик через Калерию?!

Я поняла только одно: я и моя хозяйка, и этот странный

человек из моих фантазий, встреченный Калерией в путешествии, как-то связаны. Но я не хотела никаких отношений с собственницей нашего салона, кроме чисто производственных. Невозможно, не бывает дружбы хозяина и обслуги. Ладно, пусть мягче — капиталиста и рабочего человека. Я не желала быть служанкой. Наверное, нет никакого унижения в том, чтобы убираться в квартире в отсутствие хозяйки и ухаживать за ее египетским кастрированным голым зверем. Если это работа, за которую платят. И тогда все ясно, а тут... Будто подруга, а это явно не так. В сущности, она ничего не знала о моей жизни, да и не очень интересовалась.

Я предприняла решительный шаг, чтобы разорвать это странное прикрытие, решила уволиться. Стала искать другую работу. А это оказалось нелегко. Тем более, что нужно было сменить и квартиру — просьба сидеть в отсутствие хозяйки с котом прозвучала скорее всего именно потому, что я жила неподалеку.

Не сразу, но все же мне удалось перевести всю свою жизнь на новые рельсы. Наверное, помог камушек из Египта, который я привыкла держать в кармане. Я ушла из салона. Это, похоже, крупно обидело хозяйку. Когда я однажды решила позвонить ей, чтобы, как принято, поздравить с 8 марта, она холодно ответила:

— Спасибо. Мария, пожалуйста, сделай милость, не звони больше. Кто предал наше общее дело, того для меня не существует!

Вот так, не больше и не меньше. Общее дело — это ее собственный салон. Я покосилась, но скоро успокоилась. Меня волновало только одно, как я теперь "увидю" своего Фрэда. Я уже свыклась с его "присутствием" в моей жизни. Но он возникал в моем воображении только, когда рядом оказывалась Калерия. Неужели теперь он останется лишь в воспоминаниях?!

Безнадежность, пустота и ощущение остановившегося времени... Нужно было эту черную полосу как-то пережить. Почему-то я знала, что все это не может вот так закончиться-

ся. Нужно только терпеливо ждать — и не пропустить... Чего? А Бог весть... Просто быть внимательной к мелочам. Каково же было мое удивление, когда на моем столике в новой парикмахерской, где я теперь работала, очередная клиентка позабыла глянецовый журнальчик. Из тех, где печатаются брачные объявления. И я совершенно нечаянно — ну, конечно, по чистой случайности, на открытой странице прочитала текст: "Альфред Камнетес, без в.п., с ж.п. ищет даму сердца для серьезных отношений. Телефон..." Фантастика! Без вредных привычек и с жилой площадью... Вот это Знак Судьбы. Я позвонила тотчас.

Мне ответил девчоночий голосочек:

— А, вы по объявлению, наверное. Папа в рейсе. Он будет через неделю. Перезвоните...

— А тебя как зовут? — дрожащим голосом спросила я.

— Ой, — захихикала девочка, — у меня очень смешное имя, Калерия. Можете звать меня просто Лера. Вы перезвоните?

Вот и сошлись звенья разорванной цепочки. А если еще угадаю — про кота? Неужто сойдется? Тогда это точно судьба!

— Лера, послушай, а котик у вас есть?

— Да, котик есть. У нас мамы нет.

О, эта детская непосредственность! Мое сердце стучало так, что било в виски.

— И этот котик породы донской сфинкс, без шерсти, точно?

— Гансик -то? Да-да. А вы откуда знаете?

— Я не знаю. Я подумала, это редкая кошачья порода. Из Египта. Лера, я обязательно перезвоню. Обязательно.

Я положила трубку. Еще и Гансик, это уже перебор! И все же... Что же случилось с его женой? И кто он? Моряк? Летчик? Дальнобойщик? Железнодорожник? Или все-таки морской волк?! Без разницы. Главное уже произошло.

Теперь-то мы будем вместе. Быть может, нет, я уверена — мы будем счастливы. Когда же он возвращается из рейса, мой камнетес Фред?! Еще надо бы узнать, почему он написал в объявлении "камнетес"?

ПТИЧКА ДЛЯ СЧАСТЬЯ

Случилось так, что в квартире моей вдруг начала выходить из строя электроника. Сначала замолчали два сотовых телефона. Один — для разговоров по Билайну, по специальному тарифу "Вся страна", с дочерью-москвичкой. По второму я обычно общалась со всем остальным миром, который располагался в круге с радиусом в два шага от моего дома. С подругами юности, коллегами по библиотеке. Я забеспокоилась, но еще не поняла, что стало причиной неисправности...

Потом вдруг умерла микроволновка. Но когда погас телевизор, и кухонное радио не захотело со мной разговаривать, вот тут я не на шутку испугалась. Еще свет и воду осталось отключить, да и газ вырубить...

Впрочем, у меня было предположение, в чем причина всех моих бед, но я и думать себе об этом не позволяла. Неужто все это проделки птички, что живет в моем воображении, — срунда, право! Хотя в славянских ведах все боги могут воплощаться в пернатых. Богини и боги... Впрочем, вряд ли это имеет отношение к моей курице. Неужели это она натворила бед?..

Прежде всего, было досадно, что я не могу позвонить Таточке. Уже четыре года, как дочь уехала, а я все не могу привыкнуть к одиночеству. Сама-то она не позвонит. Некогда сейчас, ребеночек малый на руках. Да и нет у молодых такой манеры нынче — родителям звонить.

Наталья недавно сказала мне по телефону: "Да нет, мама, не трудись, не приезжай. Мы с мужем пока как-нибудь сами управимся!" А я бы очень хотела потрудиться! Давно мечтала о внуках. Тату только что выписали из роддома, а в столице в июле 2010 года стояли непомерная жара, гарь и дым, и я очень беспокоилась. Хотя Таточка и уверяла меня, что все в порядке, они на лето даже сняли квартиру с кондиционером. А в своей завершал ремонт Артемий, ее муж.

Не успели они управиться до родов. Ну, что ж, бывает...

Дочь, отучившись в родном городе, вышла замуж, улетела покорять столицу. Я тяжело переживала разлуку. Но смирилась. И вот теперь Таточка моя родила, и я, зная, как тяжело женщине в этот период с лялькой, всеми мыслями и душой была с ней.

Пришлось смиренно принять роль бабушки, живущей за тридевять земель, на расстоянии в две тысячи километров. Как обычно, работала себе в библиотеке потихоньку-полегоньку. С мужем мы разошлись давно уже. Красавец он был, с харизмой, как теперь говорят. Вешались на него многие. И одна молодушка увела его из дома окончательно. Но эта боль, слава богу, кажется, отболела. Забота теперь осталась лишь о дочке.

Я звонила в Москву ежедневно. Этого дочь не могла запретить. И все же отпуск свой я держала про запас. Даже без содержания мне бы дали. Хоть год по семейным обстоятельствам. Я уже говорила с заведующей. Та обещала отпустить в любое время, а в связи с приближающимся капитальным ремонтом библиотеки, полагаю, меня тотчас без сожаления всяческого отправили бы в длительный отпуск. Я так хотела увидеть внучку! Поддержать на руках. Молодые сотрудницы библиотеки, как могли, отвлекали меня от дурных мыслей. Напротив, поддерживали, поздравляли и убеждали, что все идет как нельзя лучше. И я соглашалась. Таточка и Лера здоровы, и что еще надо!

Даже в театр в культпоходы мы всем женским коллективом ходили. А тут как раз объявление в фойе библиотеки повесили, что семинар интересный готовится — по психологии успеха. Я сразу-то и не подумала пойти. Но коллеги уговорили: мол, предпенсионный возраст вовсе не помеха для обретения яркой и насыщенной полноценной жизни — и я ринулась как в омут. Боялась, что там соберутся одни двадцатилетние, и мне будет неловко. Но сбежались, как оказалось, в основном дамочки моего возраста. Две наши

молодые библиотекари, как только бесплатная вводная часть завершилась, — сразу слиняли. "Семинар о том, как стать успешным и обрести счастье в жизни" им, видно, показался ненужным. Или им не показался ведущий Евдоким — долго-вязый и неухоженный психолог из Москвы, явно не представлявший из себя образчик денежного благополучия. А все ведь теперь только о финансовой составляющей и думают.

— Придумали мама с папой ему имечко! Мог бы поменять на что-нибудь поблагороднее, — пощечетали мои красавицы и улетели тотчас же. Тем более что заведующая официально отпустила нас на семинар — для повышения квалификации. И два дня теперь мои юные подруги могли посвящать себе, любимым. И своим гражданским мужьям. А уж отчетик после семинара о занятиях для пользы библиотечного дела мы соорудим вместе. Я им все-все законспектирую в лучшем виде.

С большим вниманием слушала лекции о необходимости позитивного мышления, записывала тщательно и аккуратно и делала упражнения на перепрограммирование своего отчаяния и уныния в самочувствие счастливого идиота.

Рецепт: Любовь, Творчество, Воля и Гармония в жизни. При этом необходима твердая уверенность, что все, что ты хочешь, ты уже имеешь. Конспектик после семинара по пунктам я своим коллегам и изложила. Они, конечно, похихикали.

— Вы столь старомодны, что верите в любовь? — воскликнули в голос. — Любви нет! Дальше идем. Что там? Творчество, да где его взять? Разве что в процессе приготовления ужина дома?! Не у нас же в библиотеке?! А уверенность в будущем — что вы, в самом деле?! Все в стране летит в тартарары уже почти четверть века... В библиотеке начинается ремонт. И где мы будем? Что с нами будет?

Совсем напрасно я пыталась поделиться с нашими библиотечными дамами новым радостным мироощущением, которое проблеснуло было во время семинара. Из-за скеп-

сиса моих собеседниц я даже не упомянула о птичке, чтобы не рассмешить их еще больше.

Дело в том, что под занавес каждому из участников ведущий подарил на счастье жар-птицу. Не реальную детскую игрушку, а воображаемую, конечно. Рекомендовал о подарке не забывать, кормить, поить, гулять отпускать. Станный он, этот психолог.

Я, конечно, о птичке забыла. На работе некогда вспоминать о таких пустяках. То то, то другое. Свежую прессу и вновь поступающие книги надо хоть проглядывать, чтоб быть в курсе, знать, что людям советовать. Значит, успевай как хочешь. Последнее время еще компьютерную грамотность требуют. Часа два посидишь, уставившись в монитор, в глазах рябь. А сколько бумажной работы с картотекой! Сейчас перед ремонтом еще начали описывать и все книги в пачки увязывать. Потаскай-ка! Кажется, не такая уж и тяжелая работа в библиотеке, но возраст мой и разные стрессы, которые долгие годы плодали душу, — все это сказывается. Болячек букет. После рабочего дня ноги гудят, только бы поесть что-нибудь — и на боковую. Ночью опять мысли всякие, бессонница одолевает... Перебираешь события дня и события всей жизни как четки...

Лежу так, себя, бедную, никому не нужную, жалею, слезы вот-вот хлынут. И слышу вдруг вполне так реально: "Ко-ко-ко да ко-ко-ко!" Курица! Хотя психолог и уверял, что он нам вручает жар-птицу, но я как-то о курице подумала, видно, курицей моя жар-птица волшебная и обернулась.

— И что она хочет? — подумала я.

— Пить, есть, гулять, играть! — тут же пришел ответ.

Я ее якобы попоила, зерна воображаемого насыпала. И отпустила погулять. Интересно, что после этой детской игры я как-то сразу и крепко спокойно уснула, как уже давно не спала.

На следующий день — как раз выходной был, суббота, — я осталась дома. Чтобы прибраться, приготовить кое-что, есть-то все равно надо, хоть и одна живу. Про курицу и думать забыла. А напрасно.

Включаю микроволновку – кашу подогреть, а она не врубается. И не только она. Вся электроника в доме спит мертвым сном. Неужто курица все это светопредставление может мне устроить?!

– Ау, жар-птица. Ты где?

– Тут, хозяйка, я тут. Жду, зернышек не дашь ли, поклевать очень хочется и попить водички.

Тут я разозлилась. Но пыталась держать себя в руках.

– Ешь и пей, ради бога. Но ответь, не твои ли это проделки – с электроникой, а?

– Я стараюсь как могу. Ты сама говорила, что хочешь дома тишины и покоя. Я лишь твои заказы выполняла. Я ведь волшебная жар-птица, ты забыла?!

– Пожалуйста, не надо никаких чудес. Пусть все работает, как должно. И телефон, и телевизор, и микроволновка, и радио... Можешь разве что звук сделать получше, чтоб без треска, а? Прошу тебя.

– А ты не забудешь про зерно и воду?

Что делать, я пообещала не забывать. И честно выполняла свое обещание. Должна признаться, курица меня не подвела, электроника моя включилась и даже мой старенький телек, которой вечно показывал мне полосы и серые тона, стал работать почти идеально. На все сто. Как никогда прежде. Даже приятно.

Но я рано начала радоваться. На следующий день, жду я маршрутку ехать на работу, подкатывает совершенно пустая. Водитель чуть не матом ругается. Всегда переполнено, а тут весь народ как корова языком слизнула. Никого нигде. Я одна ехала, как королева.

– Ну как, ты довольна, хозяйка? – услышала я смешок и "ко-ко-ко", когда вышла из микроавтобуса.

– Опять ты шутики шутишь! Да ведь водитель ничего не заработал за утро. А у него, наверное, жена, дети. Я и в толпе проеду, ничего не случится.

– Ну, зачем же в толпе? – грустно ответила курочка.

И замолчала.

Впрочем, на этом ее попытки порадовать меня не прекратились. Иду я, а тротуар скользкий, и вдруг несколько человек падают один на другого. Встают, потирают колени, ругаются. И тут над ними вспыхивают искры фейерверка. Люди удивленно уставились вверх.

– Весело же, ты порадовалась? – интересуется курица.

Я всерьез обозлилась.

– Это жизнь, а не театр. Не цирк. Это живые люди. Какой праздник, фейерверк? Все торопятся на работу.

– Но они даже не ушиблись. Просто было радостно всем, – совсем грустно сказала курица. Нет, мы с ней совсем не понимали друг друга.

В этот миг я приняла решение: пока московский маг не укатил в свою Москву, верну-ка я ему волшебную птичку-невеличку. Пусть как хочет, аннигилирует ее, что ли...

И моя курица, уловив, наверное, эту мою мысль, замолчала. Весь день на работе я не ощущала никаких следов ее присутствия. Только когда ложилась дома вечером спать, вдруг услышала:

– Но покормить-то меня надо бы... ты обещала...

Что ж делать, покормила, но все равно решила с утра лететь к психологу. Евдоким встретил меня угрюмо. Похоже, он уже знал, с чем я к нему явилась.

– У меня уже целый птичник. Что ж, оставляйте, не хочется, но придется, наверное, всем вашим возвращенцам секир-башку делать! Значит, я чего-то не доучел. Местных условий, скажем.

Я ушла, но на душе было как-то беспокойно. Ничего себе – секир-башку?! Похоже, я немного привыкла к моей курице, и мне стало ее жаль. Однако дело было сделано.

Несколько дней прошли в обычном ритме, скучно и однообразно. Ничего особенного не происходило. Электроника моя работала как часы, и телек показывал отлично, но звонков из Москвы от дочки как не было, так и нет.

И вдруг утром в воскресенье, мой выходной день, я проснулась от стука в окно. Или мне показалось? Встала, подошла к окну, потянулась и открыла форточку, чтоб проветрить комнату.

И поняла, нет, скорее почувствовала, что в мой дом ворвалась целая стая волшебных пернатых. Весь птичник возвращенцев! Это моя курица Ряба привела сюда своих дружков и подружек. Значит, Евдоким не решился сделать им секир-башку. Просто отправил полетать в лес. А они погуляли и вернулись ко мне. На кормежку.

Господи, да как же я обрадовалась! Конечно, я им насыпала целое ведро воображаемого зерна. Молодец моя курица Ряба, что вернулась, да еще с компанией, значит, простила мне обиду.

И все же я сказала ей:

— Не обижайся на меня, ладно. Я очень-очень рада твоему возвращению. И всех твоих товарищей я буду поить-кормить, не сомневайся! Только не надо больше чудес...

Птичка долго кивала головкой в знак понимания.

Однако буквально через час раздался звонок из Москвы, от Таточки.

— Мама, а ты не могла бы приехать ко мне на недельку? Артемия посылают в командировку, я остаюсь одна. Приезжай, а?

Тут бы мне повыламываться, сказать, что я летом хотела ехать, а теперь вот погода уже не та. Но я, ни минуты не сомневаясь, выпалила тотчас:

— Сейчас созвонюсь с начальством — и лечу! Родная моя!

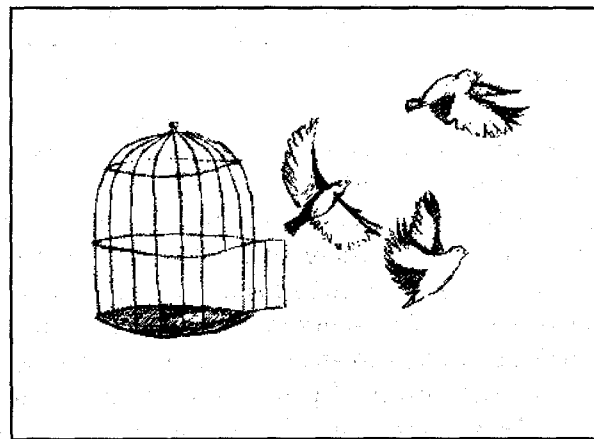
Начальство, по счастью, в это воскресное утро оказалось дома, мы договорились, что все документы на десять дней без содержания оформим по приезду — и я поехала на вокзал. И билет мне дали на ближайший скорый до Москвы. И даже нашлось нижнее место в плацкартном вагоне, поближе к проводникам. Все в лучшем виде.

А еще в поездке я познакомилась с человеком, чем-то похожим на моего бывшего мужа. Гордой офицерской статью и мягким тембром голоса. Почему-то я поняла, что это птички заботятся о моем счастье. Я об этом уже и не мечтала. А вдруг?!

На перроне меня встретил зять.

— Едем. Наташа ждет нас, стол накрыла. А я вас отвезу — и в аэропорт, улетаю в Германию в командировку на недельку.

Мои птицы копошились возле меня на заднем сиденье — я кормила их, счастливо и умиротворенно ощущая, как они клюют зерна с моей ладони.

АККУРАТНАЯ ОТСТАВКА

Вчера мне позвонили из администрации Губернатора и сообщили, что срочно надо приехать в Большой город для важной встречи на ковре. Причем звонила мелкая сошка. Из чего я заключил, что дела мои, видно, совсем плохи. Нюхом почувствовал недоброе.

За годы работы на руководящих должностях я привык к синусоидам. Качели вверх-вниз. И надежда выкарабкаться и показать им всем, что почем, никогда не оставляла меня. И выкарабкивался. Из самых паршивых ситуаций...

До последней минуты и на этот раз надеялся, что гроза пройдет стороной. Однако... После назначения нового Губернатора многое изменилось. С прежним-то мы были ко-решами, и в том, что два моих уголовных дела растаяли, как дым, я вижу и его дружеское участие, но время-то идет вперед. Новый губернатор — о, ужас! — это дама, а дам я воспринимал всю жизнь в основном как приятную компанию и предмет для радостей телесных. Доверительных деловых отношений не сложилось. Увы!

То, что реально случилось сегодня в Большом городе, и вспоминать не хочется. Даже не Сама Дама, а ее зам буднично скучным тоном изложил мне, что я освобожден от исполнения своих обязанностей... И говорить, что какие-то там выборы были, что выиграл, что район на хорошем счету... — все бесполезно. Просто аккуратная отставка. На "пензию"! Без вежливых улыбок и орденков для утешения самолюбия. Нынче не церемонятся!

Что ж, поеду к дочери в Московию. Хотя, и ей от отца только переводы нужны. Финансовая поддержка, так сказать.

Ну, тогда будущее придется строить с юной женой — а Верочка моей дочки моложе — так что! Утешение мне на склоне лет. Могу себе позволить такую красоту в доме, такую радость для глаз и прочих частей тела и души. Поедем

в мой шикарный, недавно отстроенный, коттедж в областном центре, не напрасно я выбрал запасной аэродром специально подальше от глаз местных юристов-оппозиционеров. Правозащитнички хреновые! Газетку "Голос правды" открыли, гласность развели в отдельно взятом районе.

Но я же действовать привык, сгнию в болоте на пенсии, заскучаю... Хотя бабок хватит прожить безбедно. Да и бизнес мой меня поддержит, капает по чуть-чуть...

Что же теперь делать? Небо, помоги! Ну, ангел мой, Андрей Первозванный, или не первозванный, но все равно Андрей, где ты!? Ты так хорошо мне служил прежде, не зря же я церкви нашей из года в год богатые подарки делал. Даже икону большую купил. С Богородицей. Помнишь? И кресты придорожные у райцентра по моей инициативе поставили... Средства-то мой супостат, лесной генерал, мешок денежный местный, выделил, но идея-то моя была... Послужи же еще, подскажи, помоги! В храм, что ли, зайти, постоять. В Большом городе людей много, меня, хоть я и крупногабаритная фигура, не приметят... А вот и церква. Перекрещусь для порядка. Ангел, помоги!

"Ну, что ты, Андрей, как малый ребенок, опять орешь? Помню, последний раз я вопли твои слышал, когда тебя в тюрьму уехали. Выдернул я тебя из застенков, в которые ты попал совершенно за дело, по справедливости, и сидеть бы тебе — не пересидеть. Откаты твои — по 10 процентов — весьма увесистыми были, и доказательства оппоненты собрали вполне убедительные. Но ты так отчаянно звал меня, что я внял твоим мольбам, понадеялся, что осознаешь, со мной в дружбе жить дальше захочешь. Хотя душенька твоя давным-давно упала в глубины адовы, и ты без нее по жизни гарцуешь... Но я тебе с разрешения самого высшего начальства еще одну красавицу-душеньку приготовил. Сидит, ждет. Если бы ты, Андрей Павлович, искренне раскаялся — получил бы новую душу. Вот ведь как велика

щедрость Творца. Я и мечтаю, что ты покаяние принесешь, старой душе своей посмертие облегчишь, новую примешь, добропорядочным гражданином станешь. Был же ты прежде нормальным мужиком, добрым, веселым. Помнишь, даже на гармошке играл... Вот и жду, что расквесишься... Все надеюсь. Мне ж тоже без работы болтаться смысла нет. Понимаешь, меня с самого рождения к тебе прикрепили, и я как бы двоечник теперь оказываюсь, раз не сумел тебя на добрый путь наставить. Пока ты по земле ходишь, я на скамейке запасных сижу. Меня никому другому не отдают. Вдруг ты опомнишься — и я тебе еще пригожусь. Вот и сижу, дремлю. Иногда получу пинок-нагоняй от Высших сил, придумываю тебе очередные конфликты и беды — может, испытания твою головушку чему-нибудь научат... Ан нет! Вот, приказали мои начальнички на этот раз насовсем отлучить тебя от должности: может, хоть это тебе на пользу пойдет. Так что не держи обиды, я как бы не по своей воле. Но ведь расчет-то верный был. Тут ты и вспомнил обо мне... Хотя, что это я тебе объясняю, ты ведь меня все равно не слышишь... Зато все-таки чувствуешь. Вот к церкви я тебя за руку привел. Входи смелее. Да перекрестись! Хоть подумай, пока в храме стоишь, прошлое свое повороши, может, доброе что в голову придет..."

Запах ладана в полутьме, мерцание свечей, покорные фигуры молящихся — все это мне напоминало день отпевания супруги моей Александры. Крест положил широко и степенно, поклон отвесил. Слезы навернулись. Нет, я никак не могу винить себя в ее смерти. Да, некогда было мне заниматься ее здоровьем. У меня общественные дела, командировки. Все разваливалось — и нужно было хоть видимость работы создавать. И чтоб деньги в район из окружного бюджета потекли... Ох, и нелегко было строить этих новоявленных коммерсантов, маленьких местных олигархов. Чтоб они знали, кто в доме хозяин. Чтоб сами несли мне мою честную долю.

Ну, а уж тех, кто верно служил, я ищайкам прокурорским-милиейским не сдавал. Сам — да, сам мог тасовать карты как хотел: сам и казнь, сам и милую. Я, а не судебная мелюзга.

Александра не могла понять новых веяний. Учительша, что с нее возьмешь. Да ведь и я бывший педагог. Ну так что? Времена-то изменились. Из прекрасноты и "принципов" теперь шубу не сошьешь.

Да тут еще у меня интерес проснулся к певичке одной. Из учителей музыки. Увы, оказалось, что крепость эту взять можно было только через загс, такая несовременная красавица целенаправленно искала мужа. А я тогда был еще женат. Но до ушей Александры донеслось. Доброхотов-то много. Удар, конечно, для нее был. Но вначале жена еще держалась как-то. Только вокалисточка — это что... цветочки.

Вскоре в администрацию пришла работать красотка одна, умница, этакая штучка, аспиранточка-заочница, стройненькая, блондинистая, глаза с поволокой. И случилось же так, что она к тому же и ас по компьютерным делам оказалась. И я попросил ее меня поднатаскать — интернет, то, се, с подчиненных требую, а сам чайник чайником. Ну, вот и позанималась она со мной. Овладел я — и науками компьютерными, ну, а заодно и наукой страсти нежной... Тут уж сплетни поползли по всей округе. Шила в мешке не утаишь. Александра стала требовать развода. Я объяснил, что первые лица в районе не разводятся. Так вот все и развивалось...

Был и еще один момент. Коммунальный. Жила наша семья, пока дочка училась в школе, в обычной квартире. Приватизировали, все было сначала как у всех. А потом, когда дочка уехала учиться в Москву — заплатить, конечно, немало пришлось, жилье старое продали. Надо было квартиру для дочки покупать в столице. Купили, извернулись. А самим-то как жить? Тут был дом построен — с сауной и бассейном, каминным залом, все по высшему разряду — как

бы гостиница для высоких гостей из области, из Большого города. Я подумал, что в райцентре нашем отель пора закладывать новый. А у этого особнячка просто статус помешали: стал он общежитием. И, соответственно, я с семьей в эту общагу поселился. И платили мы как за общагу. А Александра свое совдеповское воспитание переломить не могла. Ей, видите ли, людям в глаза стыдно было смотреть. Народ нищает, совхозы-миллионеры развалились, обанкротились все, леспромхозы на ладан дышат, а мы тут сидим, жизни радуемся. Я ей говорю: "Ты хотела землицу, чтоб цветочки выращивать? Так сади, расти и радуйся! Увольняйся из школы — пора! — и займись домом, обустраивайся!" Так предпочла впасть в уныние, депрессию! И вот результаты.

Нет, не могу я винить себя в смерти супруги. Сама виновата. Не успела за временем. И оно ее смяло. Скорый поезд быстро летит...

Написал я на листочке за "упокой" несколько имен — жены бывшей Александры, родителей моих умерших... За "здравие" себя и Верочку, супругу молодую. Батюшка поймет. И, обновленный, вышел на паперть глотнуть свежего воздуха. Надо возвращаться домой. Освободить общежитие. И определяться с дальнейшим маршрутом. Верочка, наверное, волнуется.

Однако храм и вправду успокаивает. Хорошо, что на службу зашел, постоял. Возраст свой уважать надо, о душе думать. Блаженство, тишина. На лице сама собой возникла полуулыбка.

"О, он там, на земле, вдруг обо мне, о душе своей, вспомнил. А о том, что уже столько лет живет без меня, и не подозревает. Когда это случилось? Когда отлетела от него я, его страдающая душа? Да, это произошло в тот же день, когда умерла его жена Александра. Он был так спокойно деловит, устраивая пышные похороны. Ее-то душенька в

чистилище, наверное, искупает свою вину. За то, что не сумела его остановить на пути падения. А меня за смертные грехи тяжкие засосало в черноту зияющих зловонных провалов. Я тут, в глубоких ущельях, мучаюсь, жрут меня черные покрывала, похожие на медуз, и вновь, и вновь оживаю я, а они снова жрут... Андрей, чьей душой я была, там, наверху, жизнью наслаждается. А ведь раскайся он искренне, вот сейчас, в церкви, и моя судьба стала бы другой. Меня бы светлый ветер поднял повыше, туда, где нет этих страшных черных покрывал, и страдания мои стали бы не столь мучительными. Бесконечные муки облегчились бы..."

Общежитие мое — мой дорогой коттедж — встретило меня странной тишиной. Обслуга, она, понятное дело, разбежалась. Такие новости летят впереди самолета. А вот где Верочка моя ненаглядная? Совсем недавно мы связали себя узами законного брака, чтобы рты заткнуть всяким критикам и завистникам, — и я, конечно, уже соскучился.

Странно, но ее шкаф опустел. Она забрала свои вещи и смылась! В голове не уместилась эта неожиданная выходка моей красотицы, которую я нынче свозил в Италию, а в прошлом году мы катались на слонах в Таиланде. Глупая, как бы скверно для меня ни складывалась ситуация, супруге своей я всегда обеспечу превосходную жизнь. Тут же набираю номер ее сотового. "Выключен или находится вне зоны..." Вот дур-ра! И все же торопиться не следует. Переживем и пройдемся. Не на того напали... Красоток еще на мою долю хватит. Главное, сохранить и приумножить бизнес. Вывести его частично из тени — чиновнику ведь не положено было иметь посторонние прибыли. Только зарплату. Так что приходилось прикрывать свои бизнес-проекты. Теперь можно ими заняться вплотную. А Верочка? Может быть, она вернется, когда поймет, что меня не так просто вышибить из седла — такой был когда-то, в послевоенные годы, популярный стишок. Из школьной программы. А не вернется суп-

руга, не пожалею. Нет, не пожалею. Пусть она локти кусает. Значит, будет другая длинноногая красавица рядом.

Повоюем еще... И за бизнес, и за власть... Решили, что в отставку отправили! А может, я не соглашусь, а? Есть и повыше и поважнее Лица. Нет, хорошо смеется тот, кто смеется последним!

“Ну, вот и снова надежды на раскаяние моего подопечного не оправдались. Отрешение Андрея от должности, увы, не помогло. И новая душенька, которая стояла в очереди на вселение в человеческое тело, ушла, плача. И мне, ангелу его несчастному, впору заплакать. Нагоняй снова получу...”

СУД ДА ДЕЛО

Однажды Дама с бриллиантовой брошью увидела сон. А надо сказать, что никаких снов наша Дама, скромная чиновница с нескромными запросами, обычно не видела или не запоминала их. А тут...

К ней подходят — во сне — две очень серьезные девушки с распущенными голубовато-зелеными волосами — боже мой, как только люди не красятся! — что у них, хвосты с чешуей? — нет, вроде обычные девушки. Тихо-тихо берут ее за руки с двух сторон и ведут к берегу. И она идет как бы не своей волей. Оба ее сына между тем тоже присутствуют в этом сне. Не шевелясь, сидят на берегу и молчат. Просто наблюдают. Почему они не остановят этих злодеек? Во сне Дама понимает, что она уже шагает по воде, и дно уходит из-под ног, становится все глубже. Сейчас она утонет. Ей становится страшно. И она кричит в ужасе.

В тот же миг картинка меняется. Теперь она сама сидит на зеленом взгорье и смотрит, как загипнотизированная. А два ее сына, точно сомнамбулы, бредут вслед за девушками в воду. Те смеются и манят их. А они, ее дорогие, любимые сыночки, шагают околдованные... И уходят все глубже. Глубже...

— Нет, нет! — снова вырывается из ее глотки совершенно нечеловеческий крик. И девушки ее услышали, остановились... Все исчезло.

Дама проснулась в холодном поту. Что же означал этот страшный сон? Какая беда грозит ее сыновьям и как все это связано с ее жизнью? — понять было невозможно. Но и забыть про этот ночной кошмар, отмахнуться от него — тоже. В эту ночь ей больше не удалось уснуть. Бродила по квартире, переставляя чашки, включая и снова выключая телевизор.

Даму с бриллиантовой брошью год назад пригласили работать в Ганинскую районную администрацию, предложи-

ли возглавить отдел по сельскому хозяйству. И жила она одна, в ведомственной квартире. Казенная чужая мебель, вокруг холодно и пусто. Семья осталась на прежнем месте. Дома. В Индринском районе. Муж-зоотехник и старший сын с женой, оба тоже, как и они с супругом, закончившие сельскохозяйственный институт. Однако на селе они уже не работали. Занимались какими-то новомодными компьютерными делами. Деревня, рыбалка, грибы — все это перешло в разряд развлечений, отдыха для души. Младший еще учится в Большом Городе. Банковским деятелем мечтает стать. Забудет и запах навоза. Отходят молодые от обычаев рода. И все же, что за опасность нависла над ее гнездом?

Однако утро уже вступило в свои права. Нужно было отставить в сторону свои семейные волнения — они не по делу! — и спешить на работу. Руководить!

Задача: довести до ручки сельское хозяйство в районе. Хотя на словах, конечно, у здешней экономики самые прекрасные перспективы. Между тем, Дама с бриллиантами имела свой собственный интерес в родном районе, Индринском. А именно — бывший процветающий совхоз с молочными фермами, конезаводом... Большое и успешное хозяйство принадлежало ей фактически, хотя и не формально (чиновнику не положено заниматься коммерцией). А рынок сбыта был общий — у двух районов — соседний Городок. И конечно, устранить конкурента в Ганинском районе Даме с бриллиантовой брошью всегда было ой как охота. Так что она согласилась занять высокооплачиваемое местечко у соседей с большим удовольствием. Тем более, что и зарплата была просто мечта. Бриллиантовая брошь в ее приглашении на новое место работы также сыграла свою немалую роль.

Знали ли об ее истинных намерениях и дальних планах те, кто тасовал фигуры в колоде VIP-персон? Конечно, знали. Они вели свою игру.

Главное лицо в этой пухлеке — благородный Пиковый Король. Умеющий скрывать личную заинтересованность,

говорить так тихо, что было слышно, как муха летит, сколько бы ни собралось подчиненных вокруг, какое бы важное совещание ни происходило.

Два соседних района давно конкурировали и обменивались руководящими составами. Один комплект — направо, другой — налево. Одни — в оппозиции, другие — у кормила власти. К следующим выборам — наоборот. Пользуясь таким раскладом, Пиковый Король умело подбирал себе команду. В основном из тех, что оказались в нокауте после последних выборов на соседней Индринской территории. К слову, Те Свои, можно сказать, родные предприниматели, кто провел его на этот пост, за ненадобностью были изгнаны подальше с глаз долой. Кто не убрался вместе со своим бизнесом, сидели тихо и послушно исполняли все, что им ни прикажут. Для этого у умелого начальника всегда есть надежные и безотказные рычаги.

А строить грандиозные объекты приглашались фирмы со стороны. Миллионы, как известно, легче всего зарывать в землю. Пойди потом посчитай, кому что досталось и кто сколько взял. Что ушло в откат, а что пошло-таки на строительство.

Между тем, главный исполнитель жизненных планов Короля Пик вскоре загремел по статье. За превышение полномочий. Однако Хозяина своего не сдал. Пиковый король вздохнул облегченно, и на строительство больших объектов в Ганино теперь стали приглашать предпринимателей более опытных, аж из самой Москвы.

Ну, а с сельским хозяйством дело посложнее. Даму с бриллиантовой брошью Пиковый король пригласил не из сердечных интересов, а исключительно ради ее способности из всего извлекать чистый капитал. Что оставалось в сухом остатке — тех, кто получил свою часть, уже не касалось. Хоть трава не расти.

Трава как раз росла. Кормовая. Пока ее еще сеяли. И отчитывались красиво. А вот телят забивали нещадно. На пельмени.

Стадо коров сокращалось, зато деньги на поддержку хозяйств администрация выделяла исправно. На строительство, в частности, нового завода по переработке чего-то сельско-хозяйственного... Даров природы, так сказать. Деньги, вот что самое главное — деньги шли... И откат осуществлялся своевременно. Дама с бриллиантовой брошью много себе не брала, как положено по условиям игры, делилась с Хозяином. Она понимала и принимала правила пульки.

Деревня запивалась. Старых работников увольняли за пьянку, прогулы и просто так. Серьезные люди — и молодые, и ветераны — с болью душевной уходили сами, понимая, что хозяйство гибнет, искали рабочие места в Соседнем Городе.

Между тем, свое предприятие на соседней территории у Дамы с бриллиантовой брошью процветало. И телята там исправно росли и здоровели. Хотя и пельмени лепились. Но как-то без телячьего мяса обходились... Конкуренция выявляет момент истины.

Вечером того дня, когда наша Дама увидела свой странный сон, она позвонила домой, в Индринск. Узнать, как идут дела в ее вотчине, обществе с ограниченной ответственностью "Отрада".

— На работе все отлично, — ответил супруг. — Но вот сын задерживается на рыбалке. До сих пор нет звонка. Невестка как бы и не волнуется, говорит, что заночевал, наверное, на стане, приедет.

А время то было весеннее, лед ненадежный. И сердце у нашей деловой Дамы екнуло. Сон вспомнился.

И пришла вторая ночь без сна. Утром муж позвонил, сказал, что сына едва спасли. Едва вытащили. Действительно провалился под лед. Но он дома. Все в порядке.

Высшие силы, в которые она, завзятая атеистка, никогда не верила, наглядно продемонстрировали ей свою силу. Предупредили.

Нет, просто совпадение. Такое вот совпадение. Она своим материнским сердцем заранее предчувствовала беду, которая могла приключиться и приключилась-таки с ее сыночком. Вот и все объяснение.

И все же позвонила младшенькому, в Большой город. У того как будто бы все было в порядке. Тем не менее она предупредила сына:

— Ты там смотри, не езди пока на рыбалку!

Тот удивился. Но пообещал.

"Ерунда эти сны, да! — облегченно вздохнула Дама, — Дело нужно делать, деньги зарабатывать. Для них же, для детей, и стараешься."

Следующие два дня ей предстояло провести в командировке, в небольшом селе, где располагалось рыболовецкое хозяйство. ООО, как теперь водится. Отчего-то она вдруг не согласилась идти ужинать в семью к здешнему Маленькому Хозяину, как делала всегда. Как было принято. И стол был предложен богатый, и выделена была ей в большом доме уютная комната. Но почему-то сегодня она отказалась от давно заведенного порядка. И на ночь отправилась в комнатуху для командировочных в здании местной администрации — деревянной постройке полувековой давности, где даже удобства на улице.

Но суть-то была не в удобствах, а в том, что на столе, для нее специально, видно, кто-то положил районку — газету, всегда преданно служившую своим хозяевам, от которой ни неприятностей, ни тем более разоблачений ждать не приходилось. И раскрыта газетка "Ганинские вести" была на литературной странице. Дама от нечего делать вечером прочитала сказочку, написанную местной авторшей, учительницей. Непростую, скажем прямо, сказочку. Чем дальше, тем внимательнее читала.

"Две сестрички, Каменка и Индра, легкие жизнерадостные души небольших притоков темной и холодной сибирской реки, с давних пор вместе росли и делили друг с другом

все свои маленькие тайны. Выходило и садилось солнце — изю дня в день, и они засветло успевали набегаться, наиграться и обсудить все события, происходящие в округе. Поболтать о погоде. И послушать сказки старика-ветра, прилетавшего из далеких холодных краев вечных льдов, приносившего им подарки и от высоких древних гор. И еще наши голубоглазые красавицы успевали посплетничать со своими приятельницами, живущими в заболоченных низинах. Потом их матушка — Большая река — тихонько целовала дочерей, отправляя спать. Отец — Бог Неба, укрывал одеялом ночи, и на их мир опускались сладкие сны.

Рыбаки, собиравшие на быстрых водах свой законный урожай речного серебра, не слишком тревожили покой своих благодетельниц, проводили обряды, прославляя молодых речных хозяек, и выпрашивали у них милости — хорошего улова. Веселья ради, девушки иногда загоняли стайки рыб в запоры рыбаков — и радовались, когда те разъезжались по домам с богатым уловом, не устывая благодарить своих покровительниц. Сестрам казалось, что так было и будет всегда.

Но, оказывается, мир может меняться. Что-то тревожное стало происходить вокруг. Хотя число рыбаков резко увеличилось, но сладких подношений, любимого нектара девушки больше не получали.

И еще. Кроме рыбаков, на берега пришли люди с большими рычащими машинами, которые оставляли после себя на месте таежных урманов — изувеченные пустоши. А дно рек покрывалось мертвыми телами сосен и кедров. Платья сестренок становились уже не такими нарядными и легкими, как прежде, и все оттого, что русла Каменки и Индры стали быстро мелеть... Их уже не защищали высокие зеленые леса.

А вместо маленьких таких домашних рыбацких костров начали загораться на берегах большие огни. Огромные факела. Милая малышка Каменка испуганно жалась к сестре, но и та, старшая, ничем не могла ее утешить.

Платья сестренок пошли черными радужными разводами. Это из разрывов труб вытекала и убивала все живое нефть.

А однажды случилось непоправимое. Каменка вдруг вся пожелтела. Платье клочьями свисало с ее плеч. Она не могла больше бегать. Индра суежилась вокруг сестренки, пытаясь чем-то помочь, но не знала как. Мать — Большая река уже сама однажды пережила эту страшную болезнь, которая настигла сейчас ее дочурку. Люди провели тогда небольшой испытательный атомный взрыв в низовьях Реки. Так и теперь надо вызывать Скорую помощь, чтобы доктора помогли ее дочурке Каменке... Спасут ли?"

Дама решительно отложила газету в сторону. Вот ей и подсказали, кто приходил к ней во сне — кто тянул в воду сначала ее, а потом ее сыновей. Но почему? Понятно, радиация, слой бревен на дне рек, разливы нефти... Да, в этих бедах человек виноват перед природой. Правильно все написала местная сказочница. Но она-то, Дама с бриллиантами, агроном. Кормовую траву вон растит для коров. Стоки очищают. Нет, Она никакого зла речкам не делает. Ей-то они почему угрожают? Сын старший чуть не погиб, чуть не утонул на своей рыбалке. Ладно, младшего пока не тронули.

И бывшая ярая атеистка от всей души обратилась к богам — нет, не с тихой молитвой, — с возмущением и негодованием, с просьбой о справедливости. Она не знала, к кому конкретно ей надо обращаться, — наверху, наверное, такая же иерархия, как и на земле. И все же обратилась. К Небу. Там пусть разберутся, и кто конкретно отвечает за этот участок работы, тот пусть и позаботится разобраться досконально, поставить на место этих двух соплячек, зазнаек — Каменку и Индру. Чтобы не мешали они ей работать на земле для счастья человека.

Оказывается, ее горячее послание наверх достигло ушей самого Бога Неба — отца наших малых речек. И он назначил слушания по Делу... И День Суда наступил.

Зал весь сиял. Свет лился от Голубой мантии судьи. И в душе нашей Дамы родилась надежда. Слово было предоставлено адвокату сестер.

— Обиды, нанесенные подсудимым Каменке и Индре, достигли небывалой силы. Разливы нефти и сброс промышленных отходов почти уничтожили водное население. Нужно было предпринимать что-то. Сестры вычислили среди местных жителей женщину, которая в силу тонкой душевной организации и своей профессии — она агроном — могла бы услышать их жалобы. Когда-то в юности Дама с бриллиантовой брошью была просто Девушкой с русой косой, и она слышала их песни, пела вместе с ними, смотрелась в речные зеркала. Таких слышащих и видящих людей осталось на земле совсем немного. А среди конкретных виновников болезней рек — их практически нет. Сестры Каменка и Индра неоднократно обращались к Даме с бриллиантовой брошью с просьбой остановить людской беспредел.

— Ко мне никто не обращался! Да и что я могу сделать? Я же не губернатор! — воскликнула истица.

— Помолчите. Вам будет дано слово в свое время, — сурово отозвался сияющий Судья в голубой мантии. — Продолжайте, господин адвокат.

— Я настаиваю, что сестры много раз пытались достучаться до Дамы с бриллиантами, но она просто не слышала их слов. Не видела их слез. Прежде всего потому, что в последнее время она сама перешла в лагерь негодяев.

— Какой “лагерь негодяев”?! Я работаю в администрации района, прошу не оскорблять!

— Я объявляю вам еще одно предупреждение. Если и далее будете нарушать, слушания продолжатся без вашего участия. — Судья стал суров, и Дама поежилась, вспомнив Пикового Короля. Тот так вел заседания, что все несогласные молчали в тряпочку. Она поникла. Поняла, что дело это безнадежное. Тут все схвачено у этих зазнаек, а у нее нет ни малейшего шанса на победу... Справедливости ей здесь не дожидаться...

— Одну минуточку, — остановил адвоката светящийся Судья в голубой мантии. — Госпожа истица, если вы не доверяете Суду, мы можем перенести заседание на ночное время. Тогда в роли Судьи будет выступать мой коллега.

Дама с бриллиантовой брошью вдруг испугалась. Нет, пусть они продолжают. Лишь бы все скорее закончилось. И чего ей вздумалось требовать справедливости?! Справедливости нет на земле — в этом она давно убедилась. Но справедливости нет и выше.

— Это вы неправильно понимаете справедливость, — откликнулся на ее мысли Судья. — Однако продолжим...

Даме было предложено высказать свои обвинения в адрес сестер.

— Они же пытались утопить и меня, и моих сыновей. Я во сне видела. А в реальности старший мой чуть не погиб, под лед провалился... Но я ни в чем не виновата! И мои мальчики тоже. Мы не нефтяники, не лесники, не энергетики. Это их надо судить!

— Ваши обвинения в адрес рек Каменки и Индры определяются судом как беспочвенные. Сын ваш жив, сон вы скоро забудете. И все же Вы по-своему правы, конечно. Но сегодня вы здесь представляете не лично себя, но, так сказать, население края, — мягко прокомментировал ее речь светящийся Судья.

Далее все пошло не по правилам. Суду были предоставлены кадры, подтверждающие загрязнение рек, вырубку кедровников и облысение береговых зон.

И еще то, что хотела бы забыть наша Дама: что рыбаки допускают массовый замор рыб, ставят заборы, которые не пропускают стаи рыб в верховья... Что река разделена на участки, и выкуплены они предпринимателями из Большого города, — а местные рыбаки остались с носом. Вынужденны практически батрачить...

— Но вас-то, духов стихий, это никак не касается! — снова не выдержала, возмутилась Дама с бриллиантами. — Кто

рыбачит, кто батрачит — вам какая разница? И кто получает прибыль, вам-то ведь тоже все равно!! Лишь бы реки текли, леса росли...

— Нет, милая Дама! Бизнес враждебен природе, как таковой. У вас лично к пальчикам золотишко прилипает, вы губите одно хозяйство для того, чтобы процветало другое. Мы ведь знаем все ваши тайные мыслишки. А негативные мысли, злые чувства губят все живое вокруг. Молитва спасает, а ненависть, зависть, ложь — губят. Зеленый и голубой миры страдают.

Мы только что отсмотрели горькие кинокадры уничтожения малых рек, показанные в качестве улики. А ведь все это происходит из-за того, что кто-то думает только о собственной выгоде, а не о благе человека, и тем более не о сохранении равновесия в природе!

... Очнулась наша героиня в больничке соседнего Городка. Муж сидел рядом. Вскочил, увидев, что супруга пришла в себя. Расплылся в улыбке.

— Господи, ты открыла глаза. Милая, дорогая...

— Где я? Что со мной? Сыновья здоровы ли?

— Да, со всеми все в порядке. Это тебе стало плохо, когда ты была в командировке. Перевезли сюда, в больницу. Врачи в растерянности, они не понимают, что с тобой. Слава богу, теперь все хорошо. Да, о тебе многие волнуются. Сам глава вашего района захотел приехать, навестить тебя.

"Вот как! Сам Пиковый Король пожалуется. Лично. Но, кажется, я все, что ему причитается с последних траншей, отдала... Сколько мне-то перепало?"

В этот самый момент Дама с бриллиантами вдруг отчетливо вспомнила слова, прозвучавшие в зале Суда:

"У вас к пальчикам золотишко прилипает, вы губите одно хозяйство, чтобы процветало другое. Мы ведь знаем ваши тайные мыслишки..."

И весь Суд, то необъяснимое, что произошло с ней в странном призрачном мире, словно вновь ожило и сурово потребовало каких-то перемен в жизни. Каких-то новых действий. Рассказать все мужу? Нет, он не поймет. Еще в психушку сдаст...

— Знаешь, я пока больна. Я не могу и не хочу, признаюсь, видеть нашего Главу. Скажи, что я увольняюсь по состоянию здоровья. Заявление напишу, как только выйду из больницы.

— Ты решила вернуться домой?! О, как я рад! У тебя и дома масса дел. Наше ООО "Отрада" ждет тебя. А я-то уж как без тебя намаялся. Сама понимаешь, у сына — семья, своя жизнь. А я все один да один. Работа, конечно, но... Как я рад!

Дама попросила расческу и стала медленно приводить в порядок свои густые и длинные светлые волосы, еще не тронутые сединой, обычно уложенные в прическу. Потом так же неторопливо начала заплетать косу. Муж смотрел на нее с изумлением.

— Я не узнаю тебя, милая... Что происходит?

— Ничего. Слушай, а где моя брошь?

— Да вот твоя драгоценность, у меня. Всю твою одежду сдали в камеру хранения тут, в больнице. А брошь и деньги у меня.

— Знаешь, может быть, мы сделаем взнос в фонд экологической акции "Спасти и сохранить", ты не против? Кажется, в фонде есть и вакансии... Надо же где-то будет работать...

— Нет, ты подожди. Не принимай решений сгоряча. Поправишься, тогда и думать будем, что да как делать, — муж вдруг заерзал на стуле и посмотрел на жену как-то особенно внимательно. Потом, видно, успокоившись, взял обе ее руки в свои и сказал:

— Спасибо, Боже, кажется, ты вернул мне мою ненаглядную жену. Я вижу тебя сейчас такой, какой полюбил когда-то...

Дама с косой счастливо засмеялась... Ее голубые глаза взглянули на мужа молодо и нежно.

А в окна больнички через зеркала облаков заглядывала тихая сегодня речка Индра. Она давно и терпеливо ожидала пробуждения Дамы, внимательно выслушала весь разговор супругов и побежала скорее к сестренке рассказать последние новости. Хорошие новости.

О СЕРЬЕЗНОСТИ И ЛЕГКОМЫСЛИИ

А в углу стояла вещь редкая: старое кресло, почти ископаемое, вроде динозавра, забытое народонаселением этой квартиры. Лишь дети иногда залезали на него, резвились, качались и хохотали. И кресло улыбалось им. Оно сохранило душу ребенка, хотя и скрипело от старости.

А рядом, на стенке, висел солидный древний ковер с вытканными на нем замысловатыми узорами в красно-желтой гамме.

Кресло и ковер любили по-стариковски побеседовать, а иногда и поспорить в ночной час, когда все обитатели дома засыпали.

— Нет, этот ковер стал слишком важным, совсем зазнался, — подумало однажды кресло-качалка, — строит из себя надутый парус, полагает, что он со своими солярными знаками — самый главный в доме.

Суть их дискуссии была в том, что они определяли самый важный в жизни путь. Либо сурьезный, либо смеховой. Ковер уверял, что всего важнее строгость, серьезность и соблюдение всех условностей и обычаев. А кресло-качалка — что правы люди веселые, которым на все условности наплевать. А правее всего дети, которые качаются на кресле.

— Понимаешь, милый коврик, — ворчливым тоном умудренного жизненным опытом старца закрипело кресло-качалка, — Конечно, люди серьезные непременно чего-то добиваются: строят города или рушат, режимы в государствах меняют, войны ведут, революции устраивают, бизнес развивают, казнят и милуют. Кажется, они и есть самые главные. Но это не совсем так. Посмотри на легкомысленных, они поют да хохочут, гуляют на травке... Стишки сочиняют, на карнавалах танцуют... Понимаешь, о чем я? Они сами живут и другим, кто рядом, становится радостнее от их беспечности. Вся энергия любой цивилизации, ее пассионарность (старики любили иногда вернуть в свои рассужде-

ния мудреные умные слова) — от них, от их смеха — вся сила! Уж я-то знаю. А твои сурьезные господа в кресло-качалку, между прочим, никогда не сядут.

— Вы не правы, уважаемое кресло! Что они могут, твои “пей-гуляй-летай”? Да! Хозяева жизни — народ строгий, деловой. Хоть и могут порой отдохнуть, анекдотец вернуть, уток пострелять, расслабиться, словом. Но в основном серьезные, да, серьезные! Иначе как им бизнес делать и странами управлять?!

— Дорогой ковер! Конечно, бывают деловые порядочные люди. Они, так сказать, костюмчики шьют, форму цивилизации придают. Реку жизни направляют по тому руслу, по которому, на их взгляд, она должна течь. Для их выгоды, разумеется. А вот река, та, что течет, — это и есть энергия легких и веселых, радостных людей. Мысль улавливаешь? Вот где сила!

— Не убедило ты меня, уважаемое кресло, но должен признать, что какая-то доля истины в твоём рассуждении, похоже, есть, — откликнулся задумчиво на слова соседа ковер.

— Согласись, дорогой ковер, что легкомысленные люди — это свободные люди.

— А серьезные, что ж, по-твоему, не свободны разве?

— А серьезные, увы, к сожалению, все больше рабы обстоятельств, узники, скажем так, власти или собственного богатства, славы. Да они и шагу не могут ступить по собственной воле, слова сказать в простоте душевной. А о свободе они все больше рассуждают. И заодно людям лапшу на уши вешают — про гражданские права.

— Уважаемое кресло, и откуда ты все это знаешь?

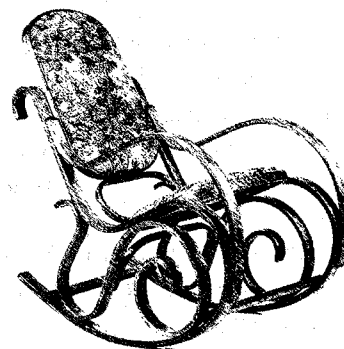
— Покачайся с мое... Кстати, и ты, дорогой ковер, не так прост. И не зря ты за серьезность, я думаю, выступаешь. Только, сдаётся мне, твоя серьезность — это и не серьезность вовсе. А Мудрость и Истина. Люди-то под серьезностью обычно совсем иное понимают: серьёзную мину на лице и отсутствие улыбки. Или присутствие приклеенной.

— Может быть, ты и право, мое дорогое кресло. И тогда — о чем мы спорим? Мудрость и энергия жизни — это же день и ночь, солнце и луна... Короче, две стороны одной монеты...

— Да, друг-философ, не зря ты носишь солярные знаки. А я все думал, что ты — просто зазнайка, прости великодушно. И что ты тогда скажешь о Любви?

— Любовь — это как раз и есть, наверное, источник энергии. Влюбленные, как, впрочем, и твои легкомысленные, обрати внимание, светятся. Сияют! Но это совсем другая тема...

Старое кресло-качалка задремало — с самым серьёзным видом, а по строгому коврику заиграли солнечные веселые зайчики.

МОНОЛОГ ЗЕМЛИ

Я — Земля, в былые дни лежала на боку и спала очень крепко, пока не захотелось мне почесаться. Золотое яблоко светило мне в глаза — и я проснулась. И стала чесаться — очень сильно. И там, где я касалась рукой, углублялась поверхность моего тела и возникали океаны. Зато там, где я выгибалась, потягиваясь под лучами молодого Солнышка-яблока, вздымались горные хребты.

Боги верхних миров заботились обо мне и укрывали облаками, чтобы мне было уютно в моей колыбели. И так шли времена, но я не имела о них никакого понятия, потому что играла со своими сестрами, мы радовались теплу нашего светящегося Отца и слушали его наставления.

Многочисленные родственники наезжали порой в гости, и от их горячих приветствий вздымались мои океаны. А другая родня жила далеко, писала письма, и мы их читали долгими вечерами. Вся наша большая деревня ждала, когда я повзрелею, хотя я не понимала, куда уж так торопиться. Возраст для меня никогда не имел значения. Но проходили эоны, и я стала больше задумываться о жизни, и мысли мои молниями сверкали над поднимающимися лесами. Да, это начали расти мои волосы — леса, и побежали по моему телу маленькие юркие существа. Я была рада играть и с большими, огромными моими сестрами, и с этими микроскопическими существами.

Но однажды они уж чересчур разыгрались — и я почувствовала небольшой ожог. Слегка стукнула себя по боку от неожиданности. Наверное, мои маленькие друзья не на шутку перепугались и поспешили спрятаться в свои норки.

Так я подумала было сначала. Потом я поняла, что произошло что-то другое, потому что очень долго ждала, когда они появятся, но их все не было. Продолжать веселую игру было не с кем, и мне стало скучно. Сестры утешали меня

как могли, говорили, что те существа не стоят моих слез. Что, может быть, они даже возродятся снова, и все будет по-прежнему, но я была безутешна. Тогда я и поняла, что такое взрослеть.

Взрослеешь, когда теряешь друзей.

КРЫСКИ

Крысиное семейство: Крыска-мать, Крыска — ее взрослая дочь, и с ними выводок малолетних крысят — давно и прочно обосновалось на одной из городских свалок. Место было выбрано на редкость богатое на всякую экологически чистую полезную еду. Да и устроились они так, что все соседи обзавидовались. Но потеснить их с хлебного места не решались. Обе умели встать единым фронтом и шипеть на завистников так, что сородичи в страхе уступали добычу и быстро ретировались.

Однако Мать и Дочь и между собой могли до крови подраться за лакомый кусок, но общие интересы были для них превыше всего.

Между тем, надо сказать, что не всегда они жили маленьким женским коллективом, со своим детсадом. Были времена! О да, незабвенные времена! Вместе со старшей Крысой, а позднее и с ее дочерью, жили их законные супруги. Не какие-нибудь пробегающие мимо чужие кавалеры, лихие, не упускающие случая поразвлечься. Нет, повенчанные, родные, грамотные, культурные, можно сказать. И все зубастое сообщество Свалки, конечно, страшно злилось по поводу их небесного счастья.

И что произошло? Ну что произошло? Красавица Крыска-мать однажды запала на принца с соседней свалки. Да, банальная история. Муж узнал и обозлился. Покусал даже женушку. В конце концов, ушел. Куда? А куда они все уходят?.. Крыска-мать проводила его оглушительным визгом с русским матом и проклятиями. Нет, она не считала себя ни в чем виноватой. Нормальный инстинкт, и все! Была, есть и будет у нее любовь с самыми красивыми и сильными особями рода! Она чувствовала себя королевой. Да и вся свалка, чего там скрывать и смущаться, уважала ее. Крыска-мать не сомневалась, что легенды о ней будут передаваться из поколения в поколение!

Уходу супруга она в глубине души даже радовалась — одним едоком меньше. Какой он же был обжора! А еще “тилигент”! Как он любил книжки читать?! Как книжку увидит, ни за что не отступится, пока всю не сгрызет! И Крыска-мать эту его страсть переняла — и сама с тех пор стала приглядываться к журнальчикам, газеткам, а то и красивым альбомам с картинками. И особенно ей на вкус понравились любовные романы. Она поняла, что-то в них есть. Не зря люди, которые все это складывают сюда для еды им, для создания благоприятного микроклимата, для их крысинаго развития и размножения, так высоко ценят плоды цивилизации. В частности, книгопечатание...

Супруг Крыски-дочери появился позднее. Он не был “тилигентом”, но и бойцом настоящим тоже не был. Отнять кусок у чужака из соседней стаи не умел. Духа боевого не замечалось. Зато красив был, шерстка гладкая, блестящая. Это точно. Вот отдыхать он точно любил, развалившись на солнышке... Крыска-мать долго терпела этого мечтателя, эту прихоть дочери. Ее семейное блаженство давно Крыске-матери надоело, можно сказать, в печенках засело. И однажды она не выдержала.

— Вон, бездельник! Сколько будем тебя кормить? Разлегся тут! — закричала она как-то с утречка, когда дочери не было дома. Та как раз находилась в крысином роддоме, рожала деточек. А вернувшись, возлюбленного супруга дома не застала.

— Он ушел, пока тебя не было, — сухо сказала мать. И добавила пару крепких словечек. Дочь промолчала.

Но с тех пор что-то изменилось в атмосфере семьи. Пришли откуда ни возьмись блохи. И сладу с ними не было никакого. Пробовали бороться, да руки опустили. Крыска-детушки то и дело болели... Росли они в облаках табачного дыма под бесконечные крики, мат, шлепки бабушки и матери — и однажды...

Однажды пришли в нору к нашему зубастому семейству дамочки из крысиной инспекции по делам несовершенно-

летних. Наверное, обиженные отцы нажаловались. Пришли, увидели пустые бутылки на кухне и слезы детей. И еще, оказывается, наши хозяйки совсем забыли, что и на свалке ее обитательницам надо коммуналку оплачивать... Долг висел страшный... И в итоге забрали малышей у двух нерадивых хозяйшек. В крысиный детский дом! Лишить родительских прав – вот какое было принято постановление.

– Ничего, я еще рожу, – сказала Крыска-дочь.

– Конечно, ты еще родишь. Только супруга своего ты больше сюда не приведешь! – отрезала Крыса-мать.

Посмотрела дочь на матушку и ничего не сказала. Утром Крыса-мать проснулась и увидела, что дочки нет. И вещей ее нет. Ушла. Куда? Зачем? Крыса-мать сидела уныло и уже приготовилась умирать. Она не шевелилась сутки. Вдруг поняла, что жизнь без дочки, без семьи теряет всякий смысл. Все, что было дорого и важно для нее, – власть, изобилие пищи, сила зубов – тоже вдруг поблекло и скукожилось.

Однако через день дочь позвонила по мобильнику. Их немало выбрасывают на свалку – и многие еще вполне нормально работают.

– Я вернулась к мужу. Детей мы отсудим. Они снова будут с нами. Юристы говорят, есть шанс. И коммуналку мы поможем оплатить. Ну, а ты-то как?

– Я лучше всех. И запомни, у меня больше нет дочери! – она на автомате выпалила то, что вертелось у нее в голове последнее время.

– Ну, не говори того, о чем потом пожалеешь. У меня мать пока есть. Если станет тебе одной немого, мы тебя заберем к себе.

“Обойдусь как-нибудь. Сама проживу, без тебя!” – так хотела ответить Крыса-мать. Но отчего-то промолчала. Огромное сладкое чувство, такое непонятное и щемящее, неожиданно зашевелилось в маленьком ее теле.

– Mam, ты не молчи, ты скажи что-нибудь! Не сердись! Ну, прости меня... Ты не заболела?

– Ладно, не переживай! Жива еще пока. Своего к рукам-то прибирай, не то опять сядет тебе на шею, – уже вполне миролюбиво, спокойно ответила мама-Крыса.

Звонок дочери вернул ей силы и надежду. Она передумала умирать. Пошла на охоту. Искать новые места – хлебные, где не будет дурных воспоминаний. Новые места – новые радости. Дочка ее любит. Она знает это. Дочка все равно рядом, хотя и живет теперь отдельно. По-современному. У каждой семьи – свое жилье.

А она, конечно, будет помогать поднимать внуков. Родные, дорогие ее дочь и внуки...

И ТУТ ПРИШЕЛ Я

И тут пришел я и бодро воскликнул:

— Я не опоздал? До Нового года еще успеем принять на грудь по одной?

Так я зачастую обращаюсь к своим друзьям. Однако отвечает почему-то моя женушка:

— Нет, как раз вовремя. Я все салатики уже сделала. Пожалуйста, сбегай за тортиком да можешь взять еще парочку бутылок "Клинского". И купи памперсы для Вовчика.

И как же это я "на автомате" пришел домой?! А меня все еще ждут, наверное, мои друзья-приятели...

— Так-то ты, Маруся, мужа встречаешь, — проворчал я, осознав свой прокол и очень радуясь ее идее отправить меня в магазин, — Я намерен праздник по-семейному встретить, а ты опять куда-то меня гонишь!

— Иди-иди да не задерживайся! Разнюхаете придут с минуты на минуту...

Но я уже топал по лестнице вниз. Через полчаса в дружной мужской компании мы пили... нет, вовсе не "Клинское"! Покрепче и погорячее. А потом нарисовались и девушки... Как встретили Новый год, совершенно не помню. Но точно очень здорово. И пели, и петарды пускали...

Зато утром я проснулся дома. Оказалось, что Разнюхаете приходили, и Маруся сказала, что очень мило посидели. Она все это рассказывала так, как будто бы я всю ночь был дома. Ссориться, наверное, моя умная жена не хочет. Зарплату я приношу ей вполне приличную. Ну что ж, примем как вариант. И я не стал спорить. Дома так дома. Но я отлично помню, как под утро я добирался в наш отдаленный микрорайон на обшарпанной машине приятеля. Но о новогодней вечеринке я супруге никогда не расскажу, не хочу волновать. Люблю я ее, вот какое дело.

ИЗ РАССКАЗОВ АБОРИГЕНОВ

Хозяйка леса

Как-то брат с сестрой возвращались домой, в деревню, с озера, куда бегали к отцу на промысел. И уже близко стали подходить к родной деревне, как увидели женщину. Подумали, что это кто-нибудь из односельчан ягоды собирал. Решили догнать. Догоняют-догоняют, а она все быстрее уходит по дороге в гору. Поднялась уже. А дети почти рядом, почти догнали... Только огляделись, а там и нет никого. Как в воздухе растаяла...

Девочка испугалась, заплакала. Брат ее успокоил, как мог. И побежали дети скорее в деревню. А там в это время старик один умер. Может быть, это его душа была, а может быть, это Хозяйка леса в гости к подругам ходила. Бывает, говорят, что лесные духи напрямую через речки перейти не могут, вот и идут в обход... Так-то... Как знать!

"Пора брать рыбу!"

Не раз к рыбакам, задремавшим на промыслах, во сне являлась стройная молодая женщина в белом, только лица ее никто никогда не мог разглядеть. И говорила: "Вставай, иди, пора!" Человек вскакивал, а вокруг никого. Бежал к речке, а там в котцах (ловушках) было рыбы полным-полно. И все рыбаки уверены, что к ним сама Хозяйка здешних мест приходила, напоминала, что надо рыбу брать. Такие дела...

Домовенок

"Дедушка-соседушка", — так называют селяне своего домового, охраняющего покой и мир в семье. Для него представляют еду, с ним разговаривают, его перевозят вместе со всем скарбом в новый дом при новоселье. Говорят, его видят кошки, да и некоторые люди, особенно женщины и дети. И любят с домовенком играть.

О ЛЮБВИ

Настена, Настена, погоди, я телевизор выключу, сериалы-сериалы, "Обручальное кольцо" бесконечно, а ты убежишь, и когда я тебя опять увижу... Дай-ка полюбуюсь, нагляжусь. Что-то глазки у нас красные, грустишь-печа-лишься, золотко мое. Любовь? Конечно, все она, любовь!

А ты не думай, что я, старая, не пойму. Этот ураган настигает людей в любом возрасте, да и помнится всю жизнь. Давно уж моего Петра, деда твоего, нет на белом свете, а он все для меня как живой, всегда рядом, все с ним разговоры разговариваю... Так-то.

Петр Павлинович был человеком уважительным, с достоинством, но и с юмором. Ох, как мы друг дружку любили! С ним рядом я испытывала всегда спокойствие и уверенность. И когда умирал, он не терял присутствия духа, все шутить пытался, меня утешал, успокаивал... И ты знаешь, каким человек рождается, таким он и помрет. А кто, например, смолоду за всеми юбками бегал, тот и к старости таким же остается. Был петушком, станет потрепанным облезлым петухом.

Бывают, конечно, и другие. Те, напротив, от счастья своего как прячутся с юных лет, так и в преклонные годы голову под крыло засунут, лишь бы на них ураган Любви не налетел. Осторожные такие. Но в женской заботе нуждается каждый мужчина. И тот Дон Жуан, за которым женщины хороводом ходят, и тот, что от любви прячется. И ему нужна женщина, которая так мягко руку протянет, что не испугает.

Счастью-то, ему открыться надо. И тогда ты плакать больше не будешь, золотко мое. Как открыться – вот тут он и есть, главный секрет. Те, нынешние, которые считают себя свободными, которые еще со школы все знают и все умеют – те несчастливы. Постель и любовные ласки без любви – это блесна, обманка, видишь ли. Людям становится страш-

но в этом холодном и враждебном мире, где все – против тебя. Каждый – за свой карман. И убийства, убийства, сколько же людей гибнет... Как будто война идет, а это Мамонна на нас наступает. Вот человек и рвется согреться душой – а получается, что телом согрелся, а душа-то замерзает, и плачет, и плачет... Это только кажется, что объятия сближают. Если любви нет, они разделяют.

Ты не гляди, что иная бабочка ночная и одета роскошно, и на дорогой машине ездит. Все равно жизнь этих женщин помята, испорчена. Если даже счастье ей и улыбнется, и замуж выйдет – бывает, бывает, – то болезни хвостом пойдут. И подарит ли ей еще Бог детей – неизвестно. Тут я как-то ехала на автобусе из сада утречком, ночевала там, и поглядела на двух девчушек. Сидят на корточках в юбчонках до пупа на троллейбусной остановке, утомленные, встре-панные, одну сигарку на двоих смолят... Сердце защемило. Как их жизнь потом сложится? Матери-то куда смотрят?

Да что это я все о других? Ты-то, Настена, что слезы льешь? Живешь с Сашкой-то? Расписались бы хоть, чтоб все как у людей было. Аль гуляет он? Почему печалишься?

Замуж зовет? Так хорошо же. А ты чего норов свой показываешь? Какого еще прынца ждешь?

Ты Александра привела в дом, живете вместе, по-нонешнему, как бы в гражданском браке. У вас так теперь приня-то. Чего реवेशь, не пойму я, старая, видно, совсем стала... Не все гладко? Спокойствие и уверенность, силу свою женскую рядом с ним чувствуешь? Ну и что тогда, чем недовольна?! Денег мало домой носит, выпить не промах. Так от жены зависит, как муж ее по жизни пойдет. Подбад-ривать надо, поддерживать. Мужчины – слабый пол, что бы там не говорили люди. Вот и помирают они раньше нас.

Если сомневаешься в чем, ты сердце свое спроси, как тебе жизнь строить, идти ли под венец?

Это люди обманывают друг друга. Под масками прячутся, порой и не разглядишь. А сердце – оно не обманет. Са-

шок-то тебя любит, это я точно знаю. Он серьезный человек, не бабник, так я думаю. Любовь, она дорогого стоит. И не реви ты, а радуйся. Как я вон радуюсь и тебе, и соседке, что соли придет попросить. И деньку солнечному. Держи уровень счастья на отметке – сто процентов, тогда не ошибешься. Человека зря не обидишь. И сама будешь счастлива. А выбора, его на самом деле нет. Это нам кажется, что мы выбор делаем. Ну, внученька, дай я тебя на прощанье поцелую. Улыбайся, Настенька, улыбайся!

КОЕ-ЧТО ОБ ИСТОРИИ

– Вчерашний день, кто и что скажет мне о вчерашнем дне? Он ушел – и нет его. А те, кто хранит память о прошлом – глупцы! Жить нужно сегодняшним днем, больше, скажу я вам, сегодняшним мгновением!

– А как же история?! Суровая дама – история? Мне странны ваши рассуждения, вы уже в таких годах, что сами становитесь экспонатом...

– Ах, мой юный оппонент! Как же вы наивны и дерзки при этом... Муза Клио, она собирает свои крохи на кладбищах, разрывает старые склепы – говорят, что ее адепты собираются даже великого Сфинкса разобрать по кусочкам, чтобы поглядеть, что у него там, внутри, нет ли какой тайны?!

– Но есть же архивы, рукописи, документы эпох. Вы что, хотите стать Иваном, не помнящим родства? Даже народы, не имеющие письменности, хранят свою историю в мифах и легендах, ценят и берегут ее...

– Ах, вы о документах эпох и мифах. В самом деле, вы и не подозреваете, насколько эти понятия близки. Известно ли вам, дорогой мой, как просто, находясь на вершине социальной пирамиды, вычеркнуть неугодные страницы из любой истории, из любого документа.

– Но память народа! Те же легенды! Свидетельства очевидцев, передаваемые из поколения в поколение...

– Люди слабы. Они помнят только то, что им выгодно и безопасно помнить. Или что им навязали те же властители. Впрочем, вы все-таки в чем-то правы. Есть некая правда о прошлом. Она – в народных песнях. Вот это более осязаемо, чем документы эпохи...

– Песни! Да вы, кажется, сошли с ума! Не лучше ли доверять кинохронике...

– А притчу о трех слепцах вы помните? Один трогал хвост слона и говорил, что слон похож на веревку; другой гладил его бок и уверял, что...

— Довольно! Значит, вы полагаете, что объективная истина — в фольклоре?

— Не только. Фольклор — это, так сказать, хор. А можно послушать и солистов, чтобы понять, что за спектакли ставились на мировой сцене в тот или иной период. Бабель вам расскажет про гражданскую войну. Пильняк — о том, что последовало дальше. То же касается и авторов древности или наших дней.

Истина просвечивает — сквозь вымысел или даже вопреки авторскому замыслу. Более того, автор желает скрыть истину — а она сияет ярче.

— Но тогда... а умеем ли мы читать, уважаемый профессор?

— Умение читать и слышать — это дар. "Имеющий уши да слышит", — библейские истины из вневременного мира, мой молодой друг.

— Так вот вы о чем говорили, о каком мгновении — вы говорили о Вечности? Но кто имеет туда доступ? Да существуют ли эти ваши хроники Акаши, не фантазии ли это?

— А вы подумайте сами. Вспомните о Льве Гумилеве, Карамзине и Сергее Соловьеве... Они были не просто историками, но поэтами. Вы понимаете? Во вневременной мир могут войти лишь люди творчества — на волне мелодии или вибрации точного слова. Вот, собственно, вам, мой юный оппонент, и ответ на вопрос, почему именно люди искусства помогают историкам разгадывать тайны веков. Ощущать аромат ушедших времен. Потому что они сами — из вневременья.

— Но вы же начали разговор с того, что жить нужно одним мгновением, уважаемый профессор. Одно высказывание исключает другое.

— Юный друг! Там, где время лежит свернутой киноплёнкой на столе, ты живешь всегда в едином мгновении — и во всем вневременьи. Однако я спешу на лекции. Спасибо за беседу.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Я проснулась непривычно для себя рано. Обычно ночью бодрствую, а все утро и полдня сплю как сплюшка. Дни рождения давно уже не отмечаю, но на этот раз надо бы подсушиться. Вот и соскочила ни свет ни заря. Кроме племянницы Ники-Вероники, навещающей меня раз-два в неделю, сегодня я жду подругу детства Ксению, которая недавно вернулась в наш город. Похоронила мужа и возвратилась зачем-то на малую родину, в наш заштатный городишко. Теперь создает заново круг общения.

Один раз она уже побывала у меня, к ее приходу я попыталась расчистить проход к дивану и столу. Это у меня плохо получилось, и теперь я хочу повторить попытку. Чтобы можно было еще открыть дверь на балкон, проветрить комнату. Да, я живу в своей пещере среди вещей — вернее, доживаю среди мебели и книг, собранных еще моими родителями. Протискиваюсь к телефону и на кухню через пыльные завалы. Я с ними как-то сроднилась, они мне жить не мешают.

Книг давно уже не читаю — глаза подводят. Дома все больше смотрю телевизор, а на улицу выхожу, чтоб пройтись по близким магазинам и найти тот, где хлеб да молоко подешевле. Иногда в конце дня можно почти задарма купить каких-нибудь фруктов: хотя это и некондиция, но все-таки натуральный продукт, яблоки или хурма. Немного побаловать себя иногда полезно. И к сегодняшнему дню я прикупила яблочек на стол.

Целый день копошилась, пытаюсь растолкать по местам тряпки и вещички, разбросанные по всем поверхностям. Газеты и лифчики, кофточки и журналы, авторучки и носовые платки привычно обжили диван, стол, пианино. Когда-то я получила два высших образования. Дипломированный учитель математики и преподаватель по классу фортепиано. Но когда это было? Десятилетиями не открываю крышку моего друга-пианино.

И всех приятельниц порастеряла. А друзей я оттолкнула от себя еще в юности, когда поняла, что замужество — это песня не для меня. Проживу и так. Сестра Лиза нашла свое счастье и уехала с мужем подальше, а я работала в школе и ухаживала за больными родителями. Потом одна за другой случились две смерти самых близких мне людей. Сестра с мужем, конечно, приезжали на похороны, и даже отправили сюда жить, как бы мне в помощь, свою дочку Нику. Хотя я почему-то думаю, задняя мысль тут у них присутствовала: как бы ей квартиру мою не потерять. А то вдруг я тоже концы отдам, и пропадет неприватизированная недвижимость. Конечно, я прописала Нику у себя. Хотя живет она с мужем в общежитии.

А на меня после смерти родителей навалилась пустота, особенно когда я вышла на пенсию.

Но вот и вечерет уже, зимой рано смеркается, а ни от племянницы, ни от подруги Ксении ни слуху ни духу. Устала ждать около стола, почти расчищенного, на котором одиноко стояла хрустальная ваза с красными яблоками, разрисованный розами чайник, сахарница и китайские тонкого фарфора чашечки с блюдечками.

Пробралась к телефону (он стоит на пианино) и набрала номер Ники. Ее голосочек, как всегда, звонкий и веселый:

— Ой, поздравляю! Я как раз собиралась вам звонить. Нас с мужем тут в гости позвали, мы уходим. Тетя Поля, можно, мы завтра заскочим, подарок такой хороший купили. Вам понравится...

Гудки, гудки... Можно и завтра, конечно, все можно. Уже не надеясь ни на что хорошее, все же позвонила Ксении.

Подруга ответила замогильным голосом:

— Хвораю, ох, хвораю я. Вся простужена. Очень хотела придти поздравить, да видно, не судьба. В другой раз, ладно?!

Однако голос ее мне не показался хриплым и слабым. Стало ужасно обидно и одиноко. Слезки на колесках. За

что мне так? Отчего-то подумалась, что Ксюша, увидев в прошлый свой приход, как я живу, решила, что мне не место в ее новом круге общения.

Я встала и прошла к двери, затем медленно повернулась и оглядела комнату глазами человека, который входит сюда впервые. И ужаснулась. Как я тут могу жить? Теснотища — и при этом беспорядок, точно Мамай воевал...

Ладно, балкон сегодня открыла, и то с таким трудом к нему пробралась. Еще раз распахнула балконную дверь, постояла, ощущая на лице свежий колющий ветер февраля. И что же я могу сделать? Когда-то я ведь неплохо ориентировалась в мире, и воля к жизни была. Что стало со мной? Подошла к зеркалу. Сделала улыбку. Слезы и растянутые губы. Слепой дождь? И вдруг в ответ в глазах моих мелькнул какой-то огонек. Улыбка стала более естественной. Я вытерла слезы и достала любимые духи. Сколько лет я их не открывала! Пряный аромат напомнил мечты юности.

— Подойди-ка ко мне! — требовательно прозвучало в комнате. Я удивилась. И кто это так командует? К кому я должна подойти?

— Это я, твой "Рифей", я уже устал ждать, мои струны сохнут. Открой крышку скорее и играй!

Вон оно что! Мой дорогой инструмент изволит беседовать со мной не музыкальными звуками, а напрямую, словами. Ай да "Рифей"! Я отчего-то с улыбкой подчинилась.

— И что играть? — скорее подумала, чем спросила я.

— Да хоть гаммы, хоть Черни, — все еще ворчливо, но уже вполне миролюбиво ответил голос.

Пальцы побежали по клавишам легко, это память мышц. Начала с арпеджио, хотела отделаться пятью минутками, потом увлеклась. Зазвучал Моцарт.

Потом я взяла лист бумаги и записала себе для памяти:

"Некоторые книги — на продажу и в библиотеки;

Старый неработающий телевизор и стиральную машину — вон из дома. Позвонить только, придут и заберут. И

еще бы подкупить что-нибудь новенькое из одежды, чтобы можно было выйти в свет. Хоть на выставку в картинную галерею или на концерт".

Программа-минимум — пока еще есть силы. И какое-ни-
какое здоровье. И все это время "Рифей" терпеливо молчал. Он ждал. Он знал, что сегодня я уже не забуду о нем.

Снова, напевая, я стала наигрывать старые любимые мелодии. И клавиши были послушны.

— Что ж, будем праздновать день рождения, — сказала я и погладила лаковую поверхность крышки своего верного друга — фортепиано.

КЛЕНОВЫЕ ЛИСТЬЯ

Оказаться в этой квартире Александру Александровичу, видно, было суждено судьбой. Здесь, где на стенах нарисованы летящие кленовые листья. Нет, листочки не падают, а летят, качаясь, потому что они не мертвые, они живые, играющие с ветром. Просто растут на ветвях какого-то большого дерева, не видного отсюда, из этого мира. Сан Саныч иногда задумывался: где же стоит это волшебное дерево?

Там, в том лесочке, под иным солнцем, наверное, он бы заранее все знал о своей жизни. И не делал ошибок. А в нашем мире понять мотивы поведения госпожи-судьбы для обычного смертного весьма затруднительно.

Да и что такое судьба? Есть некий промысел божий насчет твоего пребывания на этой грешной земле. И ты либо укладываешься в предложенный вариант жизни, либо не тянешь, — и эти же задачи, которые не решишь сейчас, придется еще не одно воплощение решать да сдавать перед высокой комиссией в посмертии. Быть двоечником совсем не стыдно. Особенно если этого закона не знать и о смысле жизни не слишком задумываться. Лишь о ее материальной стороне. Которая важна, конечно, кто ж спорит, но... Большинство на планете — двоечники. По несколько воплощений сидят в одном классе. Зато у них дачи, квартиры, машины... А по нынешним меркам еще и собственность где-нибудь в Ницце или Лондоне.

Впрочем, есть и другой вариант. Человек, как резвая лошадка, раньше срока проходит всю дистанцию, и время, ему отпущенное, экономит. И может много чего еще успеть в этой жизни, пока последний звоночек прозвенит. О таких говорят: состоявшийся, успешный человек. Талант. А то и гений.

Александру нравилось думать, что и насчет него у Создателя были далеко идущие планы. Он с самого начала попал в клан резвых лошадок. Вернее, родился в семье авиа-

тора уже как член этого клана. Клана кадровых офицеров. Несколько поколений мужчин в семье были отличными служаками. Дед-генерал — героем Отечественной. Отец пошел по его стопам, стал военным летчиком. Отслужив положенное, не простился с небом, ушел в гражданскую авиацию. И сыну сказал: сначала погоны наденешь, а дальше решаю сам. Вот Александр, особенно не трепыхаясь, после школы подал документы в военное училище. Определился в танкисты. Кажется, его линия жизни была прочерчена весьма определенно. Никаких отклонений ни вправо, ни влево.

Дитя царицы будет царевичем, а дитя кухарки — в лучшем случае продавщицей в супермаркете. И грозит ей — продавщице — незавидная судьба жены алкоголика, вечный мат вокруг и сплошная безнадежность. Закон клана действует жестко и бескомпромиссно.

Исключения из этого правила бывают, но всякое исключение только подтверждает правило.

Но в какой-то момент все изменилось. Это случилось, когда после училища положенные годы были честно отданы военной службе, и на Кавказе он уже отслужил, на собственной шкуре ощутив этот ужас, — все офицерство новой России направляют на Кавказ, как на практику. Пропускают через Кавказ. Чтобы почувствовали вкус крови. Прививочка такая. Защищать интересы олигархов, воевать за нефть, жизнь положить готов ли? Всегда готов! Была уже и жена с вычурным именем Гора-Гортензия, и двое детей. Все, как и должно быть у нормальных людей, — и вдруг судьба Александра легла на крутой вираж.

Он демобилизовался и вместе с семьей вернулся в большой город, где жили родители.

Нужно было начинать новую тыловую жизнь. Начинать, можно сказать, с нуля. Отставники теперь все больше в бизнес, хотя бы в лхрану, рвутся, поближе к деньгам. Но Александр сразу отменил эту мысль. Лучше подальше от криминала.

Пошел работать на завод, к станку. Благо, технические дисциплины в училище преподавались на совесть, в голову на всю жизнь крепко запали. И проблем не было. Станочек, правда, высотой чуть не с трехэтажный дом, но ничего, он быстро освоил эту работу. Премудрость для танкиста-артиллериста небольшая.

Нужно было решать и проблему жилья. Родители звали к себе, трехкомнатная квартира. Места хватит. Но он уперся. Решили с Гортензией и детьми пока пожить на съемной.

Вот тут-то и возникло Дерево. В полуторке, которую они сняли в довольно удаленном районе, чтоб подешевле, стены были побелены и украшены серебристыми кленовыми листьями. Такой вот доморощенный дизайн прошлого века. Он хотел было заняться ремонтом, перебелить, обои, может быть, поклеить современные, но дерево попросило его пока погодить.

Оно заговорило с ним, когда жена и дети уснули, а он все перебирал в мозгу свою жизнь, тасуя события, как карты, пытаюсь понять, почему он в его-то зрелые годы оказался у разбитого корыта. Такое вот нелегкое испытание выпало. Да, в стране все меняется, перестройка, коррупция, криминальный бизнес процветает... Но тем не менее нельзя же все валить на обстоятельства. Он сам-то когда, где, в чем опростоволосился?

— Вспомни, Сан Саныч, по молодости о чем мечтал? — вдруг услышал он голос. Шелестящий, несущий свежесть и чистоту.

Вначале ему показалось, что это он разговаривает сам с собой, и на автомате ответил:

— О театре.

Одноклассница тогда ему нравилась, умница-разумница со старомодным именем Ефросинья-Фрося, все бегала в самостоятельность школьную заниматься, и он тогда за ней потянулся.

И Гортензия его сначала своим именем поразила, таким необыкновенным. Впрочем, Гора — это уже совсем другая

история. Из другого времени, когда они, курсанты, готовы были на все, чтобы только женское тело ощутить, его запах вдохнуть. Непреодолимое притяжение округлостей. Ах, как она порхала в столовой, как летала по залу. Какие у нее были руки, когда она ставила на столы или убирала тарелки! В то время он еще не умел отделять физическое влечение от истинного чувства. Казалось, вот это оно и есть, большое счастье. Лови его! Перед выпуском они сыграли веселую свадьбу — и вместе поехали в далекий гарнизон.

— Ага, вспомнил, Театр. И что же ты, никогда так и не попробовал себя на сцене?

Тут уже Александр понял, что он разговаривает с Деревом. С Кленом. Что он не в квартирке своей на кухне сидит, а на берегу реки расположился, на лужайке. И зеленое солнышко смотрит на него, а дерево — господи, Дерево! — разговаривает. Как у Толкиена в его романах-фэнтези.

— Как же не попробовал?! — ответил он собеседнику, как бы не очень и удивляясь, и даже наслаждаясь новым пейзажем и этим странным ночным разговором. — Я во всех гарнизонах такую самостоятельность разводил, сам всегда и пел, и плясал... Помню, вышли ночью на лед Амура, в Новый год, и такой спектакль поставили... Какие были звезды над нами...

— Да ты романтик! Я искренне рад познакомиться, очень доволен, что судьба свела нас. Трудно жить, когда и поговорить не с кем. Слушай, а, может быть, ты пока никакого ремонта делать не будешь?! Иначе заклеишь обоями все стены — мы больше и поговорить не сможем.

Человек мягкий и добрый, как многие люди богатырского телосложения, истинно мужественные, Александр не мог отказать своему новому Другу.

Но тут начала обижаться Гора. Она привыкла жить в ведомственных квартирах, безо всяких проблем, и, выйдя замуж еще молоденькой официанткой, уже более не работала, занимаясь детьми и домом. А тут, похоже, надо самой

зарабатывать деньги. Мужу одному не потянуть. И куда идти?

— На курсы компьютерные! — это опять подсказывает Александру Клен. — Без компа нынче как без рук. Никуда!

Он-то откуда знает? Однако совет хорош.

Гора начала заниматься на курсах секретарш — и все даже пошло у нее очень неплохо.

Только детьми ей теперь некогда было заниматься. Училась целыми днями.

Родители предложили, чтобы внуки пока пожили у них. Временно. А на выходные будут приходить домой. Скрепя сердце Александр согласился. В самом деле, бабушка с дедушкой во внуках души не чаяли, а годами не видели. И детишки были на седьмом небе от счастья.

После курсов, которые стоили немалые деньги, — тут уж пришлось тоже у родителей в долг брать — лучшим из лучших слушателей было обещано трудоустройство. Гортензия оказалась среди самых смысленных, быстрых и аккуратных. И ведь трудоустроили. Гора, которая и всегда, как нормальная офицерская жена, тщательно следила за собой, стала мазаться еще ярче, одеваться еще тщательнее, благо пока у нее хватало тряпок, оставшихся от прежней жизни. Но она уже поговаривала, что мода не стоит на месте. И надо бы что-нибудь подкупить. И это новенькое появлялось. Блузочка. Туфельки. Сапожки. Александр говорил комплименты по поводу обновок. Но старался при этом особенно не вникать, почему и где что куплено. Не концентрировать внимания. Обманывал себя, наверное. Ну, заработала жена. И покупает. Деньги она все равно не вкладывала в дом. Все заработанное оставалось у нее. На булавки, так сказать. Семью по-прежнему содержал и кормил отец. Как повелось издавна.

Но однажды Александр обратил внимание на новый перстень. Явно не дешевая бижутерия. Золото. И синий глубокого тона светящийся камень. Кажется, он называется сапфир.

— Гортензия, (в серьезные моменты он изредка называл ее полным именем, подчеркивая тем значительность, важность разговора) зачем ты так швыряешься деньгами? Это кольцо, наверное, стоит целое состояние. Мы же с тобой берем кредит на покупку квартиры. Я уже все разузнал, договорился, можно сказать. Давай обсудим... Я тут и планчик принес...

Гортензия, однако, совсем не проявила интереса к теме.

— Ах, какое состояние! Безделушка обыкновенная из газетного киоска. Что ты ко мне придираешься?! То не покупай, о поездке на Канары не мечтай! Машинешка какая у нас драная совсем! Садиться в нее стыдно! Не умеешь деньги зарабатывать, так лучше бы молчал!

Прежде от жены таких монологов он никогда не слышал. Всегда была внимательна, каждый его шаг угадывала... Старалась обеды повкуснее приготовить... С детьми уроки делала, книжки читала. А теперь и не спросит, как у Коли и Анюты дела в школе... И на столе теперь лапша, одна лапша!

— Сходи-ка с кольцом в ювелирный магазин-ломбард, спроси цену, — посоветовал ему как-то Клен, когда он, не в силах более жить в атмосфере подозрений, поделился своей болью с другом.

Сходил, спросил. Застонал от ответа ювелира. Эта безделица стоила столько, сколько он за всю свою жизнь не заработал и не сможет заработать никогда в будущем. Никогда.

Вернулся домой и тихонько положил перстенок на его обычное место на прикроватной тумбочке. Кажется, жена не заметила его отсутствия. А ведь надо жить дальше. Что же теперь делать? Гора ни в чем не признается, все идет как прежде. Но, как прежде, теперь просто быть не может.

Как же он так промахнулся с выбором самого близкого человека? Вот она, вторая его ошибка.

— А первая? — тихонько вступает Дерево. Оно все время тут, рядом, качает листьями, успокаивает. Утешает.

— Но ты уже знаешь, Клен, что первая — это неверный выбор профессии. Послушался родителей. Они, конечно, хотели как лучше. Продолжить династию. Но у меня ведь в жизни были совсем другие интересы. Теперь это мне ясно. Хотя служил и сражался я не хуже других, и ордена на груди. И сколько крови пролито! Разве об этом я мечтал в детстве, юности... Но так распорядилась судьба...

— Не терзай себя, не думай, что совершал ошибки. Это не ошибки, это этапы жизни. И ты был бы уже не ты, если бы что-то пошло по-другому. Ни одной строчки, ни одного дня не вычеркнуть. Военная служба — в гарнизонах и горячих точках — заранее запланированная часть твоей линии судьбы. Ты же сам, еще до рождения в этом мире, выстраивал ее. И Гортензия — тоже не ошибка. Ты в юности не сумел бы оценить другое, более нежное и возвышенное существо. Сломал бы, как дети ломают игрушки.

Теперь же все по-другому. Мирная жизнь. Что ж ты до сих пор в центр культуры ваш, заводской, не идешь? Там тебя все уже заждались.

— Соберусь, соберусь. А с Гортензией-то как быть?

— А зачем ты меня спрашиваешь? Ты ведь уже все решил.

Вот что он умел — принимать решения. Профессия научила.

Супруги развелись легко и без скандала. Оказывается, у Горы уже был составлен подробнейший бизнес-план ее дальнейшей яркой и богатой жизни. И Александру, Коле и Анюте в этом плане места не нашлось. Они остались за скобками. Потому Гортензия даже и не собиралась забирать детей у Александра. Вернее, у свекра и свекрови.

Оставшись один, Александр все свободное время стал проводить в центре культуры. Там занимался народный театр, ставили мюзиклы, а бывший офицер, умевший петь и двигаться артистично и легко, вполне подходил на роли героя-любownika. Очень скоро Сан Саныч стал своим на заводской сцене, самым, можно сказать, необходимым человеком.

И детей отец решил к культуре приобщить. В школу искусств отвел. Чтоб учились петь, танцевать, музицировать. Он уже понял, как много потерял, не получив в детстве этих знаний.

Александр хотел, чтобы в будущем они могли сами, свободно, выбрать для себя ту стезю, которая сможет дать им счастье. Потому что заниматься любимым делом — это счастье. И еще, конечно, семья. Офицер знает, что значит надежный тыл. Его тыл оказался, увы, ненадежным.

Он стал рабочим на заводе. И очень неплохим артистом в народном театре. Так ему удалось преодолеть закон кланов. Он вырвался из границ своей касты, могучей, уважаемой касты воинов. Вышел за ее пределы. Хватит касте пользоваться им! Он больше не будет кормить ее своей кровью, своей жизнью. Отец в ее рядах пожизненно, как и дед был. А он вырвался! Он победил!

— Да что ты такое говоришь, Сан Саныч?! — засмеялся Клен, когда он поделился с ним своими размышлениями на эту тему. — Ты вырвался из касты? Да нет! Хотя, конечно, такое в принципе возможно. Если бы ты учился, учился, учился и стал, допустим, академиком. Тогда ты поднялся бы ближе к вершинке пирамиды. К Водителям человечества. Вошел бы в слой времени.

Или, напротив. Спился бы, отчаялся и опустился к основанию пирамиды, в слои пространств, попал в разряд бомжей, бродяжек, перебивающихся отбросами на помойках. Но ты, слава Богу, выстоял!

Это каста спасла тебя. Хотя я не люблю слов — каста, клан. Просто братство добрых Сил Света. Ты думаешь, по чьему приказу я тут веду с тобой душеспасительные беседы? Кто устраивает тебе отдых в санатории под зеленым солнцем? Иначе ты бы не выдержал тех стрессов, какие подкидывает тебе жизнь...

Дело в том, что ты уже выполнил поставленную тебе в этом воплощении задачу. Ты мог бы погибнуть в последнем

бою. Но ты ухватил себя за волосы и выжил! И теперь, тут, уже на гражданке, ты осваиваешь новую программу. Как бы другую уже жизнь живешь, но в том же теле. Вот тебе и трудно.

Тебя поддерживает братство воинов духа. Мы — наставники лучших сынов нации, кадрового офицерства. Не оставляем и не оставим никогда своих друзей в беде. Ты вырвался из касты воинов? Смешно, право! Нет, ты был и остаешься солдатом, хотя и числишь себя по военному билету в запасе. Кстати, по-моему, тебе дали в последнем спектакле роль капитана корабля. Как ты думаешь, почему?! Да, совсем забыл тебе сказать. Уже подготовлены документы на выкуп этой квартиры. Да, в кредит. Но ты справишься.

Удивительные слова, утешительные слова, укрепляющие Дух слова. И это говорит просто Клен? Или он только ретранслятор чьих-то мыслей? Александр встал. Он обнял Дерево, как обнял бы друга.

— Спасибо.

Вечером на репетицию в театральную студию пришла заниматься новенькая — симпатичная, крепенькая, вся как наливное яблочко, девушка — по профессии своей на заводе программистка. Такая вот продвинутая молодежь. Почему-то она вдруг напонила ему Ефросинью-Фросю — девчущку оттуда, из давней его школьной юности. Глаза их вдруг, как бы ненароком, встретились, и между ними явно, ощутимо, зримо побежала светящаяся ниточка. Как будто кто-то ставил множество тире... Александр ощутил, что дыхание его вдруг сбилось. И подумал только, видна ли эта ниточка Света другим в этой комнате?

Вечером он хотел рассказать об этой встрече, о новом ощущении огромного счастья своему другу Клену. Однако Клен не отвечал. Уснул, наверное. Они, Деревья, такие сони... Александр тихонько погладил листья, летящие по стене. Шелестящие на ветру. Там, в мире, где солнце зеленое.

Послесловие

Итак, дорогой читатель, Вы закрыли последнюю страничку этой удивительной книги. Почему удивительной? Ну, во-первых, я глубоко убежден, что любая книга — уже чудо и требует для своего создания сил как материальных, психо-физических, так и неведомых нам пока, а стало быть, волшебных. Любая, самая простенькая.

Что же говорить о сборнике рассказов, предложенной нам с Вами многоуважаемым автором? Каждый рассказ здесь либо исповедь, либо откровение, либо открытие. Прочтя любой из них, наугад, из любого цикла, начинаешь смотреть на вещи, внешне обычные, внутренним, необычным взором.

А все рассказы, поделенные на три цикла, представляют в некотором отношении саму жизнь Галины Федоровой-Косаревой. Жизнь женщины, жены, возлюбленной, матери, журналиста, писателя. Все эти годы она жила вместе с нами, на одной с нами планете, и в то же время как бы слегка в другом измерении. Как бы немного над землей, не всегда ее касаясь. Нет, она не бежала реальных жизненных трудностей, верю, ни один близкий человек не может ее в этом упрекнуть. В годы молодежных порывов Галина Сергеевна была в авангарде: если уж трудиться, так непременно на севере! В годы перестройки с головой ушла в общественную жизнь, была президентом клуба ЮНЕСКО. Но, делая все это, она не переставала быть учеником Бога.

Наступает в жизни и период осени. Он дается не зря — осмыслить содеянное, собрать ценное воедино и постараться передать детям, внукам, нам с Вами — читателям. И одновременно с этим определить свою тропу как ясный, и в то же время полный тайн и подсказок, путь на карте Жизни.

Мне кажется, в книге “Долгое эхо” всё чудесно получилось: исповедальность не перехлестывает художественность, нереальная образность не отпугивает, а вовлекает в происходящее, доверительный тон вовсе лишен нравоучительства.

Искренне хочется поздравить автора с успехом. А успех этот совсем недавно подтвержден дипломом лауреата в номинации “Проза” на Восьмом областном конкурсе “Прекрасен наш союз”(2011).

Олег Павлов, член Союза писателей России

Содержание

От автора	5
-----------------	---

ДНИ ГЛАВНЫХ ВСТРЕЧ (1970-2000)

КАРТИНА	8
ВАГОНЫ С ПОМИДОРАМИ	19
КОМЕТА С ЧЕРНЫМ ШЛЕЙФОМ	33
ИГРА В МЯЧ	54
ДЕНЬ ГЛАВНЫХ ВСТРЕЧ	68
ВЕТЕР НАД ГОРОДОМ	100
БЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ	114

СТРОКИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

РОМАШКА И КВАНТ	126
ЧАЙНИК	129
ВЕЧЕР	131
ОГОНЬ	132
ПОРТРЕТ	133
СЫН ЛЕСА	139
СМЕХ НАВЕРХУ	145
КАПСУЛА	148

ТЕКСТЫ НОВОГО ВЕКА

УХОДИМ!	156
НУ, КТО ЖЕ ЗНАЛ?!	166
ПРИВЕТ ИЗ ЕГИПТА	179
ПТИЧКА ДЛЯ СЧАСТЬЯ	188
АККУРАТНАЯ ОТСТАВКА	196
СУД ДА ДЕЛО	203
О СЕРЬЕЗНОСТИ И ЛЕГКОМЫСЛИИ	215
МОНОЛОГ ЗЕМЛИ	218
КРЫСКИ	220
И ТУТ ПРИШЕЛ Я	224
ИЗ РАССКАЗОВ АБОРИГЕНОВ	225
О ЛЮБВИ	226
КОЕ-ЧТО ОБ ИСТОРИИ	229
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	231
КЛЕНОВЫЕ ЛИСТЬЯ	235

Литературно-художественное издание

Федорова-Косарева Г.С.

"Долгое эхо"

(рассказы)

Книга издана в авторской редакции

Оформление О. Стрелец

Компьютерная верстка, дизайн О. Павлов

Подписано в печать с оригинал-макета 15.01.2012

Формат издания 60×84 1/16. Гарнитура Таймс

Заказ 3715. Тираж 500 экз. Усл. печ. л. 14,42.

Челябинская областная писательская организация

ООО "Союз писателей России"

454091, Челябинск, ул. Советская, 67,

тел. 263-59-63

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ОАО "Челябинский Дом печати",

454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Внимание

всем пишущим

литературные произведения:

стихи, прозу, драматургию и прочее!

Челябинская областная писательская организация

ООО "Союз писателей России" и

Областной литературный клуб "Светунец"

приглашает Вас

на литературные консультации,

получение литературных рецензий

и консультаций по возможному изданию

Ваших авторских книг.

Справки по телефонам:

(351) 263-59-63

89049795805

89823310278

Галина Федорова-Косарева пришла в литературу четверть века назад. Ее дебют: сборник рассказов «Трудная половина», изданный в Свердловском книжном издательстве. Далее — книги в Москве и Екатеринбурге, публикации в журналах «Интерфакс», «Учитель», «Молодая гвардия», «Спутник», «Пограничник», «Урал». Много путешествовала — от Чукотки на севере до гирлянты Египта на юге, от острова Командора на востоке до прибрежной Испании (Бали на западе).

В настоящее время живет и работает в Челябинске, публикуется в альманахах «Светулицы», «Поселенный голос», «Графоман». Г. Федорова-Косарева — член Союза журналистов России, лауреат ряда премий.

«Темнота стала тиши. Пространство свернулось в дорожку и прижалось к шпильке серебряной иглы. Время повисло на заморских ветках далеких берез и не шелохнулось двадцать лет. Все замерло, точно проводило пальцы, что же такое — податливое.

Поблизости этой замкнутой бездны не было ни от куда возврата слышимой стирки в паре раски. Далекий, как бесконечность. Почти переключений. Все точно отключено. Ветер исторонено погасил свою седую борозду и тучно встал излучиной из черноты и белых слез, чужих.

Ветер дерзнул закружиться — тонкое отчаяние, белая молчаливая грусть. Пространство мгновенно разделилось со мной, чтобы поддаться. Понимается своим светом. Седьмидесятилетием ополчавшим и бесстыдно победившим. Свет. Дня, устал, на лавочку, женой ставшим, иду в свою темную пещеру...»